

Джин Шарп

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОБОРОНА
*Система вооружения
в эпоху постмилитаризма*

Вильнюс, 2002

Книга
Института Альберта Эйнштейна

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Много серьезных перемен произошло в мире с момента опубликования в 1990 году английского издания книги "Общественная оборона". Перестал существовать Советский Союз, обрели независимость входившие в него ранее республики, закончилась холодная война между Востоком и Западом, что значительно ослабило военную напряженность в Европе, и, наконец, произошло объединение Германии.

С другой стороны, кроме изменений положительного характера, произошли события, заставляющие серьезно задуматься над происходящим. Сегодня бывшую Социалистическую Федеративную Республику Югославию раздирает кровопролитная война, в которой народы Боснии и других районов страны подвергаются неслыханным злодеяниям. В различных частях земного шара значительно участились призывы к Организации Объединенных Наций с просьбой о военном вмешательстве в процесс урегулирования конфликтов. Окончание холодной войны, к сожалению, не привело к сокращению кровопролитных столкновений. Только в течение одного 1992 года было развязано рекордное количество - 29 серьезных военных конфликтов. Число жертв в этих войнах достигло самого высокого уровня за последние 17 лет.¹ В 1992 году как минимум шесть государственных переворотов увенчались успехом, и было предпринято более десяти попыток государственных переворотов.² В мировом масштабе проблемы обороны и безопасности не потеряли своей актуальности.

Эти события, одни - вполне обнадеживающие, другие - крайне тревожные, вынуждают пересмотреть традиционный подход к проблемам безопасности и обороны. Что, вероятнее всего, явится угрозой безопасности в ближайшем будущем? Каким образом в наше время, когда многие страны, обремененные ко-

¹ См. Руфь Лерер Сивард, *World Military and Social Expenditures, 1993* (Washington, DC: World Priorities, 1993), с.20.

² Информация о государственных переворотах взята из отчетов Агентства Рейтер 1992 года.

лоссальными затратами на вооружение, стараются сократить свои военные расходы, должна претворяться в жизнь или усиливать-ся политика сдерживания и обороны? Как страны, особенно переживающие быстрые социальные перемены или борющиеся с катастрофической нищетой, смогут избежать ситуаций, когда в результате установления сильной военной диктатуры они окажутся под жестоким гнетом захватившей власть военной клики? Каким образом возможно наиболее эффективное предотвращение государственных переворотов? Что способно обеспечить большую самостоятельность в вопросах обороно-способности и независимость от часто меняющихся внешнепо-литических курсов других государств?

Принимая во внимание наличие этих и других насущных проблем, мы утверждаем, что политика общественной обороны заслуживает внимательного рассмотрения. Всё возрастающая надежда на социальные, политические и экономические силы общества в деле непосредственного обеспечения сдерживания и обороны может внести огромный вклад в разрешение многих проблем безопасности, стоящих перед народами всего земного шара.

Общественная оборона, *подготовленное и запланированное* использование социального, экономического, политичес-кого и психологического “оружия” (такого, как забастовки, бой-коты и массовое неповиновение) для сдерживания и защиты от внешней агрессии и попыток захвата власти внутри страны, при-обрело большую популярность в последние годы, особенно в прибалтийских странах. В настоящем предисловии нам хоте-лось бы остановиться на примерах использования подобной по-литики, чтобы подчеркнуть ее соответствие насущным пробле-мам сегодняшнего дня.

В своей недавней борьбе за независимость от советского влияния эстонцы, латыши и литовцы отказались от примене-ния методов партизанской войны и террористических акций. Они использовали широкий диапазон гражданских и ненасильст-венных методов. Иногда независимые правительственные орга-низации Прибалтики пытались заранее запланировать подобные

акции. Так, например, в январе 1991 года государственные деятели Эстонии и члены Народного фронта разработали план сопротивления, названный “Общественное неповиновение”. В соответствии с этим планом в случае атаки советских войск населению предписывалось относиться как к незаконным ко всем приказам, противоречащим эстонскому законодательству; проводить политику жесткого неповиновения и отказа от сотрудничества по отношению ко всем советским попыткам ужесточения контроля; отказываться от предоставления советским властям необходимой информации; по мере возможности снимать вывески с названиями улиц, дорожные знаки, номера домов и т.д.; не поддаваться на провокации; документально запечатлеть на бумаге и киноплёнке действия Советов и использовать все возможные каналы для сохранения и распространения подобной информации по всему миру; обеспечить деятельность эстонских политических и общественных организаций, создавая дублирующие организации и укрывая необходимое оборудование; в случае надобности обеспечивать массовые выступления, а также предпринимать попытки контакта с потенциальными оппонентами.³

Во время советского нападения на Литву в январе 1991 года правительство Ландсбергиса организовало демонстрации в защиту независимого парламента. После убийства 14 человек у телебашни в Вильнюсе и захвата отдельных объектов по всей Литве, Верховный Совет Литвы заявил, что в случае полной советской военной оккупации все государственные организации “обязаны отказываться от сотрудничества с оккупационными войсками и с лояльными им гражданами”. Населению также рекомендовалось “использовать принципы неповиновения, ненасильственного сопротивления, политического и социального несотрудничества, как *основные средства ведения борьбы за независимость*” (курсив наш).⁴

³ Как выделил Стивен Хикслей в своей неопубликованной статье “Civilian Disobedience and the Defense of Estonia” (21 февраля 1991), с.3.

⁴ Parliamentary Information Bureau News Bulletin, Release N.145, 28 февраля 1991, в соответствии с переводом Информационного Центра Литвы, Нью-Йорк, США.

В ожидании советского нападения Латвия также предприняла ряд мер по применению политики общественной обороны. В июне 1991 года Верховный Совет Латвии утвердил создание Центра ненасильственной обороны. В разработанном центром “Основных принципах ненасильственной обороны Латвийской республики” провозглашается, что “методы ненасильственной обороны направлены на защиту Латвийского государства, на мобилизацию всего населения Латвии, поддерживающего независимость, на ненасильственную борьбу... Основные принципы этой борьбы - полное несотрудничество и неповиновение пособникам противника”. Для государственных органов, частных организаций и отдельных граждан были разработаны инструкции, предусматривающие ряд мер на случай государственного переворота, поддерживаемого Советами, а также возможность продолжения сопротивления в случае полной оккупации страны. Эти рекомендации были утверждены и распространялись во время попытки государственного переворота в Советском Союзе 18-21 августа 1991 года. Правительства и политические органы Латвии, Литвы и Эстонии немедленно приняли политику несотрудничества и неповиновения путчистам, однако молниеносный разгром государственного переворота в Москве устранил необходимость дальнейшего сопротивления.⁵

Вышеупомянутые действия независимых правительств Прибалтики являют собой первые официальные шаги на пути использования методов общественной обороны в кризисной ситуации. В тех странах, где существует разработанная политика общественной обороны, такие решения правительств будут опираться на организованные инфраструктуры сопротивления и на население, обученное искусству несотрудничества и неповиновения. В 1990 и 1991 годах ни в одной из трех прибалтийских стран еще не существовало (и это вполне логично) разработанной базы для применения методов общественной обороны. Впро-

⁵ По поводу действий в Латвии и перевода документации, относящейся к вопросам общественной обороны в Латвии, см. Ольгерц Эглитис, *Nonviolent Action in the Liberation of Latvia*, Monograph Series N.5 (Cambridge, Massachusetts: The Albert Einstein Institution, 1993).

чем, и в настоящее время еще не совсем ясно, будут ли страны Прибалтики делать ставку на применение общественной обороны.

Разгром попытки правого государственного переворота в Советском Союзе в 1991 году убедительно показывает потенциал общественной обороны в деле защиты против внутренней узурпации власти. Возглавляемый вице-президентом СССР, премьер-министром, министром обороны, главой КГБ и министром внутренних дел государственный переворот ставил своей задачей отстранение М. Горбачева с поста президента и установление режима неосталинизма. Несмотря на то, что в руках путчистов был огромный запас военных и экономических ресурсов, государственный переворот был подавлен благодаря массовому народному неповиновению и отсутствию поддержки со стороны армии. Хотя и незапланированное и неорганизованное (и, таким образом, не характерное для общественной обороны, требующей предварительного планирования и обучения), общественное сопротивление все же ясно доказало, что оно способно подавить любое посягательство путчистов на законность и является жизненно важным элементом в деле внесения раскола в ряды высшего офицерского состава.

Приведенные нами случаи использования методов общественной обороны являются примерами наиболее недавних проявлений далеко уходящей в прошлое, но часто забываемой истории человечества, истории, которая хранит для всех жизненно важные уроки потенциальной агрессии, как внешней, так и внутренней. Вместе с ситуациями, описанными в данной книге, эти примеры могут рассматриваться как прототипы потенциально мощных новых форм обороны.

Настоящая книга ставит своей целью показать, что с помощью обстоятельных исследований, анализа, планирования и обучения политика общественной обороны сможет значительно усилить способность страны как сдерживать, так и поражать ее захват и оккупацию извне, а также внутреннюю узурпацию власти. Мы рады предоставить читателям возможность критически ознакомиться с данным утверждением.

Русское издание книги “Общественная оборона” немного изменено по сравнению с ее английским вариантом. Это дает возможность отразить определенные политические изменения, происшедшие за последние несколько лет. Перевод и публикация этой книги стали возможными благодаря многим людям. Мы хотели бы выразить свою признательность доктору Абдусалиму Гусейнову и доктору Рубену Апресяну, сотрудникам Отдела этики Института философии Академии наук России за инициативу создания этого издания. Доктор Апресян и его коллеги работали над первым вариантом перевода. Таня Гассель-Возлинская и Таня Чеботарева детально переработали первый вариант и создали, по сути, новый перевод. Им мы особенно признательны. Мы также хотели бы поблагодарить Александра Вольпина за критический обзор текста перевода и за его полезные замечания и предложения.

*Джин Шарп
Брюс Дженкинс*

*Институт Альберта Эйнштейна
50 Church Street,
Cambridge, MA 02138 USA*

1 декабря 1993 г.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Бескровный переворот (Bloodless coup) - успешный государственный переворот, осуществленный без жертв. Не путать с ненасильственной борьбой, хотя такой переворот иногда следует за ненасильственными протестами и сопротивлением против правительства.

Бойкот (Boycott) - отказ от социального, экономического и политического сотрудничества.

Всеобщая забастовка (General strike) - прекращение работы большинством рабочих в наиболее важных отраслях промышленности определенного района или страны, направленное на остановку экономической активности ради достижения политических или экономических целей. Исключение могут составить предприятия, обеспечивающие население продуктами питания, водой, или занимающиеся проблемами здравоохранения. Такая забастовка может носить символический характер и продолжаться не более часа для того, чтобы продемонстрировать позицию забастовщиков. Или же она может быть направлена на то, чтобы парализовать экономику и вынудить оппонента пойти на уступки.

Голодовка (Fast) - добровольный отказ от конкретной пищи или от еды вообще. В социальном или политическом конфликте она может сочетаться с попытками морального воздействия на оппонента с целью изменения его позиции. С помощью голодовки можно также принудить оппонента пойти на определенные уступки - в этом случае она называется голодной забастовкой (hunger strike).

Гражданская забастовка (Civil strike) - одновременное прекращение всеми членами общества обычной деятельности - экономической, социальной и политической - для достижения общей политической цели.

Данный словарь терминов был подготовлен и выпущен отдельным буклетом Институтом им. Альберта Эйнштейна (A Journalist's Glossary of Nonviolent Struggle) с целью помочь журналистам и репортерам компетентно освещать различные акции, кампании и движения, носящие ненасильственный характер.

Гражданское неповиновение (Civil disobedience) - намеренное, открытое и мирное нарушение определенных законов, декретов, распоряжений, приказов армии и полиции или других правительственных директив. Приказы могут не выполняться в силу того, что они рассматриваются как незаконные и аморальные или символизирующие политику, против которой направлен протест. Гражданское неповиновение может осуществляться в форме индивидуальных, коллективных (групповых) и массовых действий.

Гражданское восстание (Civilian insurrection) - ненасильственное выступление против диктатуры или какого-либо иного непопулярного режима, обычно включающее повсеместный отказ от признания законности режима, массовые забастовки и демонстрации, прекращение экономической деятельности и широкий отказ от политического сотрудничества. Отказ от политического сотрудничества может включать действия государственных служащих и мятежи в частях полиции и армии. На завершающих стадиях часто возникает параллельное правительство.

Успех гражданского восстания может привести к свержению существующего режима в течение нескольких дней или недель, тогда как затяжная борьба длится месяцы и годы. Гражданское восстание часто завершается выдворением низложенных руководителей из страны, как это было, к примеру, с Фердинандом Маркосом в 1986 году и с иранским шахом в 1979 году.

Гражданское восстание называют также «ненасильственным восстанием».

Забастовка (Strike) - групповое добровольное сокращение или прекращение работы, обычно временное, с целью оказания давления на работодателей или иногда на правительство. Забастовки могут проводиться в разных формах, широко различаясь по временным и территориальным масштабам. См. также «экономическое несотрудничество».

Мятеж (Mutiny) - отказ полиции или армии выполнять приказы. В крайних случаях может выражаться в индивидуальном или групповом дезертирстве. Представляет собой ме-

тод ненасильственных действий, если участники неповиновения не прибегают к насилию.

Народная сила (People power) - способность мобилизованного населения и его институтов воздействовать на положение в обществе, применяя ненасильственные методы борьбы. Этот термин был особенно популярен во время филиппинского ненасильственного восстания в 1986 году.

Насилие (Violence) - нанесение людям физических увечий, убийства или угроза этих действий. Нельзя четко подразделить все действия на «насильственные» и «ненасильственные» - некоторые действия, включая «разрушение собственности», попадают между этими двумя крайностями.

В сообщениях о демонстрациях или движениях сопротивления, которые носили, в основном или исключительно, ненасильственный характер, необходимо четко отличать их, например, от актов насилия, совершаемых небольшими группами недисциплинированных или деструктивно настроенных по политическим причинам людей, или даже *агентами-провокаторами*. Аналогичным образом неправильно называть «насильственной» демонстрацию, в отношении которой полицией или войсками было применено насилие, но которая, тем не менее, поддерживает свою ненасильственную дисциплину.

Ненасилие (Nonviolence) - (1) - поведение людей, отказывающихся в случае конфликта прибегать к насилию; (2) - одна из нескольких теорий, принципиально, а не из соображений нецелесообразности, отвергающая насилие.

В других случаях от употребления этого термина следует отказаться, так как часто это порождает двусмысленность и неверное понимание. Для описания конкретных действий или движений рекомендуются такие термины, как «ненасильственное действие», «ненасильственное сопротивление» или «ненасильственная борьба».

Ненасильственная борьба (Nonviolent struggle) - синоним «ненасильственного действия». Используя этот термин, можно специально подчеркнуть, что применяемые в конфликте

ненасильственные действия носят целенаправленный и атакующий характер. Этот термин особенно уместен для описания ненасильственных действий, направленных против целеустремленного, сильного противника, применяющего репрессии и контрмеры.

Ненасильственная дисциплина (Nonviolent discipline) - строгое соблюдение принятой стратегии и тактики, приверженность ненасилию даже перед угрозой репрессий. Ненасильственная дисциплина - основной фактор успеха ненасильственной борьбы.

Ненасильственное действие (Nonviolent action) - техника разрешения конфликта, основанная на неприменении участниками борьбы физического насилия. Это альтернатива как пассивному подчинению, так и применению насилия. Ее методы включают различные специфические приемы, разделенные на три основные категории: ненасильственный протест и убеждение, несотрудничество и ненасильственная интервенция.

Методы использования этих действий изменяются в зависимости от причин их применения, целей, путей (механизмов), с помощью которых можно добиться успеха, и от взаимоотношений между ненасильственными и другими действиями.

Ненасильственное сопротивление (Nonviolent resistance) - ненасильственная борьба, выражающаяся в отказе от сотрудничества в ответ на действия, политику или правительства, с которыми не согласны ее участники. В случаях, когда речь идет о всеохватывающей технике ненасильственных действий или об инициативах групп ненасилия, их присоединении к ненасильственным акциям, например, к сидячей забастовке, уместны более общие термины: «ненасильственное действие» и «ненасильственная борьба».

Ненасильственные санкции (Nonviolent sanctions) - методы осуществления техники ненасильственных действий. Этот термин употребляется в случаях, когда нужно прояснить, что

применяемые методы не просто выражают определенную позицию, а призваны содействовать завоеванию власти, оказанию влияния, применению наказаний или вынуждению к непомерным затратам.

Общественная оборона (Civilian-based defense) - политика обороны страны, направленная на отражение как внешней (вторжение), так и внутренней (государственный переворот) агрессии путем подготовки населения и социальных институтов к массовому ненасильственному сопротивлению и неповиновению. Основная стратегия общественной обороны направлена на отрицание целей захватчиков, недопущение установления их правительства и на проведение подрывной работы в их войсках. Проведение такой политики, отдельно или в сочетании с военными действиями, привлекло внимание государственных и военных деятелей ряда европейских стран.

Отказ от сотрудничества (Noncooperation) - действия, намеренно ограничивающие, приостанавливающие или прекращающие социальное, экономическое или политическое сотрудничество с учреждением, организацией или правительством или с проводимой ими политикой. Представляет собой общее название для методов ненасильственных действий.

Пацифизм (Pacifism) - некоторые виды теорий, в которых насилие принципиально отвергается. Пацифизм следует отличать от методов ненасильственных действий, которые обычно используются на практике людьми, не являющимися пацифистами. Пацифистские учения как минимум отвергают участие в каких-либо войнах между странами или гражданских войнах, а также в насильственных революциях. Пацифисты могут поддерживать ненасильственную борьбу, но могут и выступать против нее по моральным соображениям, считая, что она только усугубляет конфликты. Поэтому термины «пацифизм» или «пацифист» не следует использовать по отношению к ненасильственной борьбе, когда нет твердой уверенности в том, что пацифисты действительно играют важную роль в конфликте.

Пассивное сопротивление (Passive resistance) - термин, возникший в XIX веке и одно время использовавшийся для описания ненасильственной борьбы. В настоящее время этот термин непопулярен и отвергнут, т.к. слово «пассивное» является неправильным определением недавних случаев ненасильственного отказа от сотрудничества и повиновения.

Переворужение (Transarmament) - процесс вытеснения сил военной обороны постепенно развивающейся структурой национальной общественной обороны. «Переворужение» отличается от «разоружения», которое включает в себя просто сокращение или уничтожение военного потенциала, без обеспечения его замены в национальной обороне. См. также «общественная оборона».

Политический бойкот (Political boycott) - см. «Политическое несотрудничество».

Политическое несотрудничество (Political noncooperation) - отказ от обычного политического повиновения и сотрудничества с политической системой с целью исправления какой-либо конкретной ситуации, вызывающей недовольство, или свержения правительства. Отказ от политического сотрудничества может принимать различные формы, включая выражение несогласия, гражданское неповиновение «незаконным» законодательствам и дипломатическое непризнание режима правительством. Синоним термина «политический бойкот».

См. также «отказ от сотрудничества».

Полная остановка экономической деятельности (Economic shut-down) - прекращение экономической активности в городе, районе или стране, осуществляемое в масштабах, достаточно крупных для того, чтобы парализовать экономику. Является комбинацией всеобщей забастовки рабочих с закрытием бизнеса их владельцами и менеджерами.

Санкции (Sanctions) - наказания или репрессии насильственного или ненасильственного характера либо за отказ действовать предсказуемым или желаемым образом, либо же за непредсказуемые или запрещенные поступки. Ненасиль-

ственные санкции, в отличие от насильственных, в меньшей мере выступают как репрессии и направлены на достижение определенных целей.

См. «ненасильственные санкции».

Сатьяграха (Satyagraha) - версия М. К. Ганди о ненасильственных действиях, а также его более полное учение, сочетающее ненасильственное поведение личности и его социальную ответственность. Произносится *сать-я-граха*.

Сила (Force) - (1) - применение силы (включая угрозу и наложение санкций, которые могут быть как насильственными, так и ненасильственными); например, «сила, вызванная движением гражданского неповиновения»; (2) - применение силы организацией или группой людей, как это определено в (1); в таких случаях слово «сила» употребляется во множественном числе, например, «силы, находящиеся в распоряжении правительства».

Экономические санкции (Economic sanctions) - обычно введение международного экономического бойкота или эмбарго. Этот термин может быть использован и при описании внутренних конфликтов: забастовок трудящихся, экономических бойкотов, приостановок экономической деятельности, а также оккупаций.

Экономический бойкот (Economic boycott) - приостановка или прекращение всех форм экономического сотрудничества: закупок, продажи или предоставления услуг. Часто сопровождается усилиями побудить других присоединиться к бойкоту. Может использоваться на местном, региональном, национальном или международном уровне.

Экономическое несотрудничество (Economic noncooperation) - использование в борьбе с противником экономических бойкотов или забастовок, или и того, и другого.

Эмбарго (Embargo) - экономический бойкот, введенный по инициативе и при поддержке правительства.

Глава первая ОБОРОНА БЕЗ ВОЙНЫ?

Потребность в обороне

Говоря о перспективе политической жизни и международных отношений, можно с уверенностью отметить два момента: первый - конфликт неизбежен, второй - потребуются эффективная защита от внутренней узурпации власти и иностранной агрессии.

Всем политическим обществам, члены которых не хотят стать жертвами подобных атак, необходимо в числе прочего разработать политику безопасности и систему вооружения определенного типа. Эта политика и система вооружения предусматривают выполнение двух задач: сдержат нападение и защититься от него.

Первое - система вооружения должна быть эффективной и хорошо продуманной. Она должна обладать высокой вероятностью сдерживания попыток внутренней узурпации власти и иностранной агрессии. Задача *сдерживания* - убедить потенциальных нападающих не нападать, так как последствия, включая провал целей агрессоров, могут стоить им слишком дорого. Сдерживание - важная часть гораздо более широкого процесса *разубеждения*. Оно включает в себя разумные и моральные доводы, ведение непровоцирующей политики, а также сдерживание путем убеждения потенциальных нападающих.

Однако существует серьезная проблема. Разубеждение может не подействовать, и нет никаких гарантий, что политика сдерживания в состоянии предотвратить нападение. Таким образом, последствия неудавшегося сдерживания и использование того или иного вида оружия должны быть обратимыми.

Второе - если политика сдерживания потерпела неудачу, система вооружения должна быть обороноспособна. В буквальном смысле слова оборону следует понимать как защиту, предотвращение и отражение опасности. Средства, используемые в целях защиты, должны обладать способностью нейтрализовать и отразить нападение, не нанеся при этом вреда обороняющемуся обществу. Оборонная мощь общества должна быть в состоянии заставить нападающих прекратить агрессию и отступить или победить их и восстановить существовавшие до нападения мир, независимость и избранную данным обществом конституционную систему.

Большинство людей и правительств убеждены, что только военные средства могут сдерживать иностранную агрессию и защитить от нее. Проблема соответствия военной политики достижению этих целей и оценка серьезности вытекающих из этого проблем вызывает самые разнообразные мнения. Остановимся на двух диаметрально противоположных точках зрения. Согласно первой, мощные военные средства являются единственной реальной силой, способной противостоять угрозе иностранной агрессии. Ослаблять, а тем более уничтожать эти средства безответственно как в политическом, так и в моральном смысле. Другая точка зрения - это пацифизм, считающий войну худшим из всех политических зол и предписывающий индивидам и обществу в целом избегать участия в каких бы то ни было военных действиях и приготовлениях. Между этими двумя крайностями существует множество других точек зрения и позиций.

Данная книга не ставит своей целью убедить в правильности одной из этих позиций. Приводимые в ней анализ и оценки не зависят ни от взгляда на приемлемость военной политики, ни от убеждений сторонников пацифизма. В наши дни обе эти крайние точки зрения могут стать нецелесообразными и неприемлемыми как по политическим, так и по моральным критериям. Важно, что сейчас уже фактически не найти тех, кто провозглашает военные средства панацеей и отрицает серьезные проблемы и опасность, сопряженные с использованием военных средств. К тому же редко кто оспаривает, что военные сред-

ства не всегда приводили к достижению поставленных целей, в то время как угроза массовых потерь и поражения существовала всегда. Экстремальная разрушительная сила современной военной технологии вызвала огромное разнообразие мнений и предлагаемых альтернатив. Однако не многие из них подразумевают *одновременно* предотвращение или ограничение возможности нападения и разрушения, а также обеспечение обороны, пользуясь приведенным нами выше определением.

Существует концепция, согласно которой перестройка вооруженных сил должна происходить исключительно в оборонном направлении. Такой подход, иначе называемый «оборонительная оборона», «ненападающая оборона» и «непровокационная оборона», был хорошо разработан в Западной Европе и в значительной степени схож с давно установившейся оборонной политикой Швейцарии. В Швейцарии техническое оснащение армии и военная политика сориентированы исключительно на оборону и не предполагают наличия средств ответного удара.

Последователи этой концепции, имеющей несколько вариантов, предложили создать вооруженные силы, оснащенные менее разрушительным оружием, с ограниченной мобильностью и радиусом действия, что делает его непригодным для целей нападения. Так, предпочтение отдается противотанковым орудиям, а не самим танкам, боевым самолетам ближнего радиуса действия, а не бомбардировщикам или ракетам дальнего радиуса действия. Некоторые сторонники такого подхода предложили даже принять исключительно оборонительную стратегию при использовании подобного вооружения, исключив планирование и подготовку наступательных боев и даже контратак. Они утверждают, что наличие вооруженных сил, используемых исключительно в целях обороны, может уменьшить в других странах ощущение опасности нападения, и тем самым сделать менее вероятной возможность упреждающего удара. В некоторых странах, например, в Германии, подобные идеи завоевали определенное доверие. Они требуют серьезного критического рассмотрения в качестве политической альтернативы, предложенной для сдерживания агрессии и обороны без помощи оружия

массового уничтожения. В данном исследовании не представляется возможной детальная критика политики «оборонительной обороны», однако необходимо отметить, что подобная концепция явно грешит некоторыми серьезными недостатками. Во-первых, сохраняется опасность эскалации войны. В случае агрессора - если окажется, что ограниченные военные оборонные меры являются серьезным препятствием для успеха военных действий захватчиков, их атаки могут стать более жестокими и разрушительными. В случае обороняющихся - если окажется, что их ограниченные военные оборонные меры недостаточно эффективны, может возникнуть искушение использовать более разрушительное оружие, если оно уже есть в наличии (или если его можно разработать или приобрести в относительно короткий промежуток времени).

Во-вторых, используя средства «оборонительной обороны», почти невозможно избежать многочисленных потерь среди гражданского населения. Военный конфликт без традиционного фронта и с множеством небольших военных подразделений, широко рассредоточенных по территории страны, приводит к увеличению количества потерь. (Предложение уменьшить эту опасность, объявив населенные пункты «открытыми городами», которые не будут иметь военной защиты, не исключает эту проблему.) В определенном отношении концепция «оборонительной обороны» является своего рода модификацией партизанской оборонительной войны в сочетании с ультрасовременной военной технологией для прицельных атак против захватчиков. Основные проблемы, присущие партизанской оборонительной войне, применимы и к «оборонительной обороне». Вот почему при использовании такой концепции выявляется ее значительное сходство с практикой партизанской войны в различных странах, в том числе в Югославии, на оккупированных нацистами территориях Советского Союза, в Алжире и Вьетнаме. В этих странах число потерь среди гражданского населения было исключительно высоким, часто более десяти процентов. Для этих стран также типичны большие материальные и социальные потери и разрушения. В густонаселенной Центральной Европе в

случае применения «оборонительной обороны» уровень потерь и разрушений может приобрести катастрофические размеры. В конечном счете, даже в случае победы не исключено длительное проявление социальных, экономических и психологических последствий самого конфликта, включая ущерб, нанесенный социальным институтам, и наращивание гонки вооружений.

Именно поэтому опирающаяся на оружие политика «оборонительной обороны» не является удовлетворительным решением нашей общей дилеммы: потребность в сдерживании агрессии и обороне с одной стороны и массовая разрушительная сила существующей военной технологии - с другой. Какими бы ни были наши взгляды на военные средства в целом, необходимо использовать любые существующие или возможные невоенные альтернативы для удовлетворения потребности общества в защите от иностранной агрессии и попыток внутренней узурпации власти.

Мы действительно обладаем некими ограниченными ресурсами для поиска альтернативных, невоенных средств сдерживания агрессии и обороны. В ряде случаев уже использовался импровизированный широкомасштабный отказ от сотрудничества и неповиновение в целях защиты от иностранной агрессии и попыток внутренней узурпации власти. Эти случаи не всегда популяризировались, а их потенциальная значимость для обороны редко изучалась достаточно серьезно. И все же они существуют, подтверждая тем самым, что альтернатива военным и военизированным средствам национальной обороны возможна, хотя и только в определенных условиях. Следовательно, возникает важный вопрос: каким образом можно развить потенциал невооруженной борьбы, чтобы ее сила в различных случаях действительно сдерживала нападение и при необходимости успешно защищала от врагов? Возможна ли эффективная оборонная политика в эпоху постмилитаризма, которая обеспечила бы сдерживание агрессии и защиту и в то же время позволила бы избежать опасностей современной войны?

Общественная оборона

Такой тип альтернативной политики называется в Соединенных Штатах *общественной обороной* (civilian-based defense), а в Европе обычно - *гражданской обороной* (civilian defense) или *социальной обороной* (social defense). Этим термином обозначают такую оборону, которую ведет гражданское население (в отличие от армии), использующее гражданские средства борьбы (в отличие от военных и военизированных). Эта политика направлена на сдерживание и противодействие иностранному военному вторжению, оккупации и попыткам внутренней узурпации власти. Последнее включает в себя как узурпацию исполнительной власти, так и более тривиальный государственный переворот, что подразумевает практический и политический контроль над государственным аппаратом, нередко с помощью особой политической, военной или военизированной группы в существующем государстве или вне его. Такими переворотами могут управлять либо исключительно изнутри, либо посредством подстрекательств и поддержки из-за рубежа.

Сдерживание иностранной агрессии и попыток внутренней узурпации власти, а также защита от них должны опираться на социальное, экономическое, политическое и психологическое оружие. (Под «оружием» мы понимаем такие способы или средства борьбы - не обязательно материальные, - которые можно использовать как в военных, так и в ненасильственных конфликтах.) В общественной обороне такие ненасильственные средства используются для проведения широкомасштабных акций отказа от сотрудничества и для выражения массового общественного неповиновения. Этим преследуются две цели: воспрепятствовать осуществлению планов захватчиков и сделать невозможным установление их порядков, независимо от формы, будь то администрация оккупантов, марионеточный режим или диктаторское правительство. Отказ от сотрудничества и неповиновение сочетаются также с другими формами деятельности, которые направлены на подрыв лояльности командного состава и войск противника, усиление их ненадежности при выполнении

приказов и проведении репрессий и даже на подстрекательство к мятежу.

Общественная оборона является в чистой и развитой форме основным методом ненасильственных действий или ненасильственной борьбы, применяемым при разрешении проблем национальной обороны. Она должна использоваться всем населением и отдельными его группами, против которых в первую очередь направлены цели и действия захватчиков, а также различными организациями данного общества. Какие группы будут более всего вовлечены в оборону, зависит от характера целей нападающих, которые могут быть экономическими, идеологическими, политическими и другими.

Общественная оборона должна проводиться населением и институтами общества на основе предварительной подготовки, планирования и обучения. С другой стороны, она должна основываться на результатах серьезного исследования методов ненасильственного сопротивления, глубокого анализа политической системы нападающей стороны, а также на интенсивном изучении способов решения таких проблем, как, например, повышение способности населения продолжать сопротивление несмотря на угрозу жестоких репрессий или обеспечение эффективных каналов связи при нападении. Понимание условий, необходимых для увеличения эффективности форм ненасильственного сопротивления и исследование путей, обладающих способностью непосредственно ослаблять нападающую сторону, являются базой для развития успешной стратегии общественной обороны.

Основная идея теории общественной обороны заключается в том, что политическая сила внутреннего или иностранного происхождения опирается на источники *внутри* самого общества. Лишая ее этих источников или разобщая их, население может контролировать власть и побеждать агрессоров. Эта теория будет более основательно проанализирована во второй главе. В третьей главе мы рассмотрим применение этой теории “зависимых правителей” в более широком контексте методов ненасильственных действий, из которых вытекает ряд концепций

общественной обороны. В четвертой главе мы дадим возможный план политики общественной обороны. Эта политика, основанная на оборонных мерах, должна проводиться на базе предварительной подготовки, планирования и обучения. В пятой главе рассмотрим ряд мер, которые могут быть предприняты или в некоторых случаях уже предприняты по изучению, подготовке и внедрению политики общественной обороны.

Исторические прототипы

Предшествующая борьба предоставила нам значительный опыт, который может оказаться полезным при подготовке к общественной обороне против агрессора. Мы сможем изучить природу ненасильственной борьбы и ее возможности на самых различных примерах.

Как показывают наши исследования, наследие ненасильственной борьбы довольно разнообразно и выходит далеко за рамки задач национальной обороны. Ненасильственные действия сыграли важнейшую роль в сопротивлении диктатурам, в борьбе за приобретение большей свободы, в движениях против социального гнета, в противодействии нежелательным политическим переменам, в борьбе против колониального правления и за национальную независимость. В противовес распространенному мнению, эти средства борьбы - протест, отказ от сотрудничества, подрывная деятельность - сыграли значительную историческую роль во всех частях земного шара. Бывали ситуации, когда историческое внимание в основном сосредоточивалось на насилии, появлявшемся одновременно с конфликтом или вслед за ним.

Подобными движениями сопротивления и революциями против угнетения и внутренней диктатуры в последние десятилетия были: движения 1956, 1970-1971 и 1976 годов в Польше; польское рабочее движение 1980-1989 годов за независимые профсоюзы и политическую демократизацию; ненасильственные революции 1944 года в Сальвадоре и Гватемале против установления военных диктатур; борьба за гражданские права в США

в 50-х и 60-х годах; антишахская революция 1978-1979 годов в Иране; восстание 1953 года в Восточной Германии; основные аспекты революции в Венгрии 1956-1957 годов; буддийское движение 1963 года в Южном Вьетнаме против правительства Нго Динь Зьема и буддийская кампания 1966 года против сайгонского режима; забастовка в воркутинских (1953) и других лагерях Советского Союза; борьба за гражданские права и борьба еврейских активистов в СССР в 70-е и 80-е годы.

Более ранние примеры политически значимой ненасильственной борьбы против собственной тирании и иностранного правления включают ненасильственную революцию американских колоний (1765-1775), которая принесла американцам значительную победу и заменила большинство британских правительств в североамериканских колониях; венгерское пассивное сопротивление австрийскому правлению, особенно в 1850-1867 годах; неповиновение и отказ от политического сотрудничества финнов с Россией в 1898-1905 годах; важнейшие моменты революции 1905 года и Февральской революции 1917 года в России (до Октябрьского большевистского государственного переворота); ненасильственный (хотя и неудавшийся) протест корейцев против японского господства в 1919-1922 годах и отдельные выступления за независимость в Индии, возглавлявшиеся Ганди, особенно в 1930-1931 годах.

В 1970-1980 годах в таких странах, как Чили, Иран, Бразилия, Мексика, Китай, Советский Союз, Гаити, Филиппины, Индия, Южная Африка, Бирма, Венгрия, Южная Корея, Новая Каледония, Чехословакия, Пакистан, Панама и на оккупированных Израилем палестинских территориях также велась активная ненасильственная борьба.

К удивлению многих, ненасильственная борьба стала основной характеристикой продемократического движения в Китае в 1989 году. Проходившие в течение нескольких недель массовые голодовки, уличные демонстрации и захват площади Тяньаньмынь ненасильственным путем явились символическим вызовом, брошенным коммунистическому режиму. Жестокое кровопролитие 4 июня показало, с одной стороны, насколько

серьезно лидеры Коммунистической партии восприняли этот вызов, а с другой стороны, насущную необходимость внимательного и тщательного планирования ненасильственных действий.

Позже, в 1989 году, ненасильственные революции с поразительной быстротой прокатились по Восточной Германии, Чехословакии и Болгарии, приведя к крушению коммунистических режимов в этих странах (в результате чего Восточная Германия перестала существовать, объединившись с Западной.)

Для того, чтобы дискредитировать авторитет Коммунистической партии и ослабить контроль Москвы, в конце 80-х годов национально-освободительные движения народов Советского Союза использовали в основном ненасильственные методы борьбы. Эти методы наиболее эффективно применялись в республиках Прибалтики, что особенно отразилось в декларации о независимости Литвы от 11 марта 1990 года. После разгрома попытки правого государственного переворота в СССР в августе 1991 года путем массового ненасильственного сопротивления граждан и неподдержки со стороны армии, другие национально-освободительные движения на территории Советского Союза помогли своим народам обрести независимость, что в конечном итоге привело к крушению Советской империи.

Многие даже не подозревают, что, кроме вышеперечисленных случаев, смешанные формы ненасильственной борьбы также использовались в качестве основных способов сопротивления иностранным агрессорам и попыткам внутренней узурпации власти.

В данной главе мы вкратце остановимся на четырех случаях импровизированной ненасильственной борьбы в национальной обороне. Два - против внутренних государственных переворотов и два - против иностранного военного вмешательства и оккупации. Примерами борьбы против государственных переворотов являются сопротивление путчу Каппа в Веймарской Германии в 1920 году и противодействие попытке французского военного командования свергнуть правительство президента Шарля де Голля в Алжире в 1961 году. Примеры борьбы против

иностранный агрессии - это попытка немцев защитить Рур от франко-бельгийского вторжения и оккупации в 1923 году и народная оборонительная борьба в Чехословакии против вторжения стран - участниц Варшавского договора и Советского Союза и оккупации ими страны в 1968-1969 годах.

Эти примеры выбраны потому, что они представляют собой наиболее явное, как мы это теперь сознаем, проявление ненасильственной борьбы для защиты страны и конституционного строя, а также в связи с наличием необходимого исторического материала. Однако во всех четырех ситуациях сопротивление было импровизированным, а народ, его организации и правительство не обладали ни подготовкой, ни опытом, ни знаниями, ни адекватными средствами, ни способностью подготовить ненасильственное сопротивление (все это обычно имеет оборона, основанная на применении оружия). Недостатки перечисленных выше примеров - серьезная слабость применения методов ненасильственной борьбы. Только представьте себе, насколько «успешными» были бы войны без заранее сформированных армий, военной подготовки солдат, производства и накопления оружия и амуниции, изучения военной стратегии, подготовки офицерского состава, средств транспортировки и информации, экстренного запаса крови и медикаментов для медицинских служб. А ведь рассматриваемые ниже случаи произошли именно при таких обстоятельствах.

Существуют и другие примеры импровизированной ненасильственной борьбы, применявшейся в целях национальной обороны. К ним относятся: основные направления голландского антинацистского сопротивления 1940-1945 годов; наиболее важные вехи датского сопротивления против немецкой оккупации 1940-1945 годов (включая всеобщую забастовку в Копенгагене в 1944 году); в значительной своей части норвежское сопротивление режиму Квислинга; правительственная и народная оппозиции по отношению к антиеврейской политике во многих странах-союзниках нацистов и в оккупированных нацистами странах, таких, как Болгария, Италия, Франция и Дания.

Все эти примеры неподготовленной обороны заслуживают

тщательного изучения и анализа. Не все они увенчались успехом. (Хотя совсем необязательно, чтобы подготовленные военные оборонительные действия достигали своих целей.) Однако сам факт существования приведенных примеров демонстрирует, что такой тип оборонительной борьбы возможен. Подобные примеры служат доказательством того, что ненасильственная борьба в целях обороны может быть сильной и эффективной. Эти примеры важны также для понимания динамики и проблем подобных конфликтов.

Примеры импровизированной борьбы против государственных переворотов

Два примера гражданской борьбы против государственных переворотов, приведенные ниже, весьма отличаются друг от друга. Тем не менее оба показывают, что законное правительство можно сохранить с помощью населения, гражданских служащих или солдат регулярной армии, не применяющих силу. Примеры Германии и Франции - не единственные в своем роде.

Интересно, что в течение ряда лет после Октябрьского переворота 1917 года Ленин сталкивался с отказом от сотрудничества со стороны старой бюрократии. После свержения Временного правительства и захвата большевиками власти государственные служащие создавали большие сложности для нового коммунистического правительства. Даже спустя четыре года эти проблемы все еще были достаточно серьезными. На XI съезде Российской Коммунистической партии в марте 1922 года Ленин заявил, что «политический урок» 1921 года показал - контроль над центрами власти вовсе не означает контроля над бюрократией. Он утверждал, что коммунисты «издают законы направо и налево, однако результат сильно отличается от желаемого».

Другими примерами, заслуживающими изучения и анализа, являются всеобщая забастовка на Гаити против временного правительства президента Пьерре-Луиса в 1957 году, успешный отказ от сотрудничества с режимом после военного переворота

1978 года в Боливии и отказ польского народа от сотрудничества с режимом генерала Ярузельского, за которым в 1981 году последовал переворот (хотя сопротивление среди государственных служащих, в полиции и в армии не было широко распространено.)

Германия, 1920 год

В 1920 году в молодой немецкой Веймарской республике, испытывающей серьезные экономические и политические затруднения, возникла попытка государственного переворота, организованного доктором Вольфгангом Каппом и генерал-лейтенантом Вальтером фон Лютвицем при поддержке генерала Эриха Людендорфа, который в 1917 году был фактически диктатором Германии. В то время, когда большинство немецкой армии оставалось «нейтральным», не участвовало в перевороте и не противостояло ему, бывшие военные и гражданское население, организованное в *Fleikorps* (боевые отряды), 12 марта заняли Берлин. Законное демократическое правительство президента Фредерика Эберта, в конце концов, укрылось в Штуттгарте.

Хотя сторонники Каппа в Берлине провозгласили новое правительство, законное правительство при отступлении объявило обязанностью всех граждан повиноваться только ему. Земли получили приказ не сотрудничать с теми, кто напал на республику.

После забастовки рабочих, направленной против переворота в Берлине, Социал-демократическая партия от имени президента Эберта и других министров социал-демократов (но без их официального одобрения) выпустила обращение, призывающее к всеобщей забастовке. Капписты сразу же столкнулись с массовым отказом от сотрудничества. Гражданские служащие и представители консервативной государственной бюрократии не стали сотрудничать с путчистами. Квалифицированные специалисты отказывались от должностей при самозваном режиме. В течение всего путча народ не признавал новой власти и отказывался помогать ей. 15 марта законное правительство отказалось идти на компромисс с путчистами, и их власть пала. На столицу

было сброшено множество листовок, озаглавленных “Провал военной диктатуры”, которые призывали к сопротивлению. Против бастующих нередко проводились репрессии, которые часто отличались жестокостью. Некоторые забастовщики были убиты.

Однако влияние отказа от сотрудничества росло. 17 марта полиция безопасности Берлина потребовала отставки Каппа. Капп подал в отставку и улетел в Швецию. В ту же ночь многие его сообщники в гражданской одежде покинули Берлин. Генерал фон Люттвиц также ушел в отставку. Наряду с преимущественно ненасильственным отказом от сотрудничества произошло несколько кровопролитных столкновений. Отряды Freikorps, повинувшись законному правительству, вышли из Берлина. Однако выходя из города, они убили и ранили нескольких нелояльно настроенных к ним жителей. Путч в Веймарской республике был подавлен благодаря коллективным действиям рабочих, гражданских служащих, бюрократического аппарата и простого населения, которые отказались от общественного и административного сотрудничества, необходимого узурпаторам для эффективности их притязаний на власть.

У Веймарской республики остались другие серьезные внутренние проблемы. Тем не менее она выдержала первую лобовую атаку, используя в борьбе против своих внутренних противников отказ от общественного и государственного сотрудничества и неповиновение.

Франция, 1961 год

В начале апреля 1961 года президент Франции Шарль де Голль заявил, что он отказывается от попытки сохранить Алжир за Францией. Вслед за этим, в ночь с 21 на 22 апреля, в управляемом французами Алжире восстал французский парашютный полк Первого иностранного легиона и захватил управление городом Алжиром, сместив представителей законной французской власти. В то же самое время другие восставшие части захватили близлежащие ключевые пункты. Серьезного сопротивления оказано не было. По меньшей мере три французских генерала в

Алжире, верных законному правительству, включая главнокомандующего, были арестованы мятежниками. Это событие явилось кульминацией начавшегося ранее конфликта между французской армией в Алжире и гражданским французским правительством в Париже.

22 апреля мятежное «военное командование» объявило в Алжире осадное положение, заявив о том, что оно лишает гражданское правительство всех полномочий и намеревается подавлять любое сопротивление. Заговор был организован четырьмя полковниками, однако заявление мятежников было провозглашено от имени четырех недавно вышедших в отставку генералов - Шалле, Жуо, Зелле и Салан. На следующий день переворот был поддержан генералом Нико (заместителем командующего Штабом французской авиации), генералом Бижо (командующим ВВС города Алжира) и тремя другими генералами. Мятежники захватили контроль над газетами и радио, что, по их мнению, обеспечивало им монополию на средства массовой информации во французском Алжире.

Правительство в Париже оказалось в затруднительном положении. В Алжире находилось около полумиллиона французских солдат. В самой Франции оставалось немного действующих соединений. Надежность двух французских дивизий, находящихся в Германии, была сомнительной. Лояльность военизированной национальной жандармерии и республиканской службы безопасности также ставилась под сомнение. Существовала опасность параллельного государственного переворота в Париже или вероятность того, что воздушные силы доставят мятежные войска для захвата Франции и сместят правительство де Голля. Успех переворота в городе Алжире зависел от смены законного правительства в Париже.

Чтобы показать свою решимость противостоять перевороту, в воскресенье 23 апреля политические партии и профсоюзы Франции провели массовые митинги, призывающие к одночасовой символической всеобщей забастовке на следующий день. В ту же ночь генерал де Голль обратился по радио к французскому народу, призывая к непризнанию мятежников и неповиновению им:

«От имени Франции я приказываю, чтобы все средства, я повторяю, все средства были использованы для повсеместного пресечения любых действий мятежников до их полной капитуляции. Я запрещаю всем французам,²² и в первую очередь всем солдатам выполнять какие бы то ни было приказы мятежников.»

Той же ночью премьер-министр Дебре в своем выступлении предупредил о приготовлениях к воздушному нападению и закрыл парижские аэропорты. Подчеркивая, что речь идет о «всех средствах», которые явно включали и военные действия, Дебре возлагал надежды на ненасильственные действия, призывая население склонять солдат, которые могли переправиться в Париж по воздуху, вновь стать лояльными к законному правительству: «Как только зазвучат сирены, отправляйтесь туда [в аэропорты] пешком или на машинах, чтобы убедить обманутых солдат в их непоправимой ошибке.»

Речь президента де Голля по радио была услышана населением Алжира и представителями вооруженных сил, многие из которых были новобранцами. Сообщение было затем размножено и распространялось повсеместно. Де Голль выражал в своей речи надежду на широкомасштабный отказ от сотрудничества и неповиновение. С этого момента мятеж столкнулся с пассивным сопротивлением на местах, которое с каждым часом становилось все более явным.

24 апреля в 5 часов вечера 10 миллионов рабочих приняли участие в символической всеобщей забастовке. Де Голль использовал чрезвычайные полномочия, принадлежащие президенту согласно Конституции. Многие сторонники правых были арестованы. На летных полях была подготовлена техника, чтобы заблокировать ею посадочные полосы, если будут предприняты попытки посадить самолеты. Была выставлена охрана в общественных учреждениях. Алжир подвергли экономической и морской блокаде. В ту же ночь генерал Крепен объявил о лояльности правительству французских подразделений в Германии, и на следующее утро их отозвали в Париж.

Лояльные французские войска в Алжире действовали в поддержку правительства де Голля, чтобы дискредитировать мятежников. Ко вторнику две трети наличных транспортных са-

молетов и многие боевые самолеты были выведены из Алжира, что сделало невозможным их использование для захвата Франции. Пилоты оставшихся машин симулировали механические повреждения или блокировали летные поля. Солдаты сухопутных войск попросту оставались в своих казармах. Было много случаев намеренного бездействия: приказы, поступавшие от мятежных офицеров, терялись, досье исчезали, задерживались связь и транспортировка. Новобранцы в целом осознали силу своего несотрудничества для поддержки законного правительства. Руководители переворота вынуждены были использовать все доступные им силы, чтобы попытаться сохранить контроль и порядок среди французских войск в Алжире. Многие офицеры в ожидании развития событий временно воздерживались принимать чью-либо сторону, готовясь присоединиться к побеждающей.

Французские гражданские лица в Алжире, включая алжирскую городскую полицию, сначала поддержали переворот. Однако многие гражданские служащие и местные власти города Алжира нередко оказывали сопротивление: прятали документацию и отзывали сотрудников, чтобы не быть замешанными в перевороте. 25 апреля, во вторник вечером, алжирская полиция выразила поддержку правительству де Голля. Внутренние разногласия раздирали руководителей мятежа, некоторые из них высказывались за насильственные меры. В ту же ночь в своем новом выступлении по радио генерал де Голль приказал лояльным войскам открыть огонь по мятежникам. Впрочем, в этом уже не было необходимости. Мятежники были сломлены.

Их лидеры решили отказаться от дальнейшей борьбы. В ночь с 25 на 26 апреля парашютный полк Первого иностранного легиона вышел из города Алжира, и мятежники покинули правительственные здания. Генерал Шалле сдался, а три других отставных генерала, возглавлявших мятеж, скрылись.

Не обошлось и без жертв: по непроверенным данным, в Алжире и Париже было трое убитых и несколько раненых. Благодаря открытому неповиновению и сопротивлению путч был решительно подавлен, генерал де Голль остался на президентском посту, а Алжир в 1962 году стал независимым.

Примеры импровизированной борьбы против иностранных вторжений

Можно привести огромное количество примеров ведения ненасильственной борьбы против иностранной оккупации - против режимов, установленных годы, десятилетия или даже столетия назад. Среди них, к примеру, подавляющее большинство случаев сопротивления Ирландии правлению Англии, венгерское сопротивление австрийскому правлению 1850-1867 годов, движения против британской оккупации в Индии в первой половине XX-го века. Однако предмету нашего обсуждения соответствуют примеры, приведенные ниже. Во-первых, сопротивление в описываемых случаях началось практически одновременно с вторжением и продолжалось весь период оккупации. Во-вторых, в отдельных случаях имела место официальная поддержка правительства и основных институтов общества. Следовательно, эти примеры могут послужить наиболее вероятными прототипами возможного развития ситуации.

Германия, 1923 год

Возможно, первым случаем в истории ненасильственного сопротивления, использовавшегося в качестве официальной государственной политики против иностранного вторжения, была борьба Германии в Руре против франко-бельгийской оккупации в 1923 году.

Борьба за Рур особенно многообразна, она охватывает период с 11 января по 26 сентября 1923 года. В нашем исследовании невозможно уделить ей больше внимания, чем перечислить некоторые из ее особенностей. Вторжение Франции и Бельгии преследовало цель получить назначенные выплаты репараций (по итогам Первой мировой войны) несмотря на чрезвычайные финансовые трудности Германии, а также добиться других политических целей (таких, как отделение Рейнских земель от Германии).

Оккупация столкнулась с политикой отказа от сотрудничества со стороны немцев, которую решено было начать лишь за несколько дней до реального вторжения. Никакой подготовки

не было, однако сопротивление должно было финансироваться правительством Германии. Профсоюзы решительно настаивали на принятии этой политики. Приведем аргументы одного из ее сторонников: «Если гражданские служащие и рабочие остановят работу и откажутся выполнять требования франко-бельгийских уполномоченных в тот самый момент, когда появятся захватчики, то эти уполномоченные и военные будут лишены средств достижения своих целей».

Реальный отказ от сотрудничества с силами вторжения развертывался постепенно. Применялись следующие методы: отказ выполнять распоряжения оккупационных сил; ненасильственные акты открытого неповиновения; отказ владельцев шахт производить поставки для захватчиков; массовые демонстрации в судах во время процессов над участниками сопротивления; отказ немецких полицейских отдавать честь иностранным офицерам; отказ немецких рабочих прокладывать железные дороги для французов; демонтаж железнодорожного оборудования; отказ владельцев магазинов продавать товары иностранным солдатам; отказ населения, даже голодающего, пользоваться полевыми кухнями, открытыми оккупантами; вызывающие публикации в газетах, несмотря на многочисленные запреты; расклеивание листовок и плакатов; отказ добывать уголь.

Репрессии были жестокими. Они включали такие меры, как введение осадного положения; выдворение членов сопротивления в неоккупированные части Германии; военные трибуналы; лояльность по отношению к бандам убийц и грабителей; заключение в тюрьму без суда и следствия; процессы, осуждающие на длительные сроки заключения; избиения; расстрелы; убийства; конфискация имущества и частной собственности; цензура; размещение войск в домах и школах; введение удостоверений личности; выпуск множества репрессивных распоряжений. Растущая нехватка продовольствия, как следствие сопротивления и репрессивных мер, вылилась в жестокий голод.

Сопротивление усугублялось различными видами саботажа, включая диверсионные акты, во время которых нередко убивали вольнонаемных служащих оккупационного персонала. Са-

ботажа сопровождался шпионажем, доносами и убийством без суда подозреваемых доносчиков. Диверсионные акты привели к снижению симпатий международного сообщества к Германии. Прусский министр внутренних дел, профсоюзы и население оккупированной территории в большинстве своем активно не одобряли саботаж аутсайдеров, нарушивших первоначальное единство сопротивления. Саботаж способствовал усилению жестоких репрессий как со стороны официальных лиц, так и непосредственно со стороны военных. Одной из таких мер был запрет дорожного движения. Серьезными проблемами стали безработица и голод, распространявшиеся наряду с продолжающейся гиперинфляцией. Единство сопротивления и в большой мере даже воля к сопротивлению были окончательно подорваны.

26 сентября правительство Германии отказалось от кампании несотрудничества, однако лишения населения не прекратились. Велись напряженные переговоры. В конце концов Германия стабилизировала собственную валюту, хотя и пережила серию коммунистических и крайне правых мятежей, а также попытки внутренних переворотов в отдельных землях.

Народ Бельгии широко протестовал против действий собственного правительства. Некоторые французы стали тоже выступать в защиту немцев, получив за свою деятельность прозвище «защитники бошей». К концу 1923 года Пуанкаре признался перед французским Национальным Собранием, что его политика провалилась. Германия не могла провозгласить победу, но оккупанты покинули страну, и Рейнские земли не были отторгнуты от Германии. Захватчики не добились ни экономических, ни политических целей.

Вмешательство Великобритании и США обеспечило пересмотр порядка выплаты репараций. Для определения объема репараций, ущерба, нанесенного оккупацией и платежеспособности Германии, был разработан план Доуза, согласно которому Германии был предоставлен заем, - все это основывалось на предположении, что Германия останется единой.

Оккупационные силы к июлю 1925 года были полностью выведены из Рура.

Чехословакия, 1968-1969 годы

На протяжении десятилетий после окончания Второй мировой войны гражданские выступления создавали серьезные проблемы для советской гегемонии в Восточной Европе, в ряде стран даже угрожая советскому контролю. Эти выступления принимали различные формы - как ненасильственные (забастовки, марши и демонстрации протеста, установление народного контроля), так и насильственные (мятежи и даже военные действия). Движение за демократию в Чехословакии 1968 года и чешское и словацкое народное сопротивление 1968-1969 годов являются наиболее значительными примерами гражданской борьбы.

Чехословацкие события 1968-1969 годов весьма неординарны и представляют, возможно, наиболее значительную попытку использования гражданской борьбы в целях национальной обороны. В конечном счете она потерпела неудачу, но не сразу. В первую неделю сопротивления применение отказа от сотрудничества и неповиновение были особенно значительными. Позже, в течение последующих восьми месяцев, чехи и словаки не давали советским властям возможности для достижения поставленной политической цели, а именно: установление режима, отвечающего требованиям Советского Союза. Сообщалось, что советские власти с самого начала ожидали военного сопротивления и рассчитывали, подавив его, установить марионеточный режим, а затем покинуть пределы страны - и все это за несколько дней.

Советские лидеры предполагали, что вторжение почти полумиллионной армии стран-участниц Варшавского договора раздавит сопротивление чехословацкой армии и оставит население в смутении. Вторжение сделало бы возможным государственный переворот для замены реформистского правительства Дубчека. Именно поэтому, как только представился случай, несколько видных руководителей партии и правительства Чехословакии были арестованы, в том числе Александр Дубчек, первый секретарь Компартии, премьер-министр Олдржих Черник, президент Народного собрания Йозеф Смирковский и председатель Национального фронта Франтишек Крегель. Президент страны

Людвик Свобода не был арестован, но находился под домашним арестом в замке Градчаны.

Однако это не означало поражения Чехословакии. Если бы чехословацкие лидеры решили сопротивляться, применяя военную силу, совершенно очевидно, что армия тут же потерпела бы поражение от превосходящих сил стран-участниц Варшавского договора. Но вместо этого чехословацкие власти отдали войскам экстренный приказ оставаться в казармах, что привело к совершенно иной форме сопротивления.

Особый характер ненасильственного сопротивления явился причиной серьезных моральных проблем для армии захватчиков, а также проблем в ее продвижении и снабжении. Сообщалось, что через короткий промежуток времени интервенты вынуждены были заменить большую часть собственных войск, некоторых буквально через несколько дней.

Сопротивление на нескольких стратегических политических направлениях предотвратило создание коллаборационистского правительства. Сопротивление началось с первых же часов вторжения, когда сотрудники государственного Агентства новостей отказались выпустить пресс-релиз о том, что чехословацкая Компартия и руководители правительства обратились с просьбой ввести войска. Президент Л.Свобода отказался подписать документ, подготовленный группой сталинистов. По нелегальной радиосети, которая объединила некоторые официальные органы, противостоящие вторжению, передавались призывы к ненасильственному сопротивлению и сообщалось о действиях сопротивления.

Государственные служащие, партийные руководители и общественные организации Чехословакии осудили вторжение, а Народное собрание потребовало освободить арестованных лидеров и немедленно вывести иностранные войска. В течение первой недели радио обороны организовало различные формы отказа от сотрудничества и оппозиции, а также наметило многие другие. Оно созвало Чрезвычайный XIV съезд партии, который призвал к всеобщей часовой забастовке, обратилось к железнодорожникам с просьбой задерживать продвижение

советского оборудования электронного слежения и глушения и призывало отказываться от сотрудничества с захватчиками. Радио убеждало в тщетности насильственного сопротивления и в правильности выбора ненасильственной борьбы. Советы не смогли найти достаточное количество сторонников для установления марионеточного режима и убедились, что, несмотря на полное военное превосходство, они не в силах держать страну под контролем.

Оказавшись перед фактом объединенного гражданского сопротивления и растущей деморализации войск, советское руководство вынуждено было переправить в Москву для переговоров президента Свободу, однако тот настаивал на участии в переговорах арестованных чехословацких руководителей.

Был достигнут компромисс, который явился, пожалуй, самой большой стратегической ошибкой: он узаконил присутствие советских войск и принес в жертву некоторые реформы Чехословакии. Многие основные реформы были, однако, поддержаны, и группа реформаторов вернулась в Прагу на свои официальные посты. Население восприняло компромисс как поражение и в течение недели не принимало его.

Несмотря на уступки и компромиссы, реформисты и многие их реформы просуществовали с августа до последовавших в апреле нескольких антисоветских демонстраций (в том числе разгром нескольких отделений Аэрофлота в Праге), послуживших поводом для усиления советского давления. Тогда чехословацкие власти сдались, отстранив реформистскую группу Дубчека от партийных и правительственных позиций и заменив ее консервативным режимом Гусака.

Советские власти были вынуждены перейти от первоначального использования военных средств к постепенному политическому давлению и манипуляциям; им пришлось отложить достижение своей основной задачи на восемь месяцев. Если бы установление полного советского контроля было задержано на восемь месяцев из-за чехословацкого *военного* сопротивления против значительно превосходящих сил, эту борьбу можно было бы поставить в один ряд с битвой при Фермопилах, в кото-

рой 300 спартанцев сражались до последнего против значительно превосходящей их персидской армии.

Характер и достижения чехословацкой обороны уже многими забыты и часто искажаются при упоминании. Оборонительная борьба в конечном счете не удалась из-за капитуляции властей Чехословакии, а не из-за поражения движения сопротивления. Но эта борьба сдерживала установление полного советского контроля в течение восьми месяцев, с августа по апрель, что было бы невозможно осуществить с помощью военных средств.

Все это произошло без предварительного обучения и подготовки, и тем более без планированного сдерживания. Однако результат этого ненасильственного сопротивления, которое велось в крайне неблагоприятных условиях, предполагает, что, подготовленные и хорошо продуманные, такие действия в качестве реальной *обороны* могут обладать гораздо большим потенциалом, чем защита военными средствами.

Основы систематической разработки нового типа обороны

Случаи, подобные тем, которые были описаны в настоящей главе, могут стать основой для плановой разработки нового типа обороны, способного сдержать и отразить иностранное вторжение и попытки внутренней узурпации власти.

До сегодняшнего дня такой тип ведения борьбы представлял лишь недостаточно разработанный механизм политического воздействия. Он был так же не отработан, как и военные действия пять тысяч лет назад. Как уже отмечалось, участникам ненасильственных действий всегда не хватало организованности, подготовленности, усовершенствованного оружия, военной подготовки, глубокого знания предыдущих конфликтов и стратегических принципов, которые тысячелетиями использовались участниками военных конфликтов. Только сознательные действия по совершенствованию вооружения, организованности,

обучения и стратегии военных действий могут умножить их эффективность и разрушительную силу.

До сих пор по отношению к общественной борьбе такие методы не применялись. Несмотря на это участники ненасильственной борьбы за национальную оборону добились серьезных результатов. В дальнейшем необходимо отметить следующие моменты: как были достигнуты такие результаты и каким образом, используя опыт данных исторических прототипов, можно создать в будущем более эффективную политику сдерживания и обороны.

Примечания

Для более глубокого изучения проблем, затронутых в данной главе, см.: Gene Sharp, *Social Power and Political Freedom* (Boston: Porter Sargent, 1980), стр. 263-284, и Gene Sharp, *The Politics of Nonviolent Action* (Boston: Porter Sargent, 1973), стр. 63-105.

Рассмотренная в данной главе концепция “оборонительной обороны” содержит только наиболее общие черты существующих по этому вопросу многочисленных точек зрения. Главными сторонниками этой концепции являются: Horst Afheldt, Anders Boserup, Norbert Hanning, Jochen Loser, Albrecht von Muller and Lutz Unterseher.

Для начального ознакомления с данной концепцией см.: Dean Jonathan “Alternative Defence: Answer to NATO’s Central Front Problems?” *International Affairs*, том 64, номер 1 (Зима 1987/1988), стр. 61-88, и Stephen J. Flanagan, “Nonprovocative and Civilian-Based Defenses” в сборнике под редакцией Joseph S. Nye, Jr., Graham T. Allison и Albert Carnesale, *Fateful Visions: Avoiding Nuclear Catastrophe* (Cambridge, Mass.: Ballinger Publishing Co., 1988), стр. 93-109. См. также: Frank Barnaby and Egbert Boeker. “Defence without Offence - Non-nuclear Defence for Europe” (Bradford, England: University of Bradford, Peace Studies Доклад номер 8, 1982.) Основные публикации на эту тему включают: Horst Afheldt, *Defensive Verteidigung* (Reinbek, Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1983); Anders Boserup. “Non-Offensive Defense

in Europe" (University of Copenhagen: Centre of Peace and Conflict Research, Рабочий доклад номер 5, 1985); Norbert Hanning, "Verteidigung ohne zu Bedrohen" (Universitat Stuttgart: Arbeitsgruppe Friedensforschung und Europaische Sicherheit, Доклад номер 5, 1986); Hans-Heinrich Nolte и Wilhelm Nolte, *Zivier Widerstand und Autonom Abweh* (Baden-Baden: Nomos Verlag, 1984); Lutz Unterseher, *Defending Europe: Toward a Stable Deterrent* (Bonn: Studiengruppe Alternative Sicherheitspolitik, 1986).

По вопросу «общественной обороны» в оборонной политике Швейцарии см.: Dietrich Fisher, "Invulnerability Without Threat: The Swiss Concept of General Defense," в сборнике под редакцией Burns H. Weston, *Toward Nuclear Disarmament and Global Security - A search for Alternatives* (Boulder, Colo.: Westview Press, 1984), стр. 504-532.

Для изучения вопросов применения «оборонительной политики» в Англии см.: Alternative Defence Commission, *Defence without the Bomb* (London and New York: Taylor and Francis, 1983).

Высказывания Ленина взяты из "Политического отчета Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков)". Цитируется по: *V.I. Lenin, Selected Works in Three Volumes* (New York: International Publishers, 1967), том 3, стр. 692-693.

По поводу сопротивления путчу Каппа см.: Wilfred Harris Crook, *The General Strike* (Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 1931), стр. 496-527; Donald Goodspeed, *The Conspirators* (New York: Viking, 1962), стр. 108-188; Erich Eyck, *A History of the Weimar Republic* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962), том 1, стр. 129-160; Karl Roloff (псевдоним: Karl Ehrlich), "Den Ikkevoldelige Modstand: den Kvalte Карр-Купет," в сборнике K. Ehrlich, N. Lindberg, and G. Jacobsen, *Kamp Uden Vaaben* (Copenhagen: Levin & Munksgaard, Einar Nunksgaard, 1937), стр. 194-213; и John Wheeler-Bennett, *The Nemesis of Power* (New York: St. Martin's Press, 1953), стр. 63-82, См. также: *The Politics of Nonviolent Action*, стр. 40-41 и 79-81.

Оценка сопротивления государственному перевороту во французском Алжире основывается на: Adam Roberts, "Civil Re-

sistance to Military Coups, "Journal of Peace Research" (Oslo), том. XII, номер 1 (1975), стр. 19-36. Все цитаты приведены из этого источника.

Описание Рурской борьбы основано на исследованиях: Wolfgang Sternstein, "The Ruhrkampf of 1923", в сборнике под редакцией Adam Roberts, *Civilian Resistance as a National Defense* (Harmondsworth, England, и Baltimore, MD.: Penguin Books, 1969), стр. 128-161.

Оценка чехословацкого сопротивления основана на книгах: Robert Littell (редактор), *The Czech Black Book* (New York: Praeger, 1969); Robin Remington (редактор), *Winter in Prague* (Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1969); Philip Windsor и Adam Roberts, *Czechoslovakia 1968* (New York: Columbia University Press, 1969) и Vladimir Horsky, *Prag 1968: Systemveränderung und Systemverteidigung* (Stuttgart: Ernst Klett Verlag и Munich: Kosel-Verlag, 1975). См. также: H. Gordon Skilling, *Czechoslovakia's Interrupted Revolution* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1976).

Глава вторая БОРЬБА ЗА ИСТОЧНИКИ СИЛЫ ВЛАСТИ

Непредвиденные возможности

Как могли появиться в ситуациях, не связанных с непредвиденными или чрезвычайными обстоятельствами, рассмотренные в предыдущей главе прецеденты ненасильственной борьбы с попытками внутренней узурпации власти и иностранной агрессией? Играют ли эти события более значительную роль, чем увековечивание для истории самого факта происшествия, или они могут явиться выражением общих действий, имеющих более широкое практическое значение?

Сразу возникают следующие вопросы. Может ли ненасильственная борьба против диктатур увенчаться успехом в будущем, и если да, то каким образом? Могут ли люди, пользующиеся методами ненасильственной борьбы, действительно предотвратить возникновение новых систем подавления? Может ли общество в целом успешно развивать и применять на практике оборонную политику, основанную на этих методах, для сдерживания и защиты против попыток государственного переворота и иностранной агрессии?

Для большинства людей покажется странной, если не абсурдной, мысль о том, что народ может без армии, танков, самолетов, бомб и ракет свергнуть диктатуру, нанести удар армии захватчиков, остановить неконституционный захват власти и разгромить агрессора.

Однако совсем не кажется странной идея, которая в тридцатых годах XX столетия существовала в умах лишь нескольких ученых. Они предположили, что крошечные, ранее неизвест-

ные частицы материи, названные атомами, содержат огромный потенциал энергии, который может быть использован для получения беспрецедентной в истории человечества взрывной мощности. Важность этой идеи очевидна сегодня, а в 1939 году большинство обладающих здравым смыслом людей как в лагере нацистов, так и союзников, не обратили на нее должного внимания. Прототипа такого оружия не существовало, подобные эксперименты не проводились даже на самом незначительном уровне ни в технически развитых, ни в отсталых странах.

Если бы не особые обстоятельства Второй мировой войны, идея о превращении миллионов крошечных атомов в бомбы могла бы навсегда остаться лишь странной теорией нескольких интеллектуалов. Однако в ситуации опасного международного кризиса ученым и специалистам были предоставлены неограниченные человеческие и материальные ресурсы для попытки преобразования потенциальной энергии атома в оружие массового уничтожения. Последствия этого хорошо известны.

Существует такая точка зрения, что политическая сила может приводить к экстремальным, но благоприятным последствиям. До недавнего времени такая концепция рассматривалась только до определенной степени. Идея заключается в том, что в обществе заложена огромная потенциальная сила, которую можно мобилизовать и столь умело и эффективно использовать в борьбе с репрессиями и тиранией, в сдерживании и подавлении агрессии, что отпадет необходимость в применении оружия. Похоже, что в ближайшие годы и десятилетия этот общественный потенциал будет играть неожиданно более значительную роль в политике и международных конфликтах. В исторических примерах, описанных в первой главе, он использовался в весьма ограниченных ситуациях.

Как будет показано в следующих главах, можно более конкретно определить потенциал силы общества и увеличить его эффективность. Этот потенциал можно будет применять в будущих острых конфликтах, и, вероятно, он сможет обеспечить и сдерживание агрессии, и защиту от нее как без использования оружия массового уничтожения, так и без применения огром-

ного обычного военного арсенала, который в современных условиях не способен *защитить*.

На самом деле во всех четырех случаях, описанных в предыдущей главе, население в действительности не было беспомощным и безоружным. Люди были «вооружены», но *другим* оружием - психологическим, социальным, экономическим и политическим. Такое оружие способно было поразить сами источники силы власти узурпаторов и агрессоров, что во многом подтверждает боеспособность ненасильственной борьбы.

Причина того, что движения несотрудничества и неповиновения иногда обладали способностью свергнуть сильных правителей, заключается в том, что эти движения били по ахиллесовой пяте всех правительств, - правительства зависят от управляемого ими народа и общества. Прекращение сотрудничества населения и институтов общества с агрессорами и диктаторами значительно снижает потенциал аппарата насилия, на который опираются все правительства. Без этого аппарата власть правителей ослабевает и в конце концов прекращает существовать. В этом суть описанного в данной главе понимания политической власти.

Зависимость правителей

Существует простая, очевидная, но зачастую игнорируемая идея большого теоретического и практического значения: власть индивидов и групп, занимающих высшие административные и политические посты в любом правительстве, которых мы для краткости будем называть *правителями*, не присуща им изначально. Они не рождаются с ней, не обладают ею и не могут пользоваться ею единолично. Скорее они могут пользоваться этой властью до тех пор, пока им это позволено.

Под «политической властью» мы подразумеваем совокупность всех влияний и давлений, включая санкции, доступные для использования их в попытках проведения и применения политики в обществе. Политической властью могут обладать правительства, государства, организации, оппозиционные движения

и другие структуры. Такая власть может использоваться непосредственно либо сохраняться в качестве резервной. Таким образом, политическая власть используется как в переговорах, так и в военных действиях. Власть в конфликте есть у обеих сторон: и у победителей, и у побежденных. Политическую власть можно измерить относительной способностью правителей применять давление, контролировать ситуацию и мобилизовывать народ и институты общества для достижения определенных целей.

Правители не всемогущи и не обладают самовоспроизводящей силой власти. По своему характеру политическая власть должна исходить извне, а не от самого правителя. В одиночку правители не обладают ни физическими, ни интеллектуальными способностями для выполнения всего задуманного. Если правители хотят обладать политической властью, они должны стать признанной авторитарной властью, быть в состоянии управлять поведением других людей, распоряжаться большими человеческими и материальными ресурсами, управлять бюрократическим аппаратом, проводящим в жизнь их политику, иметь репрессивные органы или военную силу. Наличие каждого из этих источников силы власти зависит от сотрудничества с ней и повиновения народа, многочисленных групп и организаций управляемого общества. Следовательно, эти компоненты не поступают в распоряжение предполагаемых правителей автоматически.

Полное сотрудничество, повиновение и поддержка облегчают доступ к необходимым источникам силы власти и, как следствие этого, укрепляют власть правителей. С другой стороны, сокращение сотрудничества или отказ от него прямо или косвенно снижает доступ к необходимым источникам силы власти. Сотрудничество и отказ от него могут регулировать доступ к источникам силы власти, необходимым для управления, подобно тому как струя воды из крана регулируется поворотом крана.

Правители, естественно, болезненно реагируют на ограничение их власти. Они всегда усматривают опасность в распространении таких идей. Поэтому, стремясь сломить сопротивле-

ние, правители часто запугивают и применяют санкции к тем, кто проявляет непокорность, участвует в забастовках или не хочет сотрудничать. Однако это еще не все.

Если, несмотря на репрессии, можно на протяжении какого-то времени ограничивать, ослаблять или разрушать источники силы власти, то непосредственным результатом подобных попыток могут явиться внутренние противоречия и шаткость режима. За этим, скорее всего, последует ощутимое ослабление власти правителей.

В конце концов результатом ограничения источников силы власти станут паралич и полное бессилие режима, а в худшем случае - даже его падение. Рано или поздно власть правителей «умрет» в результате «политического голода».

Именно эти принципы политической власти выразил Этьен де ла Боэси в 1548 году. Говоря о тирании, он подчеркивал: «Между тем тот, кто так властвует над вами, имеет только два глаза, всего две руки, одно тело и ничего такого, чего не имел бы самый простой человек из бесчисленных ваших городов, за исключением лишь того преимущества, которое вы сами ему предоставляете, - истреблять вас». Боэси доказывал, что именно от страдающих людей тиран получает все, что ему нужно для правления: юридические права, деньги, помощь, солдат, даже молодых женщин, с которыми он проводит ночи. Как следствие этого, Боэси заключает: «...если им ничего не давать, если им не повиноваться, то они без всякой борьбы и сражения остаются ни с чем, падают сраженными; они становятся ничем, совершенно подобно тому, как дерево, корни которого не получают больше влаги и пищи, ссыхается и превращается в сухие и мертвые ветви.»

Источники силы власти

Политическая власть возникает из взаимодействия всех или ряда нижеперечисленных источников:

Авторитет. Степень и мощь авторитета правителей или признание их законности у населения является решающим фактором, влияющим на власть правителей. Насколько широко, глу-

боко и твердо люди верят в право правителей управлять ими? Если авторитет правителя силен, ему скорее будут доступны другие источники силы власти, а потребность в запугивании или применении санкций для принуждения к повиновению и сотрудничеству, вероятно, будет мала.

Человеческие ресурсы. На силу власти правителей оказывают влияние различные отдельные лица и группы, которые повинуются им, сотрудничают с ними или оказывают им особое содействие; их пропорциональное отношение к общему числу населения; степень, форма и сила их организаций. Сколько людей и какие организации сотрудничают с правителями или отказываются помогать им?

Знания и компетентность. На силу власти правителей оказывают влияние знания, компетентность и способности отдельных лиц и групп, желающих повиноваться и содействовать правителям, а также их умение удовлетворять нужды правителей. Обладают ли они необходимыми навыками, которые требуются правителям? Какова степень зависимости правителей от знаний, компетентности и способностей этих людей?

Нематериальные факторы. В поддержке правителей очень важны также психологические и идеологические факторы, эмоции и вера. К этим факторам относятся привычки, отношение к повиновению и подчинению, а также наличие или отсутствие общей веры, идеологии или чувства миссионерства. Если эти факторы сильны, правителям, вероятнее всего, будет проще найти другие, более доступные источники силы власти. В то же время, если нематериальные факторы незначительны или отсутствуют вовсе, доступ к другим источникам силы власти будет осложнен.

Материальные ресурсы. Степень прямого или косвенного правительственного контроля над собственностью, природными, финансовыми ресурсами, экономической системой, средствами связи и транспортом помогает определить границы пространства власти правителей. Имеют ли правители доступ к этим материальным ресурсам для достижения их целей или нет?

Санкции. Последний источник силы власти правителей - вид и степень доступных им санкций. Такими санкциями можно угрожать или применять их как против собственного народа,

если он отказывается подчиняться и сотрудничать, так и против населения и армии иностранных государств, с которыми правители находятся в состоянии конфликта. Возникают следующие вопросы: какие меры принуждения, наказания и средства борьбы имеются в распоряжении правителей в подобных ситуациях? Являются ли они легко и полностью доступными и надежными или же они ограничены?

Почти всегда дело заключается в *степени* предоставления всех или некоторых из этих источников силы власти. Редко бывает, чтобы все они сразу были доступны правителям или же полностью отсутствовали. Наличие подобных источников подвержено постоянным изменениям. Эти изменения вызывают подъем или упадок власти правителей. Степень, сила и продолжительность власти правителей определяются тем, насколько полно они владеют такими источниками.

Зависимость от населения

Более тщательное изучение источников силы власти правителей покажет, что они в значительной степени или полностью (в зависимости от ситуации) зависят от покорности и сотрудничества населения. Ниже будут рассмотрены последствия неиспользования этих источников.

Если население отрицает право правителей на власть, оно отказывается от выполнения общего обязательства или группового соглашения, гарантирующего существование данного правительства. Такая потеря авторитета или законности авторитарной власти приводит к ее ослаблению и распаду. Там, где эта потеря особенно сильна, само существование правительства находится под угрозой. Поэтому непризнание авторитета внутренних узурпаторов власти и иностранных агрессоров является ключевым моментом в общественной оборонительной борьбе против установления нового правительства внутренних или иностранных угнетателей. Если народ не поддерживает власть правителей, он либо ограничивает, либо полностью отказывается от сотрудничества с ними, от покорности и содействия. Неповиновение и

несотрудничество являются серьезными проблемами для любого режима.

Каждому правителю необходимы знания, компетентность, советы, труд и административные способности значительного количества населения. Чем шире и детальнее контроль правительства, тем больше необходима ему такая помощь. Диапазон ее расширяется от специальных знаний технических экспертов, научных исследований и организаторских способностей руководителей отделов до работы машинисток, рабочих заводов, специалистов по компьютерам, техников связи, транспортных и сельскохозяйственных рабочих. И экономическая, и политическая системы работают благодаря вкладу многих людей, организаций и подгрупп.

Сила правителей зависит от постоянной помощи не только отдельных экспертов, чиновников, служащих и т.п., но и от организаций и институтов, охватывающих систему в целом. К ним относятся отделы, бюро, филиалы, комитеты и т.п. Подобно тому, как индивиды и независимые группы могут отказаться от сотрудничества, эти организации могут отказаться оказывать необходимую правительству помощь и осуществлять его политику.

Если большинство населения и институтов общества, ранее способствовавших правителям в обеспечении их различными источниками силы власти, начнет отрицать авторитет правителей, возникнет угроза исчезновения этих источников. Население и организации, которые когда-то были надежными помощниками правителей, способны внезапно начать неэффективно выполнять их требования, могут сами отменять те или иные решения или даже категорически отказываться от прошлого содействия, сотрудничества и повиновения.

Необходимые для функционирования администрации и бюрократического аппарата знания, компетентность и человеческие ресурсы не могут существовать без добросовестного участия многих членов общества. Без надежной работы большинства рабочих, крестьян, инженеров, менеджеров, работников транспорта и связи, а также научных работников экономическая система не может действовать эффективно. Если полиция и солдаты не будут пол-

ностью подчиняться приказам своих командиров, институты давления не смогут эффективно подавлять сопротивление.

Отказ подчиняться не зависит от детального изучения трудов Генри Дэвида Торо или Махатмы Ганди. Маленькие дети так же, как молодежь и взрослые, легко и естественно приобретают навыки к непослушанию и неподчинению. Этот феномен, широко распространенный в нашем обществе, доходчиво объясняется старинной поговоркой: «Можно подвести лошадь к воде, но нельзя заставить ее пить». Способность к неповиновению и отказу от политического сотрудничества скорее коренится в человеческой склонности к упрямству, когда мы хотим чего-то добиться, нежели основывается на глубоком понимании политической теории, принятии определенных религиозных догм или на достижении высокого уровня нравственного развития. Тем не менее, когда массы действуют сообща во имя общей цели, их действия приобретают огромную силу, так как они соответствуют типу действий, необходимых для понимания фундаментальных принципов политической власти.

Неэффективность репрессий

В случае неповиновения правители будут недовольны подобным положением дел и не станут легко с ним мириться. И в самом деле, как отмечалось выше, отказ от сотрудничества, вероятнее всего, можно рассматривать как серьезную угрозу. Если режим, столкнувшись с серьезными политическими требованиями, не готов идти на уступки народным требованиям, то он все более будет вынужден опираться на принудительные меры.

Для того, чтобы вновь приобрести или гарантировать необходимые им сотрудничество, повиновение и поддержку, представители власти могут угрожать или применять такие наказания, как побои, заключение в тюрьму, пытки или казни. Даже несмотря на широкое недовольство режимом, подобные санкции обычно возможны, ибо какая-то часть населения часто остается лояльной к режиму, желает помочь ему утвердиться и поддерживает его курс.

В таком случае правители могут использовать лояльно настроенных граждан в качестве полицейских или солдат для проведения санкций. Однако карательные меры не будут определяющей силой в поддержке такого режима по двум причинам. Правящую группу (иностранную или местную) будет объединять нечто иное, нежели санкции, например, религия, экономическая заинтересованность, идеология, вера в свое дело и т.п. Более того, способность правителей применять карательные меры в своей стране или за рубежом зависит в значительной степени от содействия самого населения.

Карательные меры особенно *важны* для поддержания политической власти правителей в кризисных ситуациях. Это *не* означает, впрочем, что такие санкции помогут восстановить подчинение и повиновение ни в настоящее время, ни в будущем.

Даже если предпринятые правителями санкции поначалу приведут к внешнему согласию, оно не будет продолжительным. Правителям нужно нечто большее, чем недовольство, выраженное внешним согласием. Принудительное подчинение часто приводит и неэффективному выполнению обязанностей, а иногда даже к преднамеренному снижению темпов работы. До тех пор, пока сила и степень авторитета правителей у населения ограничена, повиновение, навязанное угрозами и наказаниями, неизбежно окажется недостаточным для обеспечения продолжительной и полной дееспособности власти.

Даже в течение самого непродолжительного времени у правителей не может быть уверенности в том, что их санкции против недовольной части населения обязательно приведут к восстановлению покорности, а также, что у них и в будущем будет возможность в полной мере применять карательные меры. Даже в случае применения репрессий против сопротивляющегося народа нет гарантий, что они приведут к возобновлению повиновения и сотрудничества. Эффективность наказания зависит от конкретной модели подчинения, характерной для данного общества. Это связано не только с тем, насколько население в обычное время подчиняется законам и правилам. Это также зависит от готовности людей повиноваться и сотрудничать в кон-

кретный период времени и в конкретных условиях, от их готовности продолжать сопротивление правителям, *несмотря* на угрозы и репрессии.

Даже когда участникам сопротивления грозит наказание, у них все равно есть выбор. Они могут выбрать повиновение и, таким образом, избежать грозящих за непокорность наказаний. Или они могут выбрать неповиновение, а значит, риск того, что к ним будут применены карательные меры. Такой выбор совсем не обязательно является результатом глубокой политической изощренности. В каждодневной жизни часто бывает, что упрямые дети или строптивые подростки периодически оказываются перед угрозой наказания, хотя и несравнимо более мягкого.

Если народ готов подчиниться из-за боязни наказания, репрессии, для большей эффективности, должны вызывать страх. Последствия этих санкций должны быть страшнее, чем предполагаемые результаты неповиновения. Применение наказания или его угроза приводят к подчинению и покорности только в том случае, когда они воздействуют на сознание и эмоции населения, когда люди боятся репрессий. Сами по себе карательные меры не приносят желаемых результатов: избитый демонстрант может на следующий день вернуться на площадь, заключенный в тюрьму участник забастовки все равно не работает, казненный мятежник никогда больше не сможет выполнить приказ. Наказание приводит к желаемым результатам только тогда, когда оно доводит подчинение до уровня, соответствующего достижению целей правителей.

Важно отметить, что, если разум человека не контролируется страхом наказания, репрессии вряд ли принесут желаемый результат. Так, например, на войне - угроза увечья и смерти не вынуждает солдат бежать с поля боя или сдаваться в плен. Если «воюющие стороны» - военные или гражданские, насильственные или ненасильственные - твердо верят в свое дело, они в состоянии продолжать борьбу, несмотря на опасность, угрожающую каждому участнику. В таком случае репрессии могут даже усугубить неприятие существующего режима и пополнить ряды участников сопротивления.

Власть правителей уязвима также и по другим причинам. Как мы отметили, способность применять репрессии основывается на подчинении и сотрудничестве хотя бы части населения. Аресты, избиения, заключения в тюрьмы и другие формы репрессий требуют действий полиции, армии и военизированных сил, а часто и некоторого содействия со стороны населения. Лица, осуществляющие репрессии, должны проявить желание ответственно исполнять свои обязанности. В некоторых случаях происходит иначе. Полиция и армия перестают признавать за бывшими или будущими правителями право отдавать подобные приказы. Или же они начинают сочувствовать идеям участников сопротивления и проявляют нерешительность в применении к ним санкций. Когда полиция и войска считают, что они должны, как минимум, *выказывать* повиновение своему начальству, они могут намеренно неэффективно выполнять приказы. К тому же их собственный опыт применения насилия против *ненасильственного* сопротивления в ряде случаев уменьшает их желание подчиняться. Иногда в результате этого появляются широкое недовольство, скрытое неповиновение или даже явное невыполнение приказов в отношении репрессий против участников ненасильственного сопротивления. В этом и заключается одна из важнейших причин того, почему использование ненасильственной дисциплины, о которой пойдет речь в третьей главе, приобретает особое значение.

Все эти три важных фактора: отрицание авторитета, сочувствие идеям сопротивления и неприятие применения насилия против людей, борющихся ненасильственными методами, могут сознательно использоваться если не для полного уничтожения власти правителей, то для значительного ее ослабления.

Возможность коллективного сопротивления

Если сила власти правителей зависит от содействия и повиновения населения, то широкое распространение отказа от сотрудничества и неповиновение должны продолжаться и перед

угрозой репрессий, цель которых - насильственно восстановить покорность. Широкомасштабное неподчинение и отказ от сотрудничества становятся возможными, когда из человеческого сознания исчезает страх и люди согласны понести наказание во имя достижения желаемых целей.

Такая ситуация имеет важное политическое значение, и воля правителей будет ослабляться пропорционально числу неповивающегося населения и степени зависимости от него правителей. Следовательно, ответ на вопрос о явно неконтролируемой политической власти, может заключаться в изучении того, каким образом, несмотря на репрессии, может быть вызван и претворен в жизнь широкомасштабный отказ от сотрудничества.

Теория, согласно которой политическая власть зиждется на насилии, и победа непременно будет на стороне того, кто способен на большее насилие, является ложной. Напротив, выбор неподчинения, желание открыто высказывать несогласие и способность к сопротивлению становятся исключительно важными в обеспечении победы над тиранами и агрессорами, которые обладают почти неограниченной возможностью разрушать и убивать.

В июле 1943 года Гитлер отмечал: «Управление населением на оккупированных территориях, я бы сказал, является психологической проблемой. Нельзя управлять одной только силой. Правда, сила - это основной фактор, однако в равной степени важно иметь нечто психологическое, необходимое даже дрессировщику, чтобы стать хозяином собственных зверей. Они должны знать, что мы - победители».

Итак, что же произойдет, если население откажется признавать удачливых военных захватчиков своими политическими хозяевами? Что если население отвергнет требования армии, оккупировавшей столицу, арестовавшей или уничтожившей законных представителей власти и объявившей мятежников новым правительством? Когда народ адекватно оценивает свои возможности, коренящиеся в самой природе политической власти, эти вопросы приобретают реальное, хотя и редко используемое практическое значение.

Необходимые условия ненасильственной борьбы

Если необходимо применить такое понимание политической власти, то возникает насущный вопрос - каким образом? Незнание способов борьбы против существующих насильственных режимов и предотвращения их появления является одной из наиболее важных причин неэффективных действий в этом направлении, в противном случае с тиранией и угнетением было бы давно уже покончено. Для успешного выполнения этих действий необходимы как минимум два основных условия.

Во-первых, население должно активно выражать свое отрицательное отношение к правительству угнетателей путем отказа от сотрудничества. Этот отказ может принимать самые разнообразные формы. Одни из них могут быть незначительными, другие - глобальными, однако каждая потребует усилий, храбрости и сообразительности.

Во-вторых, действия должны носить массовый или групповой характер. Когда правящее меньшинство объединено и хорошо организовано, а управляемое большинство разобщено и не организовано, народ обычно не способен к коллективной оппозиции. Следовательно, с ним легко можно справиться поодиночке. Эффективная деятельность требует *коллективного* сопротивления и неповиновения. Как правило, значительная опасность источникам силы власти правителей может угрожать лишь в том случае, если большинство населения, общественные группы и организации одновременно прекращают поддержку, сотрудничество и повиновение.

Так, например, проповеди инакомыслящего священника могут воздействовать только на немногих преданных ему прихожан, в то время как публичное обличение режима всей церковью как незаконного, обращенное ко всему народу, может привести к падению правительства. Горстка рабочих, не вышедших на работу в знак протеста, может быть просто уволена, тогда как хорошо подготовленная мощным многотысячным профсоюзом забастовка может вынудить на значительные уступки. Несколько правительственных служащих, игнорирующих рас-

поражения, вряд ли заметят, однако отказ от сотрудничества бюрократического большинства может вызвать падение исполнительной власти.

Таким образом, основным моментом является отказ от сотрудничества и неповиновение со стороны организаций и институтов общества, а не отдельных его членов. Способность таких структур выводить из строя обеспечиваемые ими же источники силы власти является, следовательно, стержневым пунктом.

Структурная основа народного контроля

Способность населения к коллективным действиям для осуществления контроля над правителями в большой степени зависит от состояния общественных неправительственных организаций и институтов, ибо благодаря им можно действовать коллективно. Эти неправительственные организации и институты являются центрами общественного влияния, такими «центрами» общества, в которых локализуется, фокусируется или проявляется влияние.

Конкретная форма и характер этих центров влияния изменяется от общества к обществу и от ситуации к ситуации внутри одного общества. Чаще всего они состоят из таких социальных структур и институтов, как семья, социальные классы, религиозные группы, культурные и национальные структуры, профессиональные, экономические группы, поселки и небольшие города, крупные города, провинции и регионы, малые государственные органы, добровольные организации и политические партии. Зачастую они представляют собой традиционные, установившиеся и формальные социальные группы и институты. Однако иногда центры общественного влияния могут быть организованы менее формально. Они могут быть созданы или восстановлены в процессе становления движения сопротивления.

В любом случае статус организаций и институтов как центров общественного влияния будет определяться их способностью действовать самостоятельно, обладать эффективным влия-

нием и регулировать влияние других центров или правителей, стоящих во главе государственного аппарата.

Такой комплекс независимых объединений и соотношение сил между ними обеспечивают «структурную» основу для возможного контроля над правителями и теми, кто может ими стать. «Структурное состояние» общества в целом определяется тремя факторами. Первый - определяется уровнем и жизнеспособностью центров общественного влияния, а именно: самим существованием независимых групп и институтов, их количеством, степенью их внутренней силы и жизнедеятельностью, централизацией или децентрализацией и процессом принятия решений.

Второй фактор включает взаимоотношения между независимыми группами и институтами общества. Способны ли эти центры общественного влияния действовать сообща во имя достижения общих целей? Способны ли они координировать свою подготовку и деятельность?

Третий фактор - взаимоотношения между этими центрами и правителями. Действительно ли такие центры способны на независимые действия против правителей, то есть готовы ли они к неподчинению и отказу от сотрудничества, ограничивая или нанося ущерб власти правителей? А также - насколько ограничена реальная независимость их действий?

Состояние структуры накладывает различные ограничения на потенциальную власть правителей, за пределы которой они не могут выйти без изменения существующей структуры или без усиления авторитета, добровольного одобрения и активной поддержки со стороны населения и общественных институтов. Если власть децентрализована и рассредоточена между сильными и жизненно важными организациями, такая структура в кризисных ситуациях способна усилить возможность населения и общественных организаций коллективно ослаблять власть существующих или будущих правителей с целью введения народного контроля.

Структурная основа свободы

Когда власть в обществе существенным образом распределена между сильными центрами общественного влияния, власть правителей, скорее всего, контролируется и ограничивается, что позволяет обществу противостоять возможному угнетению, узурпации или агрессии. Такое состояние ассоциируется с политической «свободой». С другой стороны, когда такие центры серьезно ослаблены или не способны действовать независимо, когда все люди одинаково бессильны, а власть в обществе крайне централизована, то власть правителей, скорее всего, становится неконтролируемой. Такое состояние соответствует «тирании». Не случайно тоталитарные режимы прошлого пытались устранить все без исключения независимые группы или подчинить их полному контролю партии или государства.

Именно поэтому свобода не является чем-то таким, что правители «даруют» своим гражданам. Даже в перспективе степень свободы или границы власти правителей не определяются формальными официальными структурами и действиями правительства (изложенными, например, в конституции). В действительности, общество может быть более свободным или более угнетенным, чем это отражено в официальных, конституционных или законодательных актах. Напротив, расширение и усиление власти правителей и действительная степень свободы общества определяются с помощью общественного влияния и состояния институтов всего общества. Власть правителей и степень общественной свободы может, в свою очередь, быть расширена или сужена путем взаимодействия правителей с населением. Некоторые правители могут избрать менее репрессивный стиль правления, чем это позволяют существующие условия, другие же смогут получить большую поддержку со стороны населения, чем предполагают сложившиеся структуры, что тем самым усиливает их власть.

Усиление власти правителей прямо или косвенно определяется, с одной стороны, желанием населения признавать правителей, подчиняться им, сотрудничать и выполнять их распоряже-

ния и желания. С другой стороны, ослабление власти правителей определяется нежеланием населения признавать их, способностью людей не подчиняться, отказываться от сотрудничества, не выполнять приказы и отвергать обращенные к ним требования.

Степень свободы или тирании в любом политическом обществе есть, следовательно, в большой степени отражение относительной решимости граждан быть свободными, их желание и способность построить для себя свободную жизнь и, что очень важно, их способность противостоять любым попыткам господства или порабощения. Другими словами, население может использовать само общество как средство для установления и защиты свободы. Общественные силы, а не технологические средства разрушения, таким образом, являются важнейшим гарантом свободы личности.

Социальные корни общественной обороны

Изложенное выше понимание характера политической власти и средств ограничения или уничтожения власти правителей в значительной мере связано с проблемой организации эффективной защиты общества от внутренней узурпации и иностранной агрессии. Согласно этому пониманию, как население, так и общественные институты способны играть ключевую роль в создании эффективной обороны.

Население и общественные институты могут играть эту роль отказываясь проявлять по отношению к захватчикам необходимое понимание, покорность и сотрудничество. Как мы видели, принцип этих действий прост - ограничение источников силы власти правителей, человеческих ресурсов, знаний и компетентности, нематериальных факторов, материальных ресурсов способно ослабить власть правителей, в то время как распад этих компонентов приводит к дезинтеграции власти.

Знание этих факторов предоставляет защитникам способ борьбы с агрессором, непосредственно используя внутренний потенциал общества. Придерживаясь собственных принципов законности, собственного стиля жизни, автономии своих ин-

ституты и конституционные принципы, общество способно нейтрализовать атаку и сохранить себя. Мобилизуя все свои силы на отказ от сотрудничества с захватчиками, общество может свести на нет усилия нападающих и добиться определенных экономических, политических и идеологических выгод. Психологическое, социальное, экономическое и политическое давление и действия, поддерживаемые всем населением, могут использоваться для окончательного разгрома захватчиков, приведя к неэффективности и ненадежности административные и репрессивные меры нападающих.

В конфликтных ситуациях различные секторы государственного аппарата, лояльные по отношению к прежним правителям, могут стать менее надежными. Такими группировками иногда могут быть даже целые государственные организации, например, государственный банк, Верховный суд, местные органы власти. Иногда, впрочем, ими могут стать группировки внутри таких организаций, например, отдельные представители бюрократического аппарата, гражданских служащих или подразделения полиции и армии.

Когда целые организации или их значительные подразделения начинают принимать самостоятельные решения и действовать автономно, не повинаясь приказам существующих или будущих правителей, они становятся нестабильными элементами централизованного государственного аппарата. Таким образом, они приобретают важные характеристики *независимых центров общественного влияния*. Если такие подразделения государственного аппарата продолжают наращивать собственную автономию, то они тем самым усиливают дезинтеграцию конкретного государственного аппарата. Это, естественно, представляет существенную угрозу для группы, пытающейся сохранить или захватить власть, той группы, представителей которой общество отвергает как тиранов, узурпаторов или агрессоров.

Таким образом, ослабление или устранение власти захватчиков возможно даже без применения разрушительной военной технологии. Когда общество предано идее самоопределения и хорошо подготовлено к противостоянию агрессорам и угнетате-

лям, тогда наиболее эффективным ответом на попытки внутренней узурпации власти и иностранной агрессии является оборона силами общества.

В случаях иностранной агрессии важным моментом обороны становятся усилия, направленные на стимуляцию и объединение сопротивления и оппозиции в стране самого агрессора, а также организация международных политических, дипломатических и экономических санкций против агрессора. Способность обороняющегося общества получить поддержку в стране агрессора и со стороны международного сообщества будет в какой-то степени зависеть от предшествующей политики данного общества.

Итак, способность населения, обладающего мощными центрами общественного влияния, противостоять узурпаторам и агрессорам зависит от различных факторов. Они включают: первое - готовность населения оказывать сопротивление захватчикам; второе - количество, значимость и независимость общественных организаций и институтов; третье - способность центров общественного влияния объединиться для защиты общества; четвертое - авторитет общественных сил, которые эти центры могут самостоятельно использовать; пятое - контролируемые источники силы власти, необходимые захватчикам; шестое - относительную способность защитников избегать сотрудничества несмотря на репрессии; седьмое - их умение эффективно применять ненасильственные методы борьбы.

Если обороняющиеся хотят защищаться, имеют сильные независимые организации, способные контролировать важные источники политической власти и умело проводить кампанию несотрудничества и неповиновения, то оборона с помощью сил общества представляет собой реальный выбор для борьбы с нападением. Однако общего неприятия и коллективного сопротивления явно недостаточно. Прежде чем начать, людям необходимо знать, как вести борьбу, которая последует за первоначальным проявлением неповиновения. Необходимо понять механизм ненасильственных действий, который основан на концепции политической власти, рассмотренной в данной главе. Что позволяет добиться успеха или ведет к поражению? Что

требуется для достижения максимальной эффективности? Какие возможности предоставлены и какие требования предъявлены? Необходимое понимание ненасильственных действий должно включать знание специфических методов, динамику изменений, требования, необходимые для достижения успеха, и принципы стратегии и тактики.

Примечания

Более детальный анализ проблемы власти, а также большой справочный материал содержатся в работах: Gene Sharp, *The Politics of Nonviolent Action* (Boston: Porter Sargent, 1973), стр. 7-62 и Gene Sharp, *Social Power and Political Freedom* (Boston: Porter Sargent, 1980), стр. 21-67. При разработке приведенного анализа проблемы власти были использованы мнения следующих ученых: Auguste Comte, Т. Н. Green, Errol E. Harris, Etienne de la Boetie, Harold D. Lasswell, John Austin, Baron de Montesquieu, Jean-Jacques Rousseau, William Godwin, Bertrand de Jouvenel, Robert Maciver, Chester I. Barnard, Niccolo Machiavelli, W. A. Rudlin, Max Weber, Herbert Goldhamer, Edward A. Shils, Karl W. Deutsch, Jeremy Bentham, Georg Simmel, E. V. Walter, Franz Neumann, David Hume, Thomas Hobbes, Jacques Maritan и Alexis de Tocqueville.

Конкретные ссылки на работы этих авторов содержатся в вышеперечисленных исследованиях.

О факторах, влияющих на успех или поражение ненасильственной борьбы, см.: Gene Sharp, *The Politics of Nonviolent Action*, стр. 726-731, 754-755, 815-817.

Этьен де ла Бозси цитируется по изданию: Этьен де ла Бозси «Рассуждение о добровольном рабстве», издательство Академии наук СССР, Москва, 1962, стр. 9-10, в переводе Ф. А. Коган-Бернштейн. См. также: Boetie, *Anti-Diktator: The "Discours sur la servitude volontaire"* of Etienne de la Boetie, в переводе Harry Kurz (New York: Columbia University Press, 1942).

Высказывания А. Гитлера цитируются по изданию: Alexander Dallin, *German Rule in Russia 1941-1945* (New York: St. Martin's, 1957), стр. 498.

Глава третья ОБЛАДАНИЕ ВЛАСТЬЮ

Система ненасильственного вооружения

Пользуясь *политической терминологией*, можно сказать: ненасильственные действия основываются на очень простом постулате - люди часто не делают того, что им приказывают, иногда они даже склонны нарушать запреты. Они могут нарушать законы, которые не принимают; рабочие могут прекратить работу; служащие могут отказаться выполнять инструкции; солдаты и полиция могут неэффективно исполнять приказы о применении репрессий или даже бунтовать.

Когда эти и подобные им действия происходят одновременно, власть правителей ослабевает, так как источники ее силы иссякают. Режим распадается, а люди, которые были «правителями», превращаются в обыкновенных граждан. Это может случиться даже если правительство не применяет оружие, солдаты не ранены, города не разрушены, заводы и транспортная система работают в полную силу, правительственные здания не повреждены. И тем не менее, все в данной ситуации изменяется, так как исчезает народная поддержка, которая создавала и поддерживала эту политическую власть.

Как такое понимание власти можно применить к соответствующим действиям, направленным на оборону общества? Какие методы могут использовать защитники для того, чтобы вывести из строя источники силы власти, необходимые иностранным захватчикам и внутренним узурпаторам? Какие действия необходимо предпринять обороняющимся в связи с ожидаемыми репрессиями? Более детальный анализ методов ненасильственных действий может дать некоторые ответы на эти вопросы.

Ненасильственные действия настолько отличаются от более мягкой мирной реакции на конфликт (такой, как примирение и арбитраж), что некоторые авторы отмечали значительное сходство этих действий с обычной войной. *Ненасильственные действия являются таким же средством борьбы, как и война.* Они предполагают противоборство сил и участие в «сражениях», требуют мудрой стратегии и тактики, большого количества «оружия», мужества, дисциплины и самопожертвования от своих «солдат». Ненасильственные действия можно с таким же успехом назвать «ненасильственной борьбой», особенно когда против убежденных и сильных противников, способных на репрессии и другие серьезные контрмеры, применяются жесткие формы этих методов.

Такой взгляд на ненасильственные действия как на метод ведения *активной* борьбы диаметрально противоположен когда-то популярному, но дилетантскому утверждению, что такой феномен в действительности не существовал, или что все «ненасильственное» - просто пассивность и покорность. Сторонники другой точки зрения признавали существование ненасильственных действий, но утверждали, что эта форма борьбы в ее наиболее сильных проявлениях опирается на рациональное убеждение оппонентов или на воздействие моральных призывов и на «размягчение сердец». Ни то, ни другое явно не встречается в острых конфликтах. И все же неопровержимая значимость ненасильственных действий заставила даже скептиков признать их силу. Это особенно явно проявилось в период начиная с 1968 года: сопротивление чехов и словаков, движение Солидарности в Польше, победа над Маркосом на Филиппинах, ненасильственные революции 1989 года в Восточной Германии, Чехословакии и Болгарии.

Ненасильственные действия - это именно то, что обозначается этими словами: *действия* без насилия не являются *бездействием*. Методы такой борьбы состоят не просто из слов, но и из действий в форме символических протестов, социального, экономического и политического несотрудничества и ненасильственной интервенции. В большинстве своем ненасильствен-

ные действия являются групповыми или массовыми. В то время, как некоторые их формы, особенно символические, можно рассматривать как попытки убедить действием, другие формы, особенно связанные с отказом от сотрудничества, могут, в случае применения большим количеством людей, парализовать или даже дезинтегрировать противника.

Причины для применения ненасильственных действий вместо некоторых видов насилия весьма различны. В большинстве случаев прошлых лет ненасильственная борьба избиралась потому, что она выглядела более перспективной для достижения целей по сравнению с другими методами. В некоторых ситуациях непосредственный опыт применения насилия или знание его последствий заставляли людей осторожно использовать такие приемы. («Насилие» в данном случае связано с угрозой или с намеренным нанесением физических увечий или убийства людей.) На практике насилие применялось в таких акциях, как бунты, кровопролитные восстания, террористические акции, партизанские или обычные войны. Перспектива кровавого разгрома, вероятность огромных потерь, разрушений или долговременных последствий насилия (общественное недоверие, экономический упадок, угроза последующей военной диктатуры или усиление насилия внутри страны) привели людей ко все более широкому использованию ненасильственных действий. В других случаях (сравнительно редко) насилие не применялось по религиозным, этическим или нравственным причинам, открывая тем самым дорогу методам ненасильственной борьбы. В отдельных случаях к уменьшению насилия приводило сочетание практических и принципиальных мотивов.

Когда при разрешении конфликта избирается ненасильственная борьба, задача людей, использующих ее для достижения победы, состоит в наращивании своих основных сил и умелом применении этих методов. Существуют определенные требования, которые необходимо выполнять, чтобы ненасильственные действия были успешными. Население, вовлеченное в такую борьбу, должно максимально использовать свои возможности для выполнения этих требований.

Широко распространено мнение, что ненасильственные действия требуют больше времени для достижения успеха, чем борьба с применением насилия. Однако такая точка зрения не всегда верна. Иногда насильственная борьба продолжалась в течение многих месяцев или лет. Возьмем, к примеру, продолжительность многих партизанских войн, скажем, в Китае, Югославии, Алжире и Вьетнаме или войн между государствами, например, две мировые войны. (Вспомним Тридцатилетнюю или Столетнюю войны в Европе.) Предположение в качестве аксиомы, что военные действия срываются быстро, является ложным, так же, как и вера в большие шансы победы военными средствами. По крайней мере, в половине случаев военные действия в действительности терпят поражение, так как одна сторона всегда остается в проигрыше. В данной ситуации даже не принимается во внимание, достигнуты или нет изначальные цели борьбы. В положении «военного равновесия» не выигрывает ни одна из сторон.

Ненасильственные действия, напротив, временами не только добиваются успеха (иногда даже свергают правительства угнетателей), но и делают это очень быстро. Путч Каппа, например, был разбит менее чем за пять дней. Сальвадорский диктатор, генерал Максимилиано Эрнандес Мартинес был свергнут в результате ненасильственного переворота менее чем за три недели в апреле-мае 1944 года. В июне того же года военный диктатор Хорхе Убико был смещен с президентского поста в Гватемале в процессе борьбы, продолжавшейся всего 11 дней. В 1989 году восточногерманская, чехословацкая и болгарская диктатуры рухнули в течение всего нескольких недель в результате широкого ненасильственного сопротивления в каждой из этих стран.

Не всякая борьба приводит к столь быстрому успеху. Однако независимо от того, длится она дни или годы, ее эффективность зависит от способности участников ненасильственных действий придерживаться избранных ими методов и применять их настойчиво и умело. Такие методы не приведут к успеху, если они изначально плохо продуманы и от них можно легко отказаться. Напротив, требуется огромная тщательность в разработке и строгая дисциплина при использовании этих методов, чтобы добиться наилучших результатов.

Опасно рассматривать ненасильственные действия как тривиальное второстепенное направление в дополнение к основным (обычно насильственным) действиям или просто как введение в другую, более общую стратегию борьбы. Ненасильственные действия - явно не тот метод, который может принести пользу в сочетании с насилием. На самом деле - это самая опасная комбинация, ибо, как будет более полно раскрыто в этой главе, насилие противоречит основным элементам ненасильственных методов. Такое насилие, часто даже ограниченное, влекло за собой снижение числа участников сопротивления и, таким образом, ослабляло силу их несотрудничества. К тому же насилие может ослаблять влияние ненасильственных действий на лагерь противника (особенно на полицию и армию) и уменьшать сочувствие и поддержку третьей стороны. Таким образом, насилие, используемое в ненасильственной борьбе, на самом деле не усиливает, а ослабляет такую борьбу.

Ненасильственные действия являются специфической формой разрешения конфликта. Они применяют свою собственную стратегию, тактику и «систему вооружения». Такие действия, тщательно спланированные и проведенные в жизнь, могут предложить способы применения и мобилизации их потенциальной силы в гораздо большей степени, чем насилие.

Для использования ненасильственных действий в целях обороны необходимо в первую очередь изучить многочисленное ненасильственное «оружие», или конкретные действия, присутствующие данной методологии. Затем нужно найти механизмы, при использовании которых ненасильственные действия достигают успеха. Основываясь на этом общем понимании методов ненасильственной борьбы, четвертую главу мы посвятим проблемам внутренней узурпации и иностранной агрессии.

Методы ненасильственных действий

Ненасильственные действия могут включать *акты невыполнения*, когда люди могут отказаться выполнять действия, которые они обычно выполняют и которые от них ожидаются или требу-

ются законом или предписаниями; *акты выполнения*, когда люди могут совершать действия, которые они обычно не совершают, которые для них не характерны и которые запрещены законом или предписаниями; или сочетание первого и второго.

Эти акты содержат множество специфических методов действий и «оружия». В настоящее время уже выделено около двухсот таких методов, и, без сомнения, уже существуют или появятся в будущих конфликтах сотни новых. В методике ненасильственной борьбы выделяются три широких класса ненасильственного «оружия»: *ненасильственный протест и убеждение, несотрудничество и ненасильственная интервенция.*

Ненасильственный протест и убеждение

Это широкий класс, в основном символических действий, мирной оппозиции или попыток убеждения, выходящих за рамки простого словесного выражения, но не доходящих до отказа от сотрудничества и ненасильственной интервенции. Это самое мягкое ненасильственное «оружие». К его методам относятся: демонстрации, публичные выступления, декларации, применяемые организациями, отказ от наград, символические публичные акты, пикетирование, развешивание плакатов, семинары, траурные митинги и митинги протеста.

Использование таких методов может попросту показать, что демонстранты борются *против* или *за* что-либо. Основная цель подобных методов - повлиять на противника. И напротив, эти действия могут иметь целью, прямо или с помощью рекламы, установление контактов с народными массами, сторонними наблюдателями или с третьей стороной, чтобы привлечь внимание и вызвать поддержку желаемым переменам. Они могут быть также направлены в основном на то, чтобы побудить «группу недовольных» - людей, непосредственно вовлеченных в конфликт, - предпринять какие-либо действия, например, организовать забастовку или экономический бойкот. Некоторые более мягкие меры такого типа (например, распространение листовок) предназначены для того, чтобы убедить в необходимости проведения

более серьезных акций (например, экономического бойкота).

Эти методы ненасильственного протеста и убеждения очень широко использовались в форме распространения листовок, пикетирования, демонстраций или проведения маршей протеста. Приведем только несколько примеров. Известны случаи, когда в храмах Германии читались антинацистские проповеди. Президиум Национального Собрания Чехословакии выпустил декларацию, обращенную к правительствам и парламентам пяти стран-участниц Варшавского договора, участвовавших во вторжении в Чехословакию, возглавляемом Советским Союзом. В декларации осуждалось вторжение и содержалось требование «немедленного вывода» войск.

В «Меморандуме», подписанном в начале ноября 1956 года десятками выдающихся коммунистических писателей и работников искусств Венгрии, содержалась просьба к Центральному комитету Коммунистической партии удерживать власти от применения «антидемократических методов, которые калечат нашу культурную жизнь», а также призыв к «свободной, искренней, здоровой и демократической атмосфере, наполненной духом народного правления.»

Во время обращения президента Вильсона к Конгрессу 4 декабря 1916 года пять суфражисток развернули лозунг, гласивший: «Г-н президент, что Вы делаете для избирательного права женщин?» Во время буддийского движения 1963 года против режима Нго Динь Зьема в Южном Вьетнаме ученики школы для мальчиков Чу Ван Ан в Сайгоне сорвали государственный флаг и подняли буддийский. В 1942 году в оккупированной Польше немцы разрушили все памятники, которые увековечивали патриотические события и героев Польши. Тогда поляки окружили эти места бросающимися в глаза ограждениями и даже проводили там богослужения, вызывая тем самым недовольство немецких оккупационных властей.

В столице Болгарии Софии евреи организовали протест против планирующейся депортации, к которому 24 мая 1943 года присоединились многие болгары нееврейского происхождения. Произошли столкновения с полицией и множество арестов. Ма-

тей Юлзари писал: «Боясь внутренних беспорядков, фашистское правительство и царь были вынуждены отказаться от своего плана высылки евреев из Болгарии на гибель в лагерь смерти.» Все болгарские граждане еврейского происхождения были спасены.

31 августа 1962 года в Алжире двадцатитысячная толпа собралась на площади, чтобы выразить протест против продолжающегося конфликта среди лидеров страны, недавно завоевавшей независимость. Главной целью этого протеста было предотвратить развязывание гражданской войны. В Бразилии массовые народные демонстрации стали основной силой движения начала 1980-х годов за восстановление гражданского правительства. Это были исключительно ненасильственные демонстрации, в которых зачастую принимало участие от одного до двух миллионов человек.

4 ноября 1989 года по меньшей мере 500 тысяч демонстрантов прошли маршем через Восточный Берлин, требуя свободных выборов, свободной прессы и гражданских прав. Проходя мимо здания Совета Министров, некоторые участники демонстрации писали свои требования на его стенах. В Праге 25 ноября 1989 года полмиллиона участников протеста скандировало: «Позор! Позор! Позор!», желая разоблачить перетасовку смещенных коммунистических лидеров как «трюк», направленный на подрыв реформ.

Несотрудничество

Большинство методов ненасильственных действий содержат несотрудничество того или иного типа. Несотрудничество включает преднамеренное прекращение, сокращение, уменьшение или разрушение определенных существующих взаимоотношений: социальных, экономических или политических. Люди могут, например, полностью игнорировать членов оппозиционной группы. Они могут отказаться покупать определенную продукцию или перестать работать; могут не повиноваться законам, которые кажутся им аморальными, или отказаться платить налоги. Они борются путем сокращения или прекращения своего обыч-

ного сотрудничества или путем отказа в предоставлении дополнительной помощи, а иногда пользуются и тем, и другим методом. Такие действия могут быть спонтанными или запланированными, легальными или нелегальными, и их применение замедляет или приостанавливает нормальный ход событий.

Методы несотрудничества можно разделить на три основные категории: социальные, экономические и политические.

Социальное несотрудничество может включать отказ от соблюдения принятых социальных отношений, как специфических, так и общего характера, с людьми и группами, совершающими незаконные действия.

Социальные бойкоты очень хорошо известны. Во время Рурской кампании 1923 года немцы объявили социальный бойкот французским и бельгийским солдатам и офицерам. Когда солдаты заходили в таверну выпить, немецкие посетители немедленно уходили оттуда. В Дании во время Второй мировой войны датчане широко использовали против немецких солдат метод «холодного приема», иногда глядя мимо них, как будто их не существует.

Методам социального несотрудничества сопутствуют также различные другие формы действий, в том числе отказ следовать привычным моделям поведения или установленным общественным порядкам, или отказ подчиняться противнику. Среди подобных методов встречаются: отлучение от церкви, «лиси-стратино бездействие», бойкот или приостановка общественных или спортивных мероприятий, студенческие забастовки, невыход из дома, предоставление убежища.

Экономическое несотрудничество состоит в приостановлении существующих экономических отношений или в отказе начинать новые. Экономические формы несотрудничества более многочисленны, чем социальные. Этот вид несотрудничества также включает экономические бойкоты и забастовки.

Экономические бойкоты предполагают отказ от определенных экономических отношений, особенно от покупки, продажи, хранения товаров или от услуг. Бойкоты могут быть *первичными* или *вторичными*. Первичный бойкот - это прямой

отказ от общения с противником, как, например, отказ немецких железнодорожников транспортировать уголь во Францию во время Рурской кампании 1923 года и недельный отказ в сентябре 1941 года жителей Праги покупать газеты, контролируемые немцами. Вторичный бойкот применяется против третьей стороны для того, чтобы убедить ее присоединиться к первичному бойкоту противника, например, бойкоты магазинов в Соединенных Штатах, продающих бойкотируемый калифорнийский виноград или продукцию Южной Африки.

Экономические бойкоты имеют различные формы, включая бойкоты потребителей, отказ от арендной платы, международные бойкоты потребителей, локауты, отказ от выплаты долгов или процентов, отзыв банковских вкладов и международное эмбарго на торговлю.

Экономические бойкоты использовались в основном профсоюзами и национальными освободительными движениями. Они могут проводиться потребителями, рабочими и производителями, дистрибьютерами, владельцами и менеджерами компаний, крупными бизнесменами и правительствами.

Забастовка - отказ от работы. Это коллективное, продуманное и обычно временное ограничение или приостановка работы, предпринятые для оказания давления на других. Забастовка часто, но не всегда, вызвана экономическими причинами. Ее цель - достичь некоторых изменений во взаимоотношениях между конфликтующими группами. Забастовщики обычно выдвигают определенные требования в качестве предпосылки для результативной работы. Иногда сама угроза забастовки может привести к уступкам со стороны противника.

Бастовать могут сельскохозяйственные рабочие, крестьяне, рабочие фабрик и заводов, служащие или другие социальные группы. Забастовки могут выражаться в полной остановке работы или в ее ограничении тем или иным образом, например, в снижении темпов работы. Они могут принимать различные формы, включая забастовки протеста, временную приостановку работы, забастовки крестьян, фермеров, заключенных, служащих, промышленных рабочих, симуляцию болезни, а также форму

всеобщей забастовки. Предприниматели и рабочие могут объединяться при организации остановки производства.

Забастовки могут быть символическими для выражения определенных точек зрения. Например, 15 января 1923 года, через четыре дня после франко-бельгийского вторжения в Рур, население Рура и Рейнских земель провело тридцатиминутную забастовку протеста, чтобы выразить свою волю к сопротивлению.

Через несколько часов после вторжения советских войск в Прагу в августе 1968 года чехи провели несколько забастовок протеста, чтобы продемонстрировать свое намерение сопротивляться агрессорам. 27 ноября 1989 года миллионы чехов и словаков поднялись на всеобщую двухчасовую стоячую забастовку для выражения поддержки свободным выборам и оппозиции коммунистическому господству.

Гораздо чаще забастовки направлены на завоевание экономических уступок. Использование профсоюзами забастовок для повышения заработной платы и улучшения условий труда во многих странах имеет глубокие исторические корни. Но иногда забастовки ставят политические и революционные цели. С 29 апреля по 8 мая 1943 года в Нидерландах, оккупированных нацистами, прошла волна забастовок, в которых участвовало большинство промышленных рабочих, протестующих против планировавшегося интернирования ветеранов голландской армии в Германию. 30 июня 1944 года рабочие Дании провели всеобщую пятидневную забастовку, чтобы заставить немцев отменить военное положение и вывести из Дании ненавистные датчанам отряды фашистских *Schalburgkorps*. В результате переговоров немцам пришлось пойти на определенные уступки.

Забастовки рабочих могут сочетаться с закрытием предприятий с целью создания экономической катастрофы. Это явилось ключевым фактором в борьбе за восстановление автономии Финляндии от царской России в конце 1905 года. Полная ненасильственная остановка производства в 1956 году явилась также главной причиной смещения диктатора - генерала Маг-лиоре с поста президента в Гаити.

Политическое несотрудничество предполагает отказ от продолжения обычных форм политической деятельности в существующих условиях. Оно может применяться как отдельными лицами, так и небольшими группами. Тем не менее, политическое несотрудничество обычно вовлекает гораздо большее число населения, государственных служащих или сами правительства.

В зависимости от конкретной ситуации политическое несотрудничество может выражаться в самых разнообразных формах.

Все эти формы основаны на стремлении не оказывать содействия противнику, следуя при этом определенным типам политического поведения. Политическое несотрудничество может принимать форму отрицания законности и власти правительства; бойкота правительственных органов и указов; различных видов несотрудничества и неповиновения; торможения работы; несотрудничества государственных служащих, рабочих и исполнительных органов; международных правительственных акций. Гражданское неповиновение - обдуманное, открытое, мирное нарушение конкретных законов, декретов, правил, постановлений, военных или полицейских приказов - является одним из наиболее известных методов политического несотрудничества.

Целью политического несотрудничества может быть просто личный протест или несогласие. Однако чаще оно проводится для оказания давления на правительство, на незаконные группы, пытающиеся захватить контроль над правительственным аппаратом, а иногда - это попытка оказать давление на другое правительство. Задачей политического несотрудничества может быть достижение ограниченных целей, изменение политики правительства, смена кабинета, а иногда даже его роспуск. Если политическое несотрудничество применяется против внутренних узурпаторов, марионеточного правительства или администрации иностранных агрессоров, то его целью будет отражение нападения и восстановление законного правительства.

Различные виды политического несотрудничества были важными факторами сопротивления во всех четырех случаях, рассмотренных в первой главе. Политическое несотрудниче-

ство является основным средством отрицания законности власти внутренних узурпаторов или оккупантов, поскольку признание законности их правления приведет к упрочению других важных источников силы власти, таких, как народная поддержка, административные службы, экономические ресурсы и т.п. 19 января 1923 года правительство Германии запретило всем государственным и местным властям подчиняться любым законам франко-бельгийской оккупационной администрации, предписав подчиняться только властям дооккупационной Германии. В Чехословакии в 1968 году, через три дня после советского вторжения, мэр Праги отказался даже встретиться с посланными для переговоров с ним представителями оккупационных войск.

Среди многих форм политического несотрудничества есть такие, как бойкот организаций, поддерживаемых правительством. Например, отказ учителей Норвегии стать членами созданной режимом Квислинга в 1942 году и управляемой фашистами учительской организации. Такие акты, как отказ от содействия войскам или полиции, непризнание вновь назначенных «официальных лиц» или распад существующих институтов, также представляются важными. Всеобщее несотрудничество административных органов было решающим фактором в победе над пучком Каппа. В оккупированной Норвегии и норвежская полиция, и немецкие солдаты иногда намеренно недобросовестно производили аресты и даже содействовали побегам. Частые мятежи в русской царской армии были важным фактором Февральской революции 1917 года, в результате которой царь вынужден был отречься от престола.

Способность участников ненасильственного сопротивления использовать «оружие» социального, экономического и политического несотрудничества чрезвычайно важна в проведении конкретной ненасильственной кампании. Такие методы можно использовать как для защиты, так и для нападения. При защите использование этих методов может помочь отразить нападение путем поддержки независимой инициативы, норм поведения, институтов общества и т.п. При нападении несотрудничество

может угрожать деятельности и даже существованию институтов и организаций общества, поддерживающих агрессоров.

Ненасильственная интервенция

Методы этого последнего вида ненасильственных действий отличаются от двух, упомянутых выше, прямым вмешательством в ситуацию с помощью ненасильственных действий. Эти действия направлены не просто на изложение точки зрения или на отказ от сотрудничества. Напротив, люди, пользующиеся этими методами, захватывают инициативу и непосредственно воздействуют на систему или ситуацию, благодаря чему положение не может оставаться прежним, если только это вмешательство каким-то образом не устранено или не нейтрализовано.

Методы этого типа ненасильственных действий могут принимать психологические, физические, социальные, экономические или политические формы. Они включают голодовки, сидячие забастовки, ненасильственную обструкцию, установление новых норм общественного поведения, стоячие забастовки, создание альтернативных экономических организаций, действия, провоцирующие на тюремное заключение, непроизводительный труд и создание параллельного правительства.

Используемая в наступательных целях ненасильственная интервенция может перевести борьбу в лагерь самого противника даже без непосредственной провокации. Методы ненасильственной интервенции могут внести раскол и даже уничтожить установленные ранее модели поведения, политику, взаимоотношения или организации, которые считаются нежелательными, или же они могут установить новые, более предпочтительные модели поведения, политику, взаимоотношения или организации.

По сравнению с другими типами ненасильственных действий методы ненасильственной интервенции бросают прямой и непосредственный вызов агрессору. Однако это не обязательно означает, что они приводят к более быстрому успеху. Первой реакцией противника на эти действия может быть ужесточение репрессий, что, естественно, совсем не обязательно ведет к по-

ражению. Тем не менее, если интервенция увенчалась успехом, победа, вероятно, наступит быстрее, чем при несотрудничестве, потому что разрушительному эффекту этой интервенции гораздо труднее противостоять. Например, сидячие забастовки в столовой или в учреждении гораздо быстрее нарушают их нормальную деятельность, чем, скажем, пикетирование или бойкот потребителей в целях прекращения дискриминации.

Существует большое количество примеров такого типа ненасильственных действий. В Америке во время движения за гражданские права широко использовались сидячие забастовки в целях прекращения расовой дискриминации в общественных местах.

В 1955 году произошла массовая ненасильственная интервенция в Гоа как акт непризнания верховной власти Португалии над этой частью Индии. В 1953 году, когда советские танки разгоняли толпу в Восточной Германии, 25 тысяч демонстрантов сидя на земле блокировали танкам путь. С 1969 по 1971 год коренные американцы без применения оружия оккупировали остров Алкатраз, надеясь вернуть ему статус резервации. Во время немецкой оккупации поляки создали альтернативную, независимую от нацистского контроля, систему образования. В августе и сентябре 1968 года в Чехословакии в течение двух недель работала радиостанция, открыто выступавшая против советских захватчиков, разоблачая их пропаганду, сообщая информацию о событиях и людях и давая указания для дальнейшего ненасильственного сопротивления.

11 декабря 1989 года десятки тысяч участников акции протеста окружили здания управления государственной безопасности в Лейпциге, в Восточной Германии, и потребовали от главы местных органов безопасности разрешить «народной инспекции» запечатлеть на пленке общественную инспекцию зданий органов безопасности.

30 «инспекторов» обнаружили документы, свидетельствующие о государственном «шпионаже» за жителями Лейпцига, и остановили уничтожение обличающих документов.

Существование параллельного правительства может быть особенно важным фактором в ненасильственной борьбе, когда

на карту поставлена сама ориентация общества и его политическая система, например, в революционной ситуации или в период национальной обороны против внутренней узурпации власти или иностранной агрессии. В революционной ситуации параллельное правительство претендует на роль новой верховной власти, которая ставит своей целью замену существующей. Возникает новая политическая структура, заявляющая, что она поддерживает народ и верна ему. Параллельное правительство с помощью широкой народной поддержки постепенно присваивает себе соответствующие функции, изживая старый режим, лишая его законности и, в конце концов, аннулируя его.

Этот метод ненасильственной борьбы до сих пор испытывал недостаток в тщательном анализе и сравнительном изучении. Он проявлялся в различных ситуациях, иногда лишь в ограниченном виде. Однако случалось, что параллельное правительство становилось серьезным фактором в политической борьбе, иногда полностью вытесняя первоначальное правительство.

Классическим примером является возникновение параллельного правительства в период американского движения за независимость в 1765-1775 годах. До 1774 года колонисты, сопротивляясь попыткам Англии усилить власть над американскими колониями, разработали множество методов ненасильственной борьбы. Ко времени кризиса 1774-1775 годов, вызванного Принудительными актами (Coercive Acts), американцы потеряли веру в решение проблем конституционными методами. К тому же колониальные власти в некоторых регионах страны запрещали местные законодательные органы, если считалось, что они поддерживают движение сопротивления.

В ответ колонисты начали формировать новые и изменять уже существующие политические структуры. Были образованы временные законодательные органы и комитеты сопротивления и управления.

Толчок такой тенденции дала Континентальная ассоциация - умело разработанная программа экономического и политического сотрудничества, принятого первым Континентальным

конгрессом в октябре 1774 года. Широкая сеть местных, региональных и общенациональных комитетов поддержала и усилила сопротивление Принудительным актам. Совместно с ранее созданными координационными комитетами эти организации взяли на себя многие функции правительства. Исследователь Рональд Маккарти показал, что параллельные правительственные структуры, игравшие законодательную и исполнительную роль, взяли на себя ответственность за налогообложение, а в некоторых областях даже осуществляли судопроизводство. В одних случаях колониальные законодательные органы отвергали верховную власть Великобритании и становились органами сопротивления и автономными правительствами. В других - вновь созданные организации действовали как параллельные органы власти. В таких случаях борьба еще более обострялась, ибо подобные органы брали на себя правительственные полномочия.

Еще более яркий пример функционирования параллельных правительств являют собой российские революции 1905 и 1917 годов. В 1905 году Земская управа взяла на себя значительную часть функций государственного управления. Целые губернии и национальные округа вышли из-под контроля правительства и сформировали свои собственные автономные правительства, в отдельных случаях просуществовавшие до 1906 года. До начала большевистского переворота 1917 года одновременно существовали Временное правительство и независимые Советы, причем и те, и другие являлись органами государственной власти. Зачаточные элементы параллельных правительственных структур появились в Индии во время кампании Сатьяграхи в 1930-1931 годах.

В случае обороны параллельные правительства могут сыграть исключительно важную роль, что будет подробно обсуждаться в четвертой главе.

Обладание властью

Ненасильственные методы действуют путем изменения взаимосвязей структур власти. Степень их воздействия никогда еще

не привлекала должного внимания. Ненасильственные методы обладают достаточным потенциалом как для противодействия силе оппозиционной группы, так и для достижения целей ненасильственной группы.

Эти методы разрешения конфликта проявляют свою силу способом, который значительно отличается от обычных представлений о конфликтах и борьбе, в частности, о том, что с насилием можно эффективно бороться только насилием. Ненасильственные методы намного сложнее, чем считалось ранее, и явно более разнообразны и многогранны, чем соответствующие методы политического насилия. Этот посыл справедлив хотя бы потому, что ненасильственная борьба способна поразить сами устои системы противника.

Нельзя найти два абсолютно идентичных случая использования ненасильственных методов. Они различаются по многим параметрам, включая влияние и давление, оказываемые ненасильственной группой, реакцию противника и характер конфликтной ситуации. Тем не менее, можно выделить основные характеристики, которые, вероятнее всего, будут типичны для решения конфликтов ненасильственными методами.

В одной и той же ненасильственной кампании одновременно действуют несколько взаимосвязанных сил и процессов, которые в большинстве случаев являются результатом значительного роста числа отказавшихся от сотрудничества и повиновения людей, упорства участников сопротивления перед лицом репрессий и возможного влияния третьей стороны. Психологические и моральные факторы, весьма важные в обычных военных действиях и партизанских войнах, приобретают еще большее значение в случае ненасильственной борьбы.

Ненасильственные методы можно рассматривать как действия, более эффективные при прямом или косвенном поражении противника по сравнению с насильственными методами. Насилие в его самых разнообразных формах направлено в основном на то, чтобы поражать и уничтожать как военные силы противника, так и его гражданское население. Насилие часто сопровождается большими материальными разрушениями. И ар-

мия, и способность проводить военные кампании являются порождением политической, социальной и экономической силы режима и зависят от более глубоких источников силы власти, чем, скажем, количество танков, винтовок или бомб. Именно поэтому попытки противостоять военной силе противника военными средствами можно рассматривать как борьбу с проявлением власти противника, а не как устранение ее устоев.

Ненасильственные действия, напротив, подрывают сами источники силы власти противника и, таким образом, действуют более прямо, чем политическое насилие. Каждый из источников силы власти противника, выделенный в предыдущей главе, прямо или косвенно зависит от повиновения самих исполнителей власти и бюрократического аппарата, всего населения и институтов общества. Отказ от сотрудничества и открытое неподчинение подрывают необходимые для противника повиновение и сотрудничество. Например, отрицание законности правительств устраняет сам повод для повиновения как со стороны управленческого аппарата, так и простого населения; широкое народное неповиновение создает множество новых проблем; массовые забастовки парализуют экономику; широкий отказ бюрократического аппарата от административного сотрудничества способен расстроить действия правительства; мятежи в полиции и в армии противника лишают последнего способности подавлять ненасильственное сопротивление.

Существует другой способ, которым ненасильственная борьба оказывает прямое воздействие на противника. Его действия могут быть направлены на сущность конфликта, а не на военные силы или географические объекты, зачастую только косвенно связанные с конфликтом. Например, если суть конфликта главным образом экономическая, тогда возможно применение таких акций, как бойкот и забастовка. В ответ на излишне длинный рабочий день рабочие могут попросту разойтись по домам в определенное время, как это делали во время русской революции 1905 года, борясь за восьмичасовой рабочий день. Эта борьба в большой степени зависит от того, как могут подобные экономические меры повлиять на противника, и от способно-

сти рабочих отказаться от экономического сотрудничества. Если же проблемы носят в основном политический характер, тогда более эффективными становятся политические действия. Например, когда капписты пытались захватить управление Веймарской республикой, гражданские служащие, бюрократический аппарат и правительства отдельных земель попросту отказались признать их законность и выполнять их приказы, что сыграло роковую роль в судьбе путча.

Говоря более конкретно, если цензура средств массовой информации является предметом разногласий, тогда можно применять непризнание цензурской правки. Публикации могут выпускаться без купюр, невзирая на предписанные законы, как открыто (если позволяют условия), так и тайно. Такие средства широко использовались во время русской революции 1905 года, в голландском антифашистском сопротивлении, в польской борьбе 1980-1989 годов за демократию и в палестинском сопротивлении израильской оккупации. Во время нацистской оккупации Дании в стране издавалось 538 нелегальных газет. В 1944 году их общий тираж был более 10 миллионов.

Ненасильственные методы можно также рассматривать как разрушающие власть противника более опосредованно, чем действия в случае применения насилия. Вместо того, чтобы сражаться с полицией, армией и другими военизированными силами противника, сторонники ненасильственного сопротивления борются с ними, не применяя ответного насилия. Их действия направлены на то, чтобы ослабить противника и в то же время помочь мобилизации растущих сил сопротивления и обеспечить им поддержку.

Например, не отвечая на репрессии ответным насилием, участники ненасильственного сопротивления могут продемонстрировать, что репрессии не в состоянии заставить население повиноваться или спровоцировать его на использование методов, к отражению которых противник хорошо подготовлен. До тех пор, пока продолжающееся сопротивление сохраняет ненасильственную дисциплину, оно может обладать определенными преимуществами. Контраст между репрессиями и ненасильствен-

ным сопротивлением способен отдалить тех, кто обычно поддерживал противника, и, следовательно, ослабить последнего. Число участников ненасильственного сопротивления может возрасти, и поддержка его целей тоже может значительно увеличиться. Все это может произойти, если на насилие противника не отвечать насилием. Такой процесс получил название “политического джиу-джитсу” и будет обсуждаться ниже в этой главе.

В подобных конфликтных ситуациях как относительная, так и абсолютная власть каждой из противоборствующих групп подвергается постоянным, а порой и весьма быстрым и важным изменениям. Так происходит потому, что степень поддержки, оказываемой каждой стороне, может значительно варьироваться, постоянно увеличивая или уменьшая доступность важнейших источников силы власти. Изменения могут оказаться более значительными и происходить гораздо быстрее, чем в ситуациях, когда обе стороны применяют насилие. В такой асимметричной конфликтной ситуации ненасильственная борьба непосредственно влияет на источники силы власти каждой из противоборствующих сторон. Ее влияние ощущается значительно быстрее, чем в конфликте с применением силы, которая косвенным образом влияет на эти источники.

Стратеги ненасилия должны извлекать выгоду из этих потенциальных внезапных изменений власти каждой из сторон. Для достижения этого сторонники ненасильственной борьбы должны искать способы воздействия на силу и надежность следующих трех факторов. Во-первых, они должны постоянно пытаться увеличить свой собственный потенциал, а также силу тех, кто их поддерживает.

Во-вторых, они способны упрочить свои позиции, если сумеют привлечь к активному участию более широкие группы, интересы которых задеты. В-третьих, природа ненасильственной борьбы дает возможность участникам сопротивления получить значительную поддержку как в лагере противника, так и у третьей стороны. Эта возможность уменьшается, если используются методы насилия, ибо неприменение насилия позволяет сторонним наблюдателям оценить сущность проблемы, независимо от их отношения к актам насилия. Более того, использо-

вание только ненасильственных методов обычно вызывает чувство к участникам сопротивления. Возможность заручиться поддержкой в лагере противника и у третьей стороны дает группам, использующим ненасильственные методы, возможность влиять, а иногда и косвенно регулировать силу власти противника, сокращая или ослабляя ее источники.

Обычно результаты подобных комплексных изменений в соотношении сил противоборствующих сторон способны определить конечный исход борьбы.

Важность стратегии

Если ненасильственная группа использует правильные методы и умело применяет стратегию и тактику, это оказывает большое влияние на изменения в расстановке сил и в значительной степени формирует сам курс борьбы. В ненасильственных действиях стратегия так же важна, как и в военных.

Задача стратегии - использование собственных ресурсов для достижения целей с максимальной выгодой и при минимуме затрат. Конкретные методы ненасильственных действий будут более эффективны, если их использовать в комплексе для осуществления общей стратегии или концепции достижения целей. Избранные стратегия и тактика, а также используемые методы помогут определить, какие источники силы власти могут подвергнуться воздействию и насколько они будут ослаблены.

Обычно выбор методов действий зависит от конкретных факторов. Как правило, для решения экономических проблем подходит экономическое воздействие; политическое несотрудничество и вмешательство - для решения политических проблем. Однако универсальной модели не существует. Иногда экономическое сопротивление может быть очень полезным в борьбе, причины которой в первую очередь политические. В любом случае необходима координация действий и тщательная разработка деталей общего плана.

Именно поэтому стратегам ненасилия необходимо продуманно и крайне внимательно планировать свою стратегию, при-

влекая доступные сведения о стратегических принципах и свои собственные знания о ненасильственной борьбе и конфликтных ситуациях. Общие концепции стратегии ненасильственной борьбы можно получить из других источников, тогда как четвертую главу данного исследования мы решили посвятить некоторым стратегическим принципам и вариантам общественной обороны.

Важность центров общественного влияния

Как уже отмечалось во второй главе, большое влияние на способность ведения ненасильственной борьбы оказывают независимые институты и группировки общества, которые могут осуществлять и поддерживать такие действия. Изучение проблемы подтвердило, что ненасильственная борьба приобретает гораздо большее влияние, когда ее возглавляют или поддерживают существующие общественные институты, такие, как профессиональные и религиозные организации, профсоюзы, политические партии и общественные организации, и когда ей содействуют региональные, культурные, национальные или родовые группировки, а также местные, областные и региональные правительства или их службы.

Центры общественного влияния могут также быть организованы менее формально, они могут возникать в процессе ненасильственной борьбы или непосредственно перед ее началом. Ими могут стать старые структуры, бездействовавшие в течение длительного времени, или такие, способность которых к независимым действиям и проявлению инициативы сильно ослаблена в результате целенаправленного воздействия жестко централизованной политической системы. Такие структуры можно возродить в процессе достижения определенной цели или в процессе сопротивления правителям и захватчикам. Именно поэтому вновь созданные центры общественного влияния, так же, как и возрожденные старые, могут играть значительную роль в стратегии ненасильственной борьбы.

Так происходило, как уже отмечалось выше, в 1774-1775 годах, в период, когда американское движение за независимость носило ненасильственный характер и когда были сформированы координационные комитеты и чрезвычайные областные правительства. Так, например, созданные в Род-Айленде местные правительства, городские комитеты и даже официальное правительство провинции стали основным орудием в борьбе против британского правления во время трех кампаний отказа от сотрудничества 1765-1775 годов.

В период первой стадии ненасильственных действий Венгерской революции 1956 года новое широкое и мощное движение рабочих советов получило распространение среди заводских рабочих, служащих и других групп населения. Это движение быстро приобрело политический характер, объединившись для формирования нового национального правительства, до тех пор, пока на второй, насильственной стадии революции, советские войска не разбили венгерскую армию.

Во многих других случаях подобную роль центров сопротивления сыграли давно уже существующие организации, такие, как спортивные клубы, учительские организации, а в Норвегии во время нацистской оккупации - официальная церковь. В сопротивлении путчу Каппа важную роль сыграли политические партии, профсоюзы, правительства земель и другие организации. Во время чехословацкого сопротивления 1968 года даже Коммунистическая партия на несколько недель стала орудием в борьбе против советских оккупантов. В польском движении за демократизацию 80-х годов важным органом борьбы был независимый профсоюз "Солидарность" и множество других вновь созданных организаций, включая студенческие и крестьянские группы (несмотря на военное положение, введенное после военного государственного переворота, эти органы, хотя и ослабленные, не были уничтожены). Эти и другие центры общественного влияния, такие, например, как подпольные издательства, использовались для продолжения и укрепления демократических тенденций в Польше в конце 80-х годов.

Проблемы противника

Вызов, брошенный с помощью ненасильственных действий, может быть едва заметным и лишь слегка поколебать существующий статус-кво. Однако в чрезвычайных обстоятельствах он способен даже уничтожить его. В любом случае будет привлечено внимание к существующему недовольству и оппозиции. Скрытый конфликт может перерасти в открытый, возможно, приведя к изначальной поляризации мнений.

Противник, столкнувшись с мощными ненасильственными действиями, может оказаться перед лицом серьезной угрозы. Сила вызова будет варьироваться в зависимости от таких факторов, как сущность и убедительность протеста; число его участников; характер действий; форма проявления отказа от повиновения и сотрудничества; способность участников сопротивления продолжать собственную политику ненасильственных действий и их отказ подчиняться несмотря на репрессии противника. Отчасти результат ненасильственных действий определяется социальной и политической средой, в которой происходит борьба. Эти основные условия включают степень неконформизма, которую может принимать система, не меняя своей природы; степень поддержки или враждебности режиму со стороны всех групп, возможности распространения несотрудничества и неповиновения; наконец - уровень до которого материальные, человеческие, моральные и общественные источники силы власти, необходимые для существования правительства либо помогают правительству нормально функционировать, либо прекращают свое существование.

Затруднения, которые доставляют противнику ненасильственные действия, являются следствием особой динамики и механизмов этого метода, который будет рассмотрен ниже. Эти трудности не зависят от того, что противник не ожидал применения ненасильственных действий или не знаком с этим методом. Например, знание противником методов ненасильственной борьбы само по себе не дает возможности победить. В войнах обе стороны используют свои знания о военных действиях для увеличения шансов на успех.

В ненасильственной борьбе противник, обладающий большими знаниями, может стать более искусственным в ответных мерах, менее жестоким и более гибким. Однако группа, использующая методы ненасильственной борьбы, также узнает методы более эффективной борьбы и способы наиболее эффективной нейтрализации контроля и опыта противника.

Чрезвычайно редко правительства и другие иерархические системы сталкиваются с такими крайностями, как полная поддержка или полное отсутствие поддержки. Вероятнее всего они получают частичную поддержку. Даже если режим окончательно развален в результате неповиновения, неподчинения и несотрудничества, он может довольно долго и эффективно продержаться на применении жестоких репрессий против участников ненасильственного сопротивления. Следовательно, необходимо изучить факторы, влияющие на успех ведения ненасильственных действий в условиях насилия, различные пути, способные привести к переменам, а также специфические факторы, которые определяют успех или провал этой кампании.

Предположение, что использование ненасильственной борьбы может оставить противника благодушным, неверно. Ему, скорее всего, не понравится вызов, брошенный его власти или политике, даже если этот вызов носит ненасильственный характер. Если такие действия представляют серьезную угрозу для осуществления контроля противника над страной и если он не намерен выполнять требования участников сопротивления, то ему придется предпринять ответные действия.

Репрессии

Методы ненасильственной борьбы разработаны для применения против таких противников, которые могут и хотят применять насильственные меры. И в самом деле, ненасильственная борьба велась против таких насильственных режимов, как нацистская Германия, против коммунистических режимов Польши, Восточной Германии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Ки-

тая, Югославии и Советского Союза, в Гватемале во время правления Хорхе Убико, в Эль-Сальвадоре при Максимилиано Эрнандесе Мартинесе, в Чили против Пиночета, против апартеида в Южной Африке и в Бирме при Не Вине и его преемниках. Такие режимы, столкнувшись с ненасильственным вызовом, вряд ли внезапно откажутся от насилия или будут последовательно его ограничивать.

Таким образом, наиболее вероятные ответные действия на серьезный ненасильственный вызов - это репрессии. Репрессии могут принимать такие формы, как цензура, ужесточение мер по отношению к средствам массовой информации, экономические санкции, аресты, заключение в тюрьму, призыв в армию, конфискация денежных фондов и собственности, массовые экзекуции, концентрационные лагеря, использование агентов-provokаторов, угрозы, избиения, расстрелы, пытки, введение военного положения, казни, репрессии по отношению к родным и близким. Количество и виды репрессий могут изменяться под воздействием различных факторов. Однако репрессии, применяемые против участников ненасильственной борьбы, могут быть более ограничены, чем те, которые используются для подавления вооруженного восстания или разгрома внешнего врага. Это происходит отнюдь не из-за «благородства», а в связи с тем, что жестокие насильственные меры могут оказать обратный эффект на режим, поставленный перед лицом ненасильственного вызова.

Большая вероятность применения насильственных мер является прямым доказательством того, что ненасильственные действия могут представлять реальную угрозу для существующего режима, что подтверждает их правомерность и эффективность. Использование противником насильственных методов не является причиной для отказа от ненасильственных действий, так же, как и военные действия врага - не причина для отказа от собственных военных действий.

Жестокость репрессий отчасти может явиться проявлением скрытой природы такой системы. Такое проявление, безусловно, может повлиять на ход ненасильственной борьбы.

Жестокие репрессии откровенно демонстрируют населению и третьей стороне насильственную природу системы и впоследствии могут лишить противника поддержки, вызывая сочувствие к участникам ненасильственного сопротивления.

Как говорилось в предыдущей главе, репрессии не обязательно приводят к повиновению. Для того, чтобы карательные меры противника были эффективными, они должны воздействовать на сознание людей, вызывая страх и желание подчиняться. Тем не менее, так же, как и на войне, существует вероятность того, что разработка планов и дисциплины, исключительная преданность и верность цели помогут борцам ненасильственного сопротивления настойчиво преодолевать опасность.

Многие примеры неопровержимо доказывают, что, несмотря на все ожидания, народ не подчиняется страху. Так же, как на фронте во время войны люди учились контролировать свой страх или вообще преодолевали его. Действия женщин на площади дель Майо в Буэнос-Айресе, которые вышли на демонстрацию с фотографиями своих «пропавших» мужей и детей - всего лишь один маленький пример проявления такого протеста перед лицом опасности. Джеральд Рейтлингер, один из первых исследователей Холокоста, приписывал спасение от истребления более 75% евреев Франции отказу французского народа подчиняться и выполнять приказы гестапо даже под угрозой террора. Он писал: «...Окончательное истребление... не удалось во Франции из-за чувства порядочности у обычных людей, которые, несмотря на опасность физического уничтожения, научились побеждать страх». Когда во время автобусного бойкота в Монтгомери (штат Алабама) представители официальных властей производили массовые аресты, а население взялось за оружие, решительность и бесстрашие местных афроамериканцев резко возросли. Мартин Лютер Кинг-младший писал: «Члены оппозиции... не осознавали того, что они имеют дело с неграми, которые свободны от страха. И поэтому любое действие, совершаемое противником, оказывалось ошибочным». В Галле (Восточная Германия) 17 июня 1953 года, несмотря на то, что русские тан-

ки патрулировали улицы города и Народная полиция давала предупредительные выстрелы в воздух, от шестидесяти до восьмидесяти тысяч человек собралось на массовый антиправительственный митинг на городской рыночной площади. В Маниле в феврале 1986 года массы мирных филиппинцев блокировали путь танкам, посланным для подавления взбунтовавшихся солдат и офицеров.

Боевая ненасильственная дисциплина

Столкнувшись с жестокими репрессиями, участники ненасильственного сопротивления, если они в состоянии, обязаны проявить настойчивость, не сдаваться и не отступить. Они должны быть готовы понести наказание, расценивая его как часть платы за победу. Вероятность применения репрессий и их жестокость варьируются, однако не они являются единственной угрозой ненасильственному сопротивлению. Существует другая опасность, обычно куда более серьезная в случае применения насилия обеими сторонами.

Ненасильственная дисциплина особенно нужна для сохранения стойкости и мужества даже перед лицом жестоких репрессий. Однако в подготовленных акциях ненасильственная дисциплина предполагает последовательное и строгое соблюдение избранной стратегии, тактики, методов действий и т.п.

В истории существует множество примеров, когда различные группировки боролись против жестокого насилия, используя как насильственные, так и ненасильственные методы, соблюдая при этом железную дисциплину. Среди таких примеров стойкая оборона Фермопил в 480 году до н.э. спартанскими воинами, которые боролись до последней капли крови против превосходящей их персидской армии, а также восстание евреев против нацистов в Варшавском гетто в 1944 году. Очень часто участники ненасильственного сопротивления преодолевали страх репрессий или даже смерти и продолжали организованную борьбу. К таким примерам относятся действия борцов за национальную независимость Индии, которые в 1930 году отказались от

менить рейд на соляной склад в Дхарасане, даже несмотря на угрозу намеченного британцами избиения. Сюда же можно отнести пример стойкости берлинских женщин, которые, несмотря на угрозу расстрела, не прекращали начатого ими протеста в защиту своих мужей-евреев.

В обстановке применения репрессий ненасильственные группы должны соблюдать ненасильственную дисциплину для того, чтобы добиться возрастающего контроля над противником, уменьшить случаи применения насилия и увеличить свои шансы на победу. Соблюдение ненасильственной дисциплины перед угрозой репрессий - это не акт этической неискренности. Напротив, это обязательное условие успеха и необходимая предпосылка для благоприятных перемен в расстановке сил. Ненасильственная дисциплина может быть ослаблена только в том случае, если она содействует поражению. Другие факторы, конечно, тоже очень важны, ибо одно лишь соблюдение дисциплины не гарантирует победы.

Столкнувшись с репрессиями и испытаниями, ненасильственная группа должна будет приложить усилия для укрепления нравственности, чувства солидарности и твердых намерений продолжать борьбу. Этому может помочь обучение ненасильственным действиям и поведению в стрессовых ситуациях. Участники ненасильственного движения могут также стать более дисциплинированными по мере понимания, что строгое применение ненасильственных методов может обеспечить им большое преимущество. Они могут познать из собственного опыта (или опыта других), что ненасильственный ответ на насилие способен сократить потери. Несмотря на то, что участники ненасильственного сопротивления и сочувствующие им могут быть ранены или убиты во время ненасильственной борьбы, число жертв среди них будет значительно меньше, чем в аналогичных движениях сопротивления, применяющих насилие, таких, как вооруженные восстания, партизанские войны и обычные военные конфликты. Знание всех этих факторов может помочь соблюдать необходимую дисциплину во время жестоких репрессий.

Противник предпочитает, чтобы участники сопротивления применяли насилие. Поскольку противник обычно лучше подготовлен к борьбе с насильственными действиями, он будет преднамеренно провоцировать участников сопротивления на насилие, ужесточая репрессии или используя шпионов и провокаторов. Например, в начале двадцатого века, борясь с ненасильственным движением финнов за независимость, российский генерал-губернатор договорился с “охранкой” (местный орган тайной полиции) и нанял *агентов-провокаторов* для совершения актов насилия против русских, а также для подстрекательства к такому насилию с финской стороны, чтобы тем самым оправдать жестокое подавление этого движения.

Если ненасильственная группа соблюдает дисциплину, продолжает сопротивление, несмотря на репрессии и подобные меры, а также организует массовое несотрудничество и неподчинение, вовлекая значительные слои населения, то воля противника в конце концов может быть сломлена.

Арест лидеров движения сопротивления может просто привести к тому, что движение будет развиваться без признанного руководства. Противник начнет вводить новые запреты только для того, чтобы выяснить, что попытки подавить сопротивление в какой-то момент сталкиваются с растущей ненасильственной борьбой на других фронтах. Он может обнаружить, что массовые репрессии вместо принуждения к сотрудничеству и повиновению постоянно встречают отпор. Не только сами репрессии могут оказаться не в состоянии подчинить непокорных граждан, но и учреждения, проводящие репрессии, могут в экстремальных ситуациях оказаться бессильными перед лицом массового неподчинения. Слишком много окажется несогласных с режимом и выступающих против него, чтобы контролировать их силами полиции и армией.

Несмотря на серьезность ситуации, причин для тревоги перед угрозой репрессий и жестокости нападающих не больше, чем для паники в военном лагере при появлении первых жертв. Необходимо мудро и продуманно управлять подобной ситуацией в процессе ненасильственной борьбы. Если станет ясно, что

противник только ожесточается или что участники сопротивления не способны терпеть тяжесть своего положения, может понадобиться смена тактики или методов ненасильственной борьбы. Тем не менее, есть основание верить, что жестокость является временной фазой, хоть и не всегда короткой. Жестокость жидется на страхе, гневе и ответном насилии. Если этих трех факторов нет и существует доказательство того, что и репрессии, и жестокость подрывают собственные позиции противника, он будет стараться ослабить насилие.

«Политическое джиу-джитсу»

Репрессии по отношению к ненасильственной группе, которая продолжает борьбу и соблюдает ненасильственную дисциплину, приводят в движение особый процесс «политического джиу-джитсу». Этот процесс выводит противника из политического равновесия, так как в этом случае его жестокие атаки не встречаются ни с насильственным сопротивлением, ни с капитуляцией.

Жестокость по отношению к ненасильственной группе гораздо труднее оправдать (и перед собственным народом, и перед всем миром), чем жестокость по отношению к повстанцам, применяющим акты насилия. Реакция режима на мировое общественное мнение или на точку зрения внутри страны может варьироваться, однако проблема все равно остается. Сведения об актах насилия могут в конце концов просочиться сквозь цензуру и стать общеизвестными, а жестокие репрессии могут не уменьшить, а усилить враждебность к режиму.

Репрессии, когда они сталкиваются с дисциплиной, солидарностью и упорством участников ненасильственного сопротивления, выставляют противника в самом худшем свете. По мере того, как жестокость по отношению к населению, придерживающемуся ненасильственных методов борьбы, растет, режим противника вызывает все больше презрения, а сочувствие и поддержка, оказываемые стороне, применяющей ненасильственные действия, возрастают. Население способно все боль-

ше отдаляться от враждебного режима и присоединяться к движению сопротивления, увеличивая таким образом число его участников и усиливая их решимость продолжать борьбу, несмотря на потери. Население, не принимающее непосредственного участия в конфликте, сможет усилить поддержку жертвам репрессий и выступить против жестоких мер и политики репрессивного режима. 17 ноября 1989 года чешская полиция жестоко разгромила на улицах Праги мирную демонстрацию, требовавшую свободных выборов и демократии. Это событие стало катализатором политической оппозиции жесткому коммунистическому режиму. Чехи и словаки превратили места главных сражений в «места поклонения», возвеличив пострадавших до статуса героев. Вслед за подобными полицейскими акциями сотни тысяч людей стали ежедневно выходить на демонстрации. Как сказал один студент, разгром мирной демонстрации стал «искрой, послужившей началом целого движения». В течение четырех недель сторонников жесткого прокоммунистического курса заставили уйти в отставку, и Коммунистическая партия лишилась большинства мест в правительстве.

Результаты, достигаемые с помощью внутреннего и международного общественного мнения, весьма различны, и нельзя рассчитывать, что они приведут к большим переменам. Тем не менее, общественное мнение может сыграть важную роль. Оно может объединиться в поддержку участников ненасильственного вызова и может иногда привести к оказанию существенного политического или экономического давления на режим.

В конце концов даже на сторонников противника, на агентов и солдат могут оказать отрицательное влияние жестокие меры, направленные против мирных жителей. Люди начнут сомневаться в правомерности политики своего правительства и в моральной стороне репрессий. Такая неудовлетворенность может перерасти в несогласие, а порой и в отказ от сотрудничества и повиновения, который впоследствии может привести к забастовкам и беспорядкам.

Итак, если репрессии вызывают увеличение числа участников ненасильственного сопротивления и усиливают непови-

новение, если они приводят к серьезной оппозиции среди сторонников режима, снижая тем самым способность противника бороться с неповиновением, то очевидно, что такие репрессии бьют рикошетом по противнику. Это и есть «политическое джиу-джитсу» в действии.

Многие элементы “политического джиу-джитсу” применялись в весьма разнообразных ситуациях. Избиение сотен участников ненасильственного шествия с петицией к Зимнему дворцу в Санкт-Петербурге в январе 1905 года превратило прежде лояльно настроенные массы в убежденных революционеров, вызвав революцию, продолжавшуюся по всей Российской империи в течение целого года. Убийство сотен мирных демонстрантов русскими войсками в феврале 1917 года явилось главным фактором в широком распространении бунтов и случаев дезертирства среди солдат царской армии, сделав невозможным защиту имперского строя от Февральской революции, которая свершилась в основном мирным путем. Суровые репрессии в Руре в 1923 году не только обеспечили немцам международную поддержку, но и вызвали оппозицию к этой политике в самой Франции. Жестокость британских репрессий против сторонников ненасильственной борьбы за национальную независимость Индии в 1920-х и особенно в 1930-х годах вызвала рост оппозиции в Великобритании и способствовала росту поддержки движения за независимость Индии. Кровавая Шарпервильская расправа в Южной Африке в 1960 году вызвала массовые международные протесты, бойкоты и эмбарго. Жестокое подавление в 1963 году мирного движения буддистов, выступавших против режима Нго Динь Зьема, послужило причиной того, что Соединенные Штаты отказали в помощи правительству, которому эта помощь предоставлялась из года в год. Избиения, убийства, бомбежки и другие подобные меры, применяемые против участников демонстраций за гражданские права в Соединенных Штатах в 1950-х и 1960-х годах в Монтгомери, Атланте, Бирмингеме и различных районах Миссисипи, обернулись ростом протестов и широкой поддержкой в США и за рубежом политики прекращения репрессий и сегрегации. Кровавая расправа над сотнями, если не тысячами китайцев на площади Тяньаньмынь в Пекине и других районах

Китая 4 июня 1989 года (и в последующие дни) еще более подрывала авторитет коммунистического режима и подняла волну протеста в Китае и во всем мире. Последствия этой кровавой бойни еще ждут своих исследователей.

Четыре механизма изменения существующей ситуации

Несмотря на различие случаев ненасильственных действий, можно выделить четыре общих «механизма» изменений, приводящих их в действие. Ими являются: социальная конверсия, приспособление, ненасильственное принуждение и дезинтеграция.

Социальная конверсия

Используя социальную конверсию, противник в результате действий ненасильственной группы принимает новую для него точку зрения и цели этой группы. Подобные изменения в поведении противника могут быть вызваны его размышлениями, аргументацией, хотя и сомнительно, что такие интеллектуальные усилия сами по себе приводят к социальной конверсии. Скорее всего, такая конверсия затрагивает также эмоции, убеждения и моральные ценности противника. Группа, использующая методы ненасильственной борьбы, может сознательно стремиться «обратить» противника, так что он в конце концов не только формально принимает цели членов этой группы, но и делает это сознательно и добровольно.

В попытках «обращения» противника страдания, которые испытывают участники ненасильственной борьбы, могут сыграть важнейшую роль в эмоциональном воздействии на него. Процесс социальной конверсии затрудняется отчасти из-за того, что существует целый ряд преград для верного понимания ситуации. К таким преградам относится феномен «социальной дистанции», т.е. неспособность признать членов другой социальной группы равными себе людьми, достойными сочувствия и уважения. Поэтому процессы преодоления «социальной дистанции» и «обращения» противника, если это вообще возможно, могут быть весьма продолжительными.

Один из таких случаев произошел в Викоме (Южная Индия) в 1924-1925 годах. Странники Ганди хотели добиться для секты «неприкасаемых» права пользоваться дорогой, проходящей мимо ортодоксального брахманского храма. Группа реформаторов Индии из высшей касты попыталась сначала просто пройти с «неприкасаемыми» по улице и остановиться перед храмом. Ортодоксальные индусы жестоко расправились с участниками демонстрации, а некоторые демонстранты были арестованы полицией махараджи и брошены в тюрьму сроком на год. Со всех концов Индии прибывали добровольцы для поддержки «неприкасаемых». Они продолжали стоячую забастовку на дороге перед полицейскими заграждениями, стояли и молились, сменяя друг друга знойным летом и в сезон дождей, часто по пояс в воде, в то время, как полиция патрулировала на лодках. В конце концов, по приказу правительства махараджи заграждения были разобраны, но демонстранты отказались сдвинуться с места до тех пор, пока ортодоксальные индусы не уступят их требованиям и не изменят свои убеждения. Наконец через 16 месяцев местный брахман сказал: «Мы не можем больше противиться молитвам, которые были сотворены для нас, и мы готовы признать “неприкасаемых”». Этот случай получил большой резонанс во всей Индии.

Однако “Викомское бодрствование” - далеко не типичный пример ненасильственных действий. По многим причинам попытки повлиять на оппонентов с помощью социальной конверсии иногда оказываются неэффективными. К тому же некоторые стратеги ненасилия могут отвергать социальную конверсию как нежелательный, ненужный или невозможный метод. Они будут добиваться изменений с помощью других методов - приспособления, ненасильственного принуждения или даже дезинтеграции. В большинстве случаев к хорошим результатам приводит использование сочетания элементов всех четырех механизмов, ни один из которых не достигает полного завершения. Чтобы стать наиболее успешными, ненасильственные действия должны включать продуманную и осознанную комбинацию этих элементов. Например, попытки “обратить” некоторых членов оппозиции могут сопровождаться приспособлением, а

успешные попытки “обратить” солдат противника могут привести к ненасильственному принуждению.

Приспособление

Приспособление - это промежуточное звено между социальной конверсией и ненасильственным принуждением. Противника не “обращают” и не принуждают, однако на его решение пойти на уступки, безусловно, воздействуют элементы обоих механизмов. Возможно, это наиболее общий метод, применяемый в кампании ненасильственной борьбы. Под его воздействием противник принимает все или отдельные требования, по существу не меняя своего отношения к происходящему.

В отличие от социальной конверсии механизм приспособления (так же, как и ненасильственное принуждение и дезинтеграция) приводит к успеху в результате последовательных ненасильственных действий, которые способны изменить социальную, экономическую или политическую ситуацию, однако не затрагивают идеологии лидеров противника. Впрочем, основные взаимосвязи структур власти изменяются настолько, что меняется вся картина.

Механизм приспособления начинает действовать в то время, когда противник все еще имеет возможность выбора - пойти ему на уступки или нет. Противник может согласиться на приспособление, чтобы уменьшить противоречия и оппозицию внутри собственного лагеря. В экономической борьбе приспособление может явиться результатом усилий, направленных на уменьшение потерь, особенно в результате забастовок и экономических бойкотов. Кроме того, противник может добровольно приспособиться к требованиям, если он предвидит рост и укрепление ненасильственного движения. Конкретные проблемы в конце концов иногда оказываются менее важными, чем возможные последствия затянувшейся борьбы, способной показать массам их силу. Такие последствия могут иметь долговременное воздействие на общественную структуру и политические процессы общества. Сохраняющая престиж формулировка может весьма пригодиться в соглашении, принятом в результате при-

способления противника, который не хочет показать свою капитуляцию перед сопротивлением.

Механизм приспособления действует при урегулировании многих проблем, возникающих при ненасильственных действиях. Наиболее очевидна его роль в урегулировании рабочих забастовок, в которых (практически всегда) конечное решение проблемы лежит где-то на “золотой середине” по сравнению с первоначальными позициями работодателей и профсоюзов. Иногда механизм приспособления применяется и в крупных международных конфликтах. Независимость Индии в 1947 году была достигнута не только как прямое следствие конкретной мирной кампании, но и в результате вовлечения важнейших элементов механизма приспособления, частично использовавшихся в борьбе предыдущих десятилетий. Приспособление явилось результатом осознания того факта, что независимость Индии является законным требованием и что будет исключительно трудно, если вообще возможно, сохранить Индию под британским правлением даже при помощи вооруженных сил Британии, а экономические выгоды, получаемые Британией от Индии, теряют всякий смысл из-за бойкотов и дорогостоящего содержания колониального аппарата управления и подавления.

Во многих случаях невозможно добиться ни «обращения», ни приспособления, так как противник не желает выполнять никаких требований участников ненасильственного сопротивления. Тогда в ход пускается третий механизм - ненасильственное принуждение, могущее привести к успеху вопреки желанию противника.

Принуждение

“Принуждение” в данном контексте необходимо понимать в более узком, чем обычно, смысле слова. Принуждение не означает здесь подчинения вследствие угроз или использования превосходящей силы. Напротив, принуждение в нашем случае означает стимуляцию или блокирование изменений против воли противника, лишенного способности действовать эффективно, хотя все еще сохраняющего значительную силу, чтобы удержи-

вать свои позиции или даже уступать требованиям участников сопротивления. Одним словом, «ненасильственное принуждение» как механизм ненасильственных действий применяется в ситуации, когда цели достигаются вопреки воле противника, хотя дезинтеграции системы противника в целом и не происходит.

Ненасильственные действия становятся принудительными, когда участники ненасильственного сопротивления прямо или опосредованно добиваются того, что отнимают у противника необходимые источники силы его политической власти - авторитет, человеческие ресурсы, знания и компетентность, материальные и нематериальные ресурсы, а также способность применять санкции.

Ненасильственного принуждения можно добиться в тех случаях, когда воля противника заблокирована в результате одного из трех следующих факторов. Первое - вызов может стать столь масштабным и массовым, что его нельзя будет контролировать с помощью репрессий. Изменения в статусе-кво могут быть произведены или заблокированы массовыми действиями таким образом, что согласие или молчаливая уступка противника уже не имеют значения. Второе - система может оказаться парализованной сопротивлением. Отказ от сотрудничества способен сделать невозможным нормальное функционирование социальной, экономической и политической системы до тех пор, пока требования участников сопротивления не будут удовлетворены и они смогут вернуться к своим обычным обязанностям. Третье - даже способность противника применять репрессии может быть подорвана, а иногда и уничтожена. Так происходит в случаях, когда армия и полиция не подчиняются приказам, бюрократический аппарат отказывается от сотрудничества, а население перестает поддерживать власти. При наличии любого из этих факторов или же в любой их комбинации противник может оказаться неспособным защитить свою политику или систему ценностей перед фактом серьезных и распространяющихся ненасильственных действий, даже при учете неизменности его целей. Вероятность провала усилий противника обычно прямо пропорциональна степени несотрудничества и выраженного протеста.

Блокирование воли противника в результате массового сопротивления населения и паралич системы происходят чаще, чем потеря способности противника применять репрессии. Однако подобную модель при определенных обстоятельствах можно заменить. В случае ненасильственного принуждения действия без применения насилия так изменяют общественную и политическую ситуацию, что противник не сможет в дальнейшем применять силу, пользуясь методами, противоречащими воле ненасильственной группы.

В некоторых весьма успешных рабочих забастовках работодателям пришлось уступить практически всем требованиям профсоюзов (в последние десятилетия даже признавая за этими организациями право на участие в переговорах), так как у них не было другого выхода. 17 октября 1905 года русский царь Николай II вопреки собственным убеждениям издал конституционный манифест, разрешающий Государственную думу (парламент). По-видимому, у него не было другого выбора, хотя он все еще оставался царем. Всеобщая стачка в России в октябре 1905 года была настолько массовой и эффективной, что правительство оказалось не в состоянии управлять страной, охваченной, по словам очевидцев, «каким-то странным параличом». Отставки президентских постов весной 1944 года генерала Эрнандеса Мартинеса в Сальвадоре и генерала Убико в Гватемале в результате массовых экономических санкций и политического несотрудничества явились случаями политического принуждения. Они произошли даже до того, как распались административная, политическая и экономическая системы, поддерживающие эти режимы.

Дезинтеграция

Когда источники силы власти практически выходят из-под контроля противника, он не просто будет вынужден начать перемены - его система правления может быть фактически разрушена. Такой механизм ненасильственных изменений действует путем полного упразднения источников силы власти, так что система правления противника попросту распадается. Остаются

лишь отдельные сторонники или очень небольшие, в большинстве своем бессильные группировки. В этом случае принцип принуждения не применяется, так как больше не существует сил, на которые необходимо воздействовать принуждением. Население все чаще отвергает право противника как на власть, так и на его руководящую роль и контроль. Практически никто не хочет поддерживать правившую ранее группу. А значит, стоящие у власти отдельные лица и группировки больше не обладают специальными знаниями и экономическими ресурсами, которые в прошлом давали им возможность функционировать. К тому же полиция и армия начинают поднимать мятежи против своих бывших руководителей или распадаются, так что организованная система подавления перестает существовать. Механизм дезинтеграции является наиболее жестким способом упразднения источников силы власти.

В результате массового отказа от сотрудничества во время Февральской революции 1917 года в России, когда царь Николай II отрекся от престола, Георгий Катков, военный комендант Петрограда, не знал, какой власти подчиняться, и заключил, что правительство империи только что распалось и перестало существовать. Две попытки захвата власти - путч Каппа в 1920 году и переворот 1961 года, совершенный французскими генералами в Алжире, не увенчались успехом в результате сокращения, а затем и потери необходимой поддержки.

Когда дезинтеграция режима противника происходит при отсутствии альтернативного законного правительства, начинают возникать другие правительственные институты. Иногда появляется параллельное правительство, ранее рассматривавшееся в этой главе. Если оно уже создано или законное правительство, существовавшее до переворота или вторжения, уцелело в какой угодно форме, оно способно в результате дезинтеграции противника поднять свой авторитет и влияние или консолидировать свою власть. Такой период требует бдительности от участников сопротивления, так как ранее не проявлявшие активности военные или политические группировки могут попытаться захватить управление государственным аппаратом для установления

новой диктатуры вместо содействия развитию или восстановлению демократической системы.

Факторы, влияющие на механизмы принуждения и дезинтеграции

Многие факторы могут вызывать ненасильственное принуждение или дезинтеграцию. Воздействию способны подвергаться различные источники силы власти, однако степень их ослабления может варьироваться. Именно поэтому существуют различные модели действий, вызывающих ненасильственное принуждение или дезинтеграцию, - широкое неповиновение, экономический или политический паралич системы или мятеж. Результаты определяются всеми или некоторыми нижеприведенными факторами:

- числом участников ненасильственного сопротивления по отношению ко всему населению;
- степенью зависимости противника от участников ненасильственного сопротивления применительно к источникам силы власти;
- умением участников сопротивления применять ненасильственные методы, включая выбор стратегии, тактики, путей и возможностей их применения;
- временем, в течение которого может продолжаться отказ от сотрудничества и неповиновение;
- уровнем поддержки и сочувствия к участникам ненасильственного сопротивления у третьей стороны;
- средствами контроля, доступными противнику и используемыми для достижения согласия и принуждения к возобновлению сотрудничества, а также реакцией участников сопротивления на эти меры;
- степенью, с которой население, администрация и исполнительные органы противника поддерживают его или отказываются от поддержки, и действиями, которые они могут предпринять для сокращения своей помощи и для поддержки участников ненасильственного сопротивления;

- оценкой противником возможного будущего курса ненасильственной борьбы.

Устранение источников силы власти

Конкретные методы, используемые для выведения из строя источников силы власти, варьируются от случая к случаю. Различия также зависят и от того, *кто* разрушает данные источники. Ими могут быть ненасильственные группы, третьи стороны, потерявшие веру члены группировки противника или комбинация и тех и других. Многообразие ненасильственных методов делает необходимым тщательный анализ видов стратегии, применявшихся в прошлых конфликтах и полезных для будущей борьбы.

Авторитет

Ненасильственный вызов, брошенный противнику, ясно показывает, насколько подорван его авторитет. Ненасильственная борьба может содействовать отдалению от противника многих его сторонников. Иногда происходит явная перестановка сил, когда сторонники противника начинают переходить на сторону соперника.

Отрицание законности власти узурпаторов и иностранных агрессоров является ключевым моментом в предотвращении установления правительства угнетателей. Это наглядно продемонстрировано во всех четырех случаях, описанных в первой главе, однако особенно явно это проявилось во время путча Каппа и государственного переворота французских генералов в Алжире. Настойчивый отказ подтвердить законность захвата власти обрек узурпаторов на поражение.

Другой пример - в 1943 году Голландская реформатская церковь и Католическая церковь в Нидерландах убеждали своих прихожан начать гражданское неповиновение и отказаться от сотрудничества с нацистскими оккупационными властями, считая это религиозным долгом. Подобная акция голландских конфессий ослабила авторитет оккупационных властей и легализовала отказ от сотрудничества и неповиновение.

Человеческие ресурсы

Широкомасштабные ненасильственные действия могут также сократить или ослабить человеческие ресурсы, необходимые для поддержки политической власти противника, если массы, поддерживающие и формирующие систему, прекращают повиноваться и отказываются от сотрудничества. Экономическая и политическая системы действуют благодаря усилиям многих индивидов, организаций и подгрупп. Принцип всеобщей забастовки, следовательно, может быть применим как к экономической, так и к политической системе. В случае иностранной оккупации в ненасильственные действия вовлекаются две различные группы населения. Хотя сокращение человеческих ресурсов как на оккупированной территории, так и в стране противника может быть широкомасштабным, при наличии конкретных благоприятных условий только отказ населения от сотрудничества на оккупированной территории способен оказаться эффективным.

Рост числа отказывающихся от сотрудничества и повиновения членов группировок, чьи интересы затронуты в конфликте, ставит перед противником серьезные проблемы. Традиционные сторонники противника иногда тоже способны прекратить поддержку, тем самым еще больше ослабляя его потенциал.

Потеря человеческих ресурсов сказывается и на других необходимых источниках силы власти (навыки, знания и материальные ресурсы). В этом случае противнику требуется больше сил как раз в то время, когда его способность подавлять значительно ослаблена. Если сопротивление растет, а силы противника ослабевают, то режим в конце концов становится бессильным. Такая ситуация в сравнительно небольшой степени наблюдалась в находившихся под британским командованием войсках в северо-западной пограничной провинции Британской Индии в апреле 1930 года во время кампании гражданского неповиновения 1930-1931 годов. 23 апреля 1930 года в Пешаваре как минимум 30 (а, возможно, и 125) участников сопротивления были убиты. После этого два взвода королевских стрелков, присланные в Пешавар, отказались выполнять приказы, мотивируя отказ тем, что в их обязанности не входит

убийство «безоружных». В ночь на 24 апреля британцы вывели свои войска из Пешавара, временно покинув город, который затем находился под управлением местного комитета Индийского национального конгресса, до тех пор, пока 4 мая при поддержке авиации англичане не восстановили свое правление.

Другими примерами лишения противника человеческих ресурсов являются уход 29 филиппинских операторов компьютеров, отказавшихся содействовать фальсифицированным выборам, и «забастовка» большей части филиппинской армии, которая попросту отказалась применять репрессии и оставалась в казармах, не повинаясь приказам правительства Маркоса и не начиная гражданской войны.

Во время нацистской оккупации в декабре 1940 года Верховный суд Норвегии в полном составе подал в отставку в знак протеста против заявления рейхскомиссара Тербовена, что суд не имеет права объявлять оккупационные “законы” Германии неконституционными. В 1942 году фашистское правительство норвежского «премьер-министра» Видкуна Квислинга приказало создать контролируемые диктатурой учительские организации с принудительным членством. Они должны были стать моделью для других «корпораций», которые предполагалось утвердить позже, а также инструментом пропагандистской обработки учеников. Учителя, однако, полностью отказались от всякого сотрудничества с новой организацией. Сотни людей были арестованы и отправлены в концентрационные лагеря. Родители учеников опротестовали действия правительства, а оставшиеся на свободе учителя не поддались угрозам. Через восемь месяцев учителей освободили. Идея Квислинга создать в Норвегии «корпоративное государство» никогда не претворилась в жизнь. Фашистская учительская организация оказалась мертворожденной, а школы никогда не служили фашистской пропаганде.

Навыки и знания

Отдельные лица или группировки, включающие администраторов, официальных лиц, технический персонал и консультантов, обладают специальными навыками или знаниями ис-

ключительной важности. Их отказ от содействия ослабляет власть правителей. Именно поэтому, помимо открытого отказа от сотрудничества, даже ограничение сотрудничества может оказаться важным средством борьбы.

Во время путча Каппа в 1920 году д-р Капп объявил, что необходимо создать правительство профессионалов. А когда квалифицированные специалисты фактически единодушно отказались войти в его «кабинет», Капп, отвергнутый потенциальными компетентными помощниками, был лишен тех знаний, которыми они обладали. Сотрудники военного ведомства отказались выполнять приказы. Служащие Рейхсбанка не стали содействовать Каппу в изъятии 10 миллионов марок, ссылаясь на отсутствие заверенной подписи. (Все его заместители отказались подписать документ, а подпись самого Каппа сочли недействительной.) Ни один из уважающих себя политиков не поддержал Каппа. Берлинская полиция госбезопасности изменила свою первоначальную позицию поддержки и потребовала отставки Каппа, а многие гражданские служащие прекратили сотрудничество с ним. Капп не смог найти даже секретаря или машинистку (все они спрятались), чтобы напечатать первое сообщение, которое так и не появилось на следующий день в газетах. Подобное открытое административное несотрудничество в сочетании с массовой всеобщей забастовкой заставило каппистов признать свое поражение и покинуть Берлин.

Нематериальные факторы

Широкая ненасильственная деятельность может также воздействовать на привычку к повиновению и лояльности к властям.

Восстание 16-17 июня 1953 года в Восточной Германии явилось собой возмутившую коммунистов и их сторонников картину протеста рабочих, публично выступающих на улицах с обличениями так называемого рабочего государства. Крушение модели автоматической поддержки и подчинения способствует росту сомнений в необходимости повиновения у остальной части населения. Постепенная эрозия веры в коммунистическую идею

ологию и ее предполагаемые благородные цели возросла вследствие применения военных и правительственных мер подавления в таких странах, как Восточная Германия, Чехословакия, Венгрия и Польша. Подобные репрессии не только привели многих коммунистов и их сторонников в этих странах к потере веры в коммунистическую идеологию, но также вызвали широкое недовольство и разочарование со стороны иностранных коммунистических партий, например, компартии Италии, и послужили причиной массового выхода из рядов коммунистической партии в различных странах.

В других ситуациях, таких, как в Венгрии в 1956 году, массовая покорность системе, существовавшая годами, была поколеблена, как только миллионы людей осознали, что на самом деле большая часть населения ненавидит режим. Первые незначительные акты протеста ускорили это осознание и явили собой первую основную ненасильственную фазу венгерской революции. В 1989 году в Восточной Германии и Чехословакии значительно возросло разложение идеологии, а желание населения повиноваться существенно ослабло, так что коммунистические режимы в этих странах вынуждены были пойти на фундаментальные политические изменения. В Чехословакии Коммунистическая партия вынуждена была даже отказаться от президентского поста.

Нередко в ходе ненасильственного движения главные выразители принятых моральных, религиозных и политических идей общества становятся лидерами движения, разоблачающего репрессивную систему, и призывают население к сопротивлению, изменению или разрушению ее.

Материальные ресурсы

Ненасильственные действия могут сократить или уничтожить запасы материальных ресурсов противника. 61 из 198 известных методов ненасильственных действий включает экономические бойкоты или рабочие забастовки (или их комбинации) как в местном, так и в международном масштабе. Они предназначены для того, чтобы рассредоточить, сократить или уничто-

жить доступность материальных ресурсов, транспорта, полезных ископаемых, средств связи и даже, в экстремальных ситуациях, уничтожить саму способность к функционированию экономической системы противника.

В широкомасштабных ненасильственных выступлениях, причиной которых были в основном политические проблемы, часто применялись экономические формы несотрудничества. Примерами могут служить кампания несотрудничества американских колонистов против британского правления в 1765-1775 годах и движение несотрудничества в Индии против англичан в 20-х и 30-х годах XX в. Обе кампании оказали огромное влияние на экономическую и политическую ситуации в Великобритании и вызвали массовое движение в поддержку колоний.

Хотя в последние десятилетия велось много споров относительно эффективности международных экономических санкций, явственно видно, что во многих конкретных случаях эти санкции были плохо продуманы и фактически не подготовлены. Впрочем, как показало эмбарго на арабскую нефть в 1973 году, такие санкции могут быть весьма эффективны для стимулирования перемен в политике правительства (в данном конкретном случае, многие страны изменили свою политику по отношению к Ближнему Востоку).

В национальном масштабе массовые рабочие забастовки как политического, так и экономического характера имели порой большое политическое значение. Правительство, характер или политический курс которого вызывают парализующие экономику забастовки, скорее всего, оказывалось непопулярным и вряд ли долговечным. Хотя и не все забастовки приводят к успеху, временами они оказываются весьма действенным инструментом. Сопrotивление путчу Каппа в марте 1920 года включало в себя «величайшую из виденных миром забастовок». Она произошла несмотря на то, что Капп объявил пикетирование преступлением, карающимся смертной казнью. Роль забастовок в других конкретных ситуациях уже обсуждалась ранее.

Нацисты рассматривали массовое несотрудничество в форме всеобщей забастовки как наиболее грозное оружие, особен-

но в период их попыток консолидировать управление государством. После поджога Рейхстага (здания Парламента) 27 февраля 1933 года (возможно, инсценированного самими нацистами, чтобы применить карательные меры к своим противникам и добиться полного контроля над государством) нацисты 1 марта выпустили указ, который предусматривал наказание за «подстрекательство к военному конфликту с государством» и за «подстрекательство к всеобщей забастовке». Деларю в своем исследовании «Гестапо» подчеркивал, что в тот период «нацисты больше всего боялись всеобщей забастовки».

Забастовки, даже всеобщие, не являются инструментом, шаблонно используемым в любом случае, особенно в кризисных для обороны ситуациях. Необходимо тщательно продумать целевую направленность забастовок, способность населения проводить их и изыскивать средства для поддержки общества в ходе экономической борьбы.

И забастовки, и экономические бойкоты демонстрируют способность ненасильственных действий ослаблять и разрушать другой основной источник силы власти существующих или предполагаемых правителей - экономические ресурсы. Если участники сопротивления контролируют экономику, включая транспорт, средства массовой информации и т. п., то положение любого правительства становится уязвимым. Это особенно справедливо по отношению к новоявленным диктаторам или иностранным агрессорам на ранних стадиях их попыток установления политического контроля над обществом. Если одна из их ключевых целей - экономическая эксплуатация общества, тогда понятно, что они испытывают двойные затруднения.

Карательные меры

Ненасильственные действия могут при случае оказать отрицательное влияние даже на способность противника применять карательные меры. Снабжение армии и полиции вооружением может пострадать из-за отказа других стран продавать его, а также в результате забастовок на военных заводах и транспорте. В некоторых случаях численность карательных органов -

полиции и армии - может существенно сократиться, так как уменьшается число добровольцев, желающих служить в вооруженных силах, а потенциальные призывники отказываются от службы. Полиция и армия могут неэффективно выполнять приказы или полностью отказаться от их выполнения, то есть поднять мятеж, что может привести к ненасильственному принуждению противника или дезинтеграции всей системы правления.

Мятежи и ненадежность армии во время подавления по преимуществу ненасильственных русских революций - 1905 г. и Февральской 1917 г. явились весьма существенным фактором для ослабления и окончательного падения царского режима. Нацисты осознавали, что, потеряв контроль над армией, они значительно ослабят свою власть. Геббельс признавал, что в начале февраля 1938 года нацисты больше всего боялись не государственного переворота, а коллективного ухода в отставку всего высшего военного командного состава.

В ходе восстания 1953 года в Восточной Германии полиция несколько раз добровольно сдавала оружие, а отдельные части восточногерманской армии присоединились к мятежу. Даже некоторые советские солдаты сочувствовали восставшим, о чем свидетельствуют сообщения об отказе тысячи советских солдат и офицеров стрелять в демонстрантов и о расстреле за неповиновение 52 солдат, членов Коммунистической партии, после провала восстания. Сообщение о том, что спустя всего несколько дней после вторжения в Чехословакию в 1968 году Советы вынуждены были заменить все действующие военные подразделения, также демонстрирует способность ненасильственных действий влиять на лояльность войск противника и, следовательно, на их способность применять карательные меры. Этот мощный потенциал, развитый и усиленный, может быть чрезвычайно полезным в предстоящих схватках против узурпации и агрессии.

Провал или успех?

Нет такого вида борьбы или действий, который бы всегда гарантировал быстрый успех. Это особенно справедливо в тех

случаях, когда плохо продуманы способы использования средств борьбы, условия их применения и тщательность соблюдения требований к их эффективности.

Случаи импровизированной ненасильственной борьбы прошлых лет варьировались в зависимости от степени успеха или неудачи в достижении поставленных целей. Они также различались по тому, насколько, казалось бы, не принесшие успеха конфликты впоследствии помогали достижению целей ненасильственной борьбы.

Перечень таких случаев включает значительно больше ситуаций, завершившихся полным или частичным успехом, чем это обычно признается. К удачным можно отнести малые или большие кампании, в которых ненасильственная борьба была единственным и преобладающим методом. К успешным случаям относятся достижения де-факто независимости большинством американских колоний еще до начала Войны за независимость; падение царского режима в Российской империи в феврале 1917 года; разгром путча Каппа и сохранение Веймарской республики в 1920 году; спасение 1500 мужей еврейскими женщинами в Берлине в 1943 году; непринятие норвежскими учителями и всем населением фашистского контроля над школами в 1942 году; смещение диктаторов в Сальвадоре и Гватемале в 1944 году; разгром военного переворота в Боливии в 1978 году; поражение путча французских генералов в Алжире в 1961 году; смещение военных диктаторов в Судане в 1964 и 1985 годах; отмена военного режима и возврат к конституционной демократии в Таиланде в 1973 году; провал фальсифицированных выборов и отставка президента Маркоса на Филиппинах в 1986 году; легализация профсоюза «Солидарность», восстановление относительно свободных выборов и избрание премьер-министром лидера движения «Солидарность» в 1989 году; внезапная демократизация в конце 1989 года в Восточной Германии, Болгарии и Чехословакии. Можно вспомнить множество других случаев, которые сыграли важную роль в процессе утверждения контроля населения над правителями.

Не являясь единственным фактором, ненасильственная борьба, тем не менее, сыграла заметную роль в ряде других су-

ществленных перемен во внутренних и международных ситуациях. Сюда входит расширение религиозных свобод в Британии и Массачусетсе в XVII и XVIII веках; борьба против рабства в Соединенных Штатах до начала гражданской войны; повсеместное признание рабочих профсоюзов и улучшение оплаты и условий труда, завоевание всеобщего избирательного права, особенно в Швеции и Бельгии на рубеже веков; обеспечение избирательных прав женщин в Соединенных Штатах и Великобритании; сохранение жизни многим евреям в период Холокоста («Катастрофы») во время Второй мировой войны, особенно в Болгарии, Дании, Норвегии, Бельгии и Франции; отмена узаконенной расовой сегрегации в Соединенных Штатах; завоевание независимости в Индии, Пакистане и Гане; получение права на эмиграцию советскими евреями в 1970-х годах; движение за создание более «цивилизованного» правительства в Бразилии в 1970 и 1980 годах; влияние населения африканского происхождения на экономический рост в Южной Африке путем забастовок, учреждения африканских профсоюзов и проведения экономических бойкотов в 70-х и 80-х годах XX века.

Слово «успех» в данном контексте используется для обозначения того, что существенные цели были достигнуты одной из сторон, участвующих в конфликте, независимо от способности наносить противнику урон в живой силе и материальных ресурсах. «Провал» же обозначает состояние, когда основные цели не были достигнуты. Как и в других видах конфликтов, и тут, естественно, могут произойти частичные удачи или неудачи.

Кроме оценки фактора успеха и провала в достижении целей, необходимо обратить внимание еще на два важных момента. Во-первых, подъемы и спады абсолютной и относительной власти соперничающих групп, а во-вторых, изменения в степени влияния каждой группы и симпатий к ней и ее целям. В будущем эти факторы могут сыграть положительную роль в урегулировании нерешенных проблем, что может привести, однако, не обязательно приведет к реализации первоначальных целей на ранней стадии ненасильственной борьбы. Провал ненасильственных действий может быть вызван рядом причин

- слабостью группировки, использующей данные методы; невыполнением ею важных требований, необходимых для эффективных действий; использованием методов, препятствующих достижению успеха; капитуляцией или обращением к насилию перед угрозой репрессий, а также пренебрежением разработкой и применением эффективной стратегии и тактики. Все эти факторы подобны тем, которые приводят к поражению военных операций, за исключением того, что в случае ненасильственной борьбы превосходящая военная мощь противника не так уж существенна.

Если группа, ведущая ненасильственную борьбу, не обладает достаточной внутренней силой, твердостью убеждений, способностями и соответствующими качествами для того, чтобы сделать свою деятельность эффективной, то ее не спасет повторение фраз и слов вроде «ненасилие». Подлинную силу и способность применять ненасильственные действия не заменить ничем. Если группа, применяющая методы ненасильственной борьбы, не обладает этими качествами в достаточной мере, чтобы справиться со своим противником, скорее всего она потерпит поражение.

С другой стороны, если сторонники ненасилия действуют целенаправленно, используют продуманную стратегию и тактику, умело действуют во имя собственных целей, выполняют условия ненасильственной борьбы и способны устоять перед угрозой репрессий, то в таком случае победа возможна. Подобный успех, скорее всего, обладает значительными преимуществами перед успехом, достигнутым с помощью насилия. К таким преимуществам относятся - более полное и надежное достижение целей, более равномерное соотношение сил, большее понимание и, возможно, даже взаимоуважение между бывшими оппозиционными партиями, а также возросшая потребность защищать свои завоевания от будущих нападений.

Из четырех основных примеров, приведенных в первой главе, полным успехом завершились два - сопротивление путчу Каппа и государственному перевороту в Алжире. Обе попытки захвата государственного аппарата и навязывания нового поли-

тического курса потерпели провал, столкнувшись с ненасильственным сопротивлением.

Рурская борьба против франко-бельгийского вторжения и оккупации привела к противоречивым результатам, и то лишь спустя некоторое время. Войска вывели не в ответ на ненасильственное сопротивление, а только после того, как правительство Германии решило прекратить сопротивление. Впрочем, оккупационные войска все же покинули пределы Рейнских земель, которые так и не были отделены от Германии. Благодаря вмешательству Великобритании и Соединенных Штатов Германия продолжила выплату репараций, сильно сократив, однако, их размер, что более соответствовало реальным возможностям страны. Правительство Пуанкаре, предпринявшее вторжение, вынуждено было признать свое поражение, а применявшиеся жестокие репрессии привели к тому, что многие французы начали симпатизировать немцам, своим недавним врагам. Все эти факторы послужили причиной поражения правительства Пуанкаре на очередных национальных выборах.

В Чехословакии ненасильственная борьба в конце концов тоже потерпела поражение. В апреле 1969 года реформистски настроенная группировка Дубчека была отстранена от руководства Коммунистической партией и правительством и заменена более сговорчивым правительством Гусака. Однако даже после достижения компромисса на упомянутых выше переговорах в Москве изменения в руководстве Чехословакии заняли у Советов 8 месяцев вместо предполагаемых нескольких дней. Показательно, что Советы, поддерживаемые полумиллионной армией, вынуждены были перейти от прямых военных действий к постепенным политическим манипуляциям и работать с дружески настроенным крылом чехословацкой Компартии над рядом ограничивающих решений. В конце концов капитуляция лидеров движения сопротивления перед советским ультиматумом, предъявленным после апрельских антисоветских восстаний, которые, скорее всего, были инсценированы, послужила более веской причиной разгрома, чем потеря воли или способности к борьбе у населения. Экономические и политические

издержки оказались значительными для обеих сторон. Тем не менее, важно, что обе стороны неизбежно заплатили бы непомерно высокой ценой человеческих жизней и разрушений в случае вооруженного сопротивления со стороны Чехословакии. Впрочем, разочарование и утрата иллюзий среди чехов и словаков также были частью заплаченной цены. Однако народ Чехословакии сохранил свою честь незапятнанной, чтобы вновь подняться на борьбу за права человека и демократические свободы. И в самом деле, в конце 1989 года в результате массовых протестов и открытого неповиновения, чехи и словаки разрушили однопартийное коммунистическое правление, ранее находившийся в тюрьме Вацлав Гавел стал президентом, а некогда смещенный со всех постов Александр Дубчек был избран председателем Национального Собрания.

Порой в результате ненасильственных действий достигается «ничья» или временное соглашение, обладающее признаками политики приспособления. В конце кампании за независимость Индии в 1930-1931 годах были проведены официальные переговоры между М. Ганди, представлявшим партию Индийского национального конгресса, и лордом Ирвином, вице-королем Индии, представлявшим правительство Великобритании. Результат переговоров, известный как «Пакт Ганди-Ирвина», содержал положения, выгодные как для Великобритании, так и для Индии, хотя в достаточной степени и не отражал победу Индии.

В других случаях может быть достигнута более полная, хотя все еще и не окончательная победа. Тогда борьба может ограничиться переговорами и формальным соглашением. Иногда противники даже без формального соглашения проводят или принимают изменения, желательные для участников ненасильственного сопротивления. Противник может даже отрицать, что перемены в политике имеют что-либо общее с сопротивлением. В экстремальных ситуациях режим противника может быть полностью деморализован или дезинтегрирован в результате выведения из строя источников силы власти, как уже отмечалось выше.

В перспективе наиболее значительным результатом ненасильственной борьбы, скорее всего, явится влияние на решение насущных проблем, на отношения групп друг к другу и на распределение власти внутри соперничающих группировок и между ними. В более экстремальных ситуациях приемлемые результаты будут измеряться только значительными изменениями сущности политического курса и государственной системы противника или же ее полным уничтожением и распадом. Последнее особенно верно в случаях, когда в действие вступают жесткие системы подавления и диктатура, а также в случаях внутренней узурпации власти и иностранной агрессии.

Изменения в группе, ведущей ненасильственную борьбу

Участие в ненасильственных действиях, вероятно, оказывает серьезное влияние на участников. Так же, как и группы, вовлеченные в конфликты других типов, группы, использующие ненасильственные действия, стремятся стать более сплоченными, выработать внутреннее единство и чувство солидарности.

Участие в ненасильственных действиях требует и одновременно вырабатывает важные психологические и нравственные изменения среди членов группы, заставляя их переосмыслить шкалу собственных ценностей. Эти изменения могут включать возросшее чувство собственного достоинства, самоуважения и уверенности в себе, избавление от чувства страха и покорности. По-видимому, ненасильственные действия обладают особыми качествами, приводящими к подобным результатам. По мере изучения и применения ненасильственных методов участники сопротивления начинают осознавать собственную силу и приобретают уверенность в своей способности влиять на ход событий. Если ненасильственная борьба ведется относительно компетентно, то ее участники, скорее всего, приобретают навыки в разработке и применении стратегии и тактики, поддерживают ненасильственную дисциплину в ходе борьбы и предвидят трудности конфликта. Внутренние силы общества, оказывающего

сопротивление, и центры общественного влияния, вероятно, тоже могут упрочить свои позиции.

Изменения, происходящие с участниками ненасильственного сопротивления, с группами, вовлеченными в конфликт, и с обществом в целом, оказывают серьезное влияние на противника и на ход конфликта. Это именно тот тип перемен, который опасен для любой диктатуры - как внутреннего, так и иностранного происхождения.

Даже против диктатуры

Аристотель отмечал, что «тиран желает, чтобы у его подданных не было взаимного доверия, власти и силы духа». Участие в ненасильственной борьбе создает обратную ситуацию, что можно проследить на многочисленных примерах. Даже несмотря на меры, предпринимаемые тиранами, чтобы лишить подданных таких возможностей и добиться одобрения своего якобы великодушного правления, «все же олигархия и тирания менее жизнеспособны, чем любое другое устройство», заключает Аристотель. Если бы на протяжении многих веков, а особенно в последние десятилетия, этой точке зрения Аристотеля уделялось больше внимания, то мы имели бы сейчас более глубокое понимание причин относительной непродолжительности диктатур. Осознавая это, люди сумели бы глубже изучить возможности ослабления диктатур, и, вероятно, в наше время человечество продвинулось бы гораздо дальше по пути предотвращения и уничтожения диктатур и репрессий, во имя завоевания и сохранения свободы и независимости.

Диктатуры не столь всемогущи, как хотели бы заставить нас думать их лидеры. Напротив, диктатурам присущи уязвимые моменты, приводящие к неэффективности, сокращению полноты контроля и ограничению их продолжительности. Можно указать не менее 17 таких недостатков. К ним относятся - рутинизация действий системы, эрозия идеологии; неадекватная или неверная информация, полученная от нижестоящих инстанций; неэффективность действий всех звеньев системы; внутренние

конфликты среди руководства; волнения среди интеллигенции и студентов; апатия или скептицизм общественности; обострение региональных, классовых, культурных или национальных различий; конфронтация политической полиции или армии с правительством; чрезмерная концентрация руководящего состава и проблема сохранения высокого уровня надежного сотрудничества и повиновения основной массы населения, с которой сталкиваются все правительства.

Вышеперечисленные и другие уязвимые моменты можно точно определить, и сопротивление может сконцентрировать свои усилия на этих «трещинах в монолите», причем ненасильственная борьба в отличие от насилия гораздо больше подходит для этих целей.

Как показывает история, ненасильственная борьба в форме протеста, сопротивления, восстаний, беспорядков и революций использовалась даже против весьма сильных диктатур. Так было в Латинской Америке и в Азии, в оккупированных нацистами странах, в руководимых коммунистами странах Восточной Европы, в Советском Союзе и в Китае.

Условия ненасильственной борьбы в этих случаях были трудными не только из-за репрессивной политической обстановки. Недостаточное знание ненасильственных методов, недостаток подготовки и почти полное отсутствие обучения серьезно усугубляли эти трудности. Кроме того, ненасильственные действия часто использовались в условиях полного непонимания ситуации, а также перед фактом неожиданных кризисов или ожидаемого террора.

Тот факт, что методы ненасильственной борьбы применялись в прошлом, наводит на мысль, что их с успехом можно использовать в будущем. Даже если придут новые тираны, они никогда не смогут избежать зависимости от общества, которым будут править.

Ненасильственная борьба в будущем, вероятно, будет более успешной в том случае, если ее участники будут обладать глубокими знаниями требований и стратегических принципов, делающих эти методы более эффективными.

Действия, базирующиеся на глубоких знаниях и подготовке, должны оказаться менее сложными, чем импровизированная борьба прошлого. Однако многие проблемы проведения этих будущих действий и развития их стратегии, которую можно использовать для дезинтеграции прочно установленных диктатур, требуют немедленного и настоятельного внимания. Кровавое избиение сотен участников митинга протеста в Китае в июне 1989 года служит напоминанием, что ни одна диктатура не сдастся без боя, даже несмотря на массовое народное неприятие.

Приобретение и распространение знаний методов ненасильственной борьбы, разрешающих проблемы сопротивления, развивающих разумную стратегию, закладывающих программы подготовки и обучения, являются поэтому основными компонентами построения постмилитаристской оборонной политики, которая сумеет сдерживать и защищать от внутренних и внешних нападений, предотвращая установление новых диктатур в любой форме.

Примечания

Оценка и анализ характера ненасильственной борьбы, а также факты и документы, подтверждающие анализ и выводы, приведенные в данной главе, взяты из книги: Gene Sharp, *The Politics of Nonviolent Action* (Boston: Porter Sargent, 1973), стр. 63-817. Этот труд содержит анализ характеристик, методов и динамики ненасильственной борьбы, включая «политическое джиу-джитсу» и три механизма перемен, действующих в процессе ненасильственной борьбы. Выделение термина «дезинтеграция» из общего понятия «ненасильственное принуждение» произошло после выхода книги в свет.

Большинство приведенных в данной главе примеров взяты из книги *The Politics of Nonviolent Action*. Если к приведенным примерам не дается специальных ссылок, читателю следует обращаться к указателю и сноскам в книге *The Politics of Nonviolent Action* (далее TPONA). Взятые из этой работы цитаты приводятся со страницами и номерами сносок из TPONA, что

облегчает их поиск в оригинале. В отдельных случаях целиком используется первоначальный источник. Порядок примечаний здесь соответствует тексту.

Относительно событий в Сальвадоре см.: Patricia Parkman, *Nonviolent Insurrection in El Salvador: The Fall of Maximiliano Hernandez Martinez* (Tucson: University of Arizona Press, 1988).

По поводу примера с Гватемалой см.: TPONA, стр. 90-93.

О Меморандуме венгерских писателей, см.: TPONA, стр. 125, сн. 33.

О женской суфражистской демонстрации см.: TPONA, стр. 126, сн. 39.

О деятельности болгарских евреев см.: TPONA, стр. 153, сн. 178. Источник - Matei Yulzari "The Bulgarian Jews in the Resistance Movement", в книге Yuri Suhl, *They Fought Back: The Story of Jewish Resistance in Nazi Europe* (New York: Crown Publishers, 1967), стр. 277-278.

Источником информации о демонстрациях в Бразилии является лекция Марии Елены Алвес, прочитанная 16 марта 1986 года на Семинаре по ненасильственным санкциям в Центре международных отношений Гарвардского университета.

О бойкоте чешских газет см.: TPONA, стр. 222, сн. 21 и Josef Korbel, *The Communist Subversion of Czechoslovakia 1938-1948*

(Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1959).

Информация о демонстрации в Восточном Берлине взята из *New York Times*, 5 ноября 1989, стр. 1. О демонстрации в Праге см.: *New York Times*, 26 ноября 1989, стр. 1.

О двухчасовой всеобщей забастовке в Чехословакии см.: *New York Times*, 28 ноября 1989, стр. A1.

О «народной инспекции» Управления государственной безопасности в Лейпциге см.: *Die Zeit* (Hamburg), 22 декабря 1989, стр. 6.

Высказывания Маккарти о параллельных правительственных институтах взяты из статьи Ronald M. McCarthy, "Resistance, Politics and the Growth of Parallel Government in America, 1765-1775" в сборнике под редакцией Walter Conser, Ronald McCarthy,

David Loscano, Gene Sharp, *Resistance, Politics and the American Struggle for Independence, 1765-1775* (Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers, 1986), стр. 498. Этой же проблеме посвящена целая глава (стр. 472-524). Здесь же см.: David Ammerman, "The Continental Association : Economic Resistance and Government by Committee," стр. 225-277.

По поводу дополнительных сведений о параллельном правительстве см.: ТРОНА, стр. 423-433.

О русской революции 1905 года см.: Sidney Harcave, *First Blood: The Russian Revolution of 1905* (New York: Macmillan, 1964, и London: Collier-Macmillan, 1964); Solomon M. Schwartz, *The Russian Revolution of 1905 : The Workers' Movement and the Formation of Bolshevism and Menshevism* в переводе Гертруды Вакар и с предисловием Леопольда Х. Хаймсона (Chicago and London: University of Chicago Press, 1967), стр. 129-195. См. также: Richard Charques, *The Twilight of Imperial Russia* (London: Phoenix House, 1958), стр. 111-139; Leonard Shapiro, *The Communist Party of the Soviet Union* (New York: Random House, 1960 и London: Eyre & Spottiswoode, 1960), стр. 63-70 и 75; Hugh Seton-Watson, *The Decline of Imperial Russia, 1855-1914* (New York: Frederick A. Praeger, и London: Methuen & CO., 1952), стр. 219-260; Bertram D. Wolfe, *Three Who Made a Revolution* (New York: Dial Press, 1948 и London: Thames and Hudson, 1956), стр. 278-336; и Michael Prawdin, *The Unmentionable Nechaev: A Key to Bolshevism* (London: Allen and Unwin, 1961), стр. 147-149.

О Февральской революции 1917 года в России см.: George Katkov, *Russia 1917: The February Revolution* (New York: Harper & Row, 1967).

О датских нелегальных газетах см.: Jeremy Bennett, "The Resistance Against the German Occupation of Denmark 1940-1945", в сборнике под редакцией Adam Roberts, *Civilian Resistance as a National Defense* (Harmondsworth, England, и Baltimore, Maryland: Penguin Books, 1969), стр. 200.

О венгерской революции 1956-1957 гг. см.: *Report of the Special Committee on the Problem of Hungary* (New York: United Nations, General Assembly Official Records, 11 Сессия, Приложение

номер 18-а/3592, 1957). По поводу рабочих советов см.: Hannah Arendt, *On Revolution* (New York: Viking Press и London: Faber & Faber, 1963).

О польском движении, начиная с 1980-го года, см.: Nicholas Andrews, *Poland, 1980-1981: Solidarity Against the Party* (Washington, D.C.: National Defense University Press, 1985); Madeleine Korbel Albright, *Poland: The Role of the Press in Political Change* (New York: Praeger, 1983); Timothy Garton Ash, *The Polish Revolution: Solidarity 1980-1982* (London: Jonathan Cape, 1983); Ross A. Johnson, *Poland in Crisis* (Santa Monica, California: Rand Corporation, 1982); под редакцией Leopold Labedz и сотрудников журнала "Survey", *Poland Under Jaruzelski* (New York: Charles Scribner's Sons, 1984); и Jan Joseph Lipski, *KOR: A History of the Workers' Defense Committee in Poland, 1976-1981* (Berkeley, Los Angeles, и London: University of California Press, 1985).

О роли французов в борьбе за спасение евреев см.: TPONA, стр. 549, сн. 105. Первоначальный источник: Gerald Reitlinger, *The Final Solution: The Attempt to Exterminate the Jews of Europe 1939-1945* (New York: A. S. Barnes, 1961), стр. 328.

О бесстрашии в Монтгомери, Алабама, а также высказывание Мартина Лютера Kinga, см.: TPONA, стр. 548, сн.100-101.

О блокаде танковой армии в Маниле см.: Monina Allarey Mercado (редактор), *People Power, The Philippine Revolution of 1986. An Eyewitness History* (Manilla: James B. Reuter, S. J. Foundation, 1986), глава 5.

По поводу различных аспектов индийской кампании 1930-1931 годов, включая рейд в Дхарасану, см.: Gene Sharp, *Gandi Wields the Weapon of Moral Power: Three Case Histories*, со вступительной статьей Альберта Эйнштейна (Ahmedabad: Navajivan Publishing House, 1960), стр. 37-226 и S. Gopal, *The Viceroyalty of Lord Irwin, 1926-1931* (London: Oxford University Press, 1957), стр. 54-122.

До сих пор не существует серьезного сравнительного статистического анализа относительно количества жертв в военных конфликтах и в конфликтах, в которых одна из сторон использует ненасильственные действия. Краткое обсуждение этой темы содержится в TPONA, стр. 583-586, однако этого явно недостаточно. Разрозненные сведения о числе убитых и ране-

ных в насильственных конфликтах, сопоставленные с соответствующими данными по ненасильственной борьбе, подобные тем, которые приводились в данной книге, показывают, что различия не только весьма существенны, но и постоянны. Будем надеяться, что кто-нибудь проведет подобное исследование, приняв во внимание различные факторы, в том числе масштаб конфликта, количество вовлеченных в него участников, характер режима, вид проблемы, вызвавшей конфликт, и т.д.

О финском сопротивлении см.: TPONA, стр. 593-594, сн. 93. Цитата для TPONA взята из книги William Robert Miller, *Nonviolence: A Christian Interpretation* (New York: Association Press, 1964), стр. 247.

По поводу подавления мирной демонстрации в Праге см.: *New York Times*, 15 декабря 1989, стр. A17.

О кампании Сатьяграхи в Викоме в 1924-1925 г.г. см.: TPONA, стр. 82-83 и сн.18. Первоисточниками служат Joan V. Vondurani, *Conquest of Violence: The Gandhian Philosophy of Conflict* (Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1958), стр. 46-52; Mohandas K. Gandhi, *Non-violent Resistance* (New York: Schocken Books, 1967), индийское издание Satyagraha (Ahmedabad: Navajivan Publishing House, 1951), стр. 177-203 и Mahadev Desai, *The Epic of Travancore* (Ahmedabad: Navajivan, 1937).

Начальные сведения о стратегических принципах ненасильственной борьбы можно найти в TPONA, стр. 492-510.

По поводу вывода британских войск из Пешавара см.: TPONA, стр. 335, 432, 675, 747 и S. Galpal, *The Viceroyalty of Lord Irwin 1926-1931*, стр. 68-69.

Об отказе филиппинских операторов компьютеров участвовать в фальсификации итогов выборов см.: Merkado, *People Power*, стр. 67. 75-76.

О сопротивлении норвежских учителей см. памфлет: Gene Sharp, *Tyranny Could Not Quell Them* (London: Peace News, 1958) и более поздние издания.

Подробнее о восстании в Восточной Германии 1953 года см.: Stefan Brandt, *The East German Rising* (New York: Praeger, 1957) и Theodor Ebert, в сборнике Roberts, *Civilian Resistance as a National*

Defence, глава 8, “*Non-violent Resistance Against Communist Regimes?*”

Об экономическом воздействии движения несотрудничества американских колоний см.: Conser и коллектив *Resistance, Politics, and the American Struggle for Independence*.

Об экономическом воздействии бойкота Индии на товары Великобритании см.: TPONA, стр. 751-752, сн. 184-189.

Об эмбарго на арабскую нефть см.: Mohammed E. Ahrari, *The Dynamics of Oil Diplomacy: Conflict and Consensus* (New York: Arno Press, 1980), глава 6, и Sheikh Rustum Ali, *OPEC: The Failing Giant* (Lexington, Kentucky: University Press of Kentucky, 1986), глава 5.

Ссылки на забастовки против путча Каппа приводятся по: S. William Halperin, *Germany Tried Democracy: A Political History of the Reich from 1918 to 1933* (Hamden, Connecticut: Archon Books, 1963 [1946]), стр. 179-180.

Об опасениях нацистов в связи с уходом в отставку кадровых военных см.: TPONA, стр. 753, сн. 43. Ссылки даются по: Jacques Delarue, *The Gestapo : A History of Horror* (New York: William Morrow, 1964), стр. 8.

О нравственных проблемах русских войск в Чехословакии и последовавших заменах см.: Robert Littell (редактор), *The Czech Black Book : Prepared by The Institute of History, Czechoslovak Academy of Science* (New York: Praeger, 1969), стр. 212-213.

Аристотель цитируется по: *The Politics*, в переводе T.A. Sinclair, дополненное издание под редакцией Trevor J. Sanders (Harmondsworth, England, and Baltimore: Penguin Books, 1983 [1981]), стр. 227 и 353.

Фраза “трещина в монолите” заимствована у Karl Deutsch в его эссе “*Cracks in the Monolith*” в сборнике под редакцией Carl J. Friedrich “*Totalitarianism*” (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1954), стр. 308-333.

О слабых моментах диктаторских режимов см. также: Gene Sharp, “*Facing Dictatorships With Confidence*”, в сборнике *Social Power and Political Freedom* (Boston: Porter Sargent, 1980), стр. 91-112, а также приведенные в нем источники.

Глава четвертая ОБЩЕСТВЕННАЯ ОБОРОНА

Разработка новой оборонной политики

Гражданская борьба, использующая средства неповиновения и несотрудничества, проводилась для достижения самых разных целей, начиная с права голосования и кончая свержением диктатуры. Как было показано в первой главе, такая борьба избирательно применялась в качестве официальной оборонной политики в Германии, Франции и Чехословакии как против внутренних, так и против внешних врагов.

В данной главе основное внимание уделяется следующей проблеме: способна ли оборона, использующая средства гражданского сопротивления, стать в ближайшие десятилетия реальной силой, и если да, то каким образом? По-видимому, наша безопасность еще долго будет подвергаться угрозам, а военные оборонительные методы будут по-прежнему обладать серьезными недостатками, нанося ущерб тем, кто будет защищать свою свободу, право на самоопределение и избранную общественную систему. Именно поэтому теория общественной обороны заслуживает тщательного и серьезного анализа.

Мы рассмотрим, каким образом можно более эффективно скомбинировать различные методы ненасильственной борьбы, как приспособить их к конкретным задачам сдерживания и национальной обороны, как обогатить их использование новыми знаниями, пониманием обстановки, стратегией и подготовкой. Преимущества дополнительных исследований, разработки методологии, стратегического анализа, действий при различных вариантах обстановки и подготовки позволят разработать новую последовательную политику с вероятностью выбора любой

из многочисленных стратегий. Результатом этого может стать повышение эффективности общественной обороны. Без особых усилий можно создать действующую оборону, как минимум в 10 раз более мощную (по традиционным оценкам), чем в ситуациях стихийной ненасильственной борьбы прошлых лет.

Эта глава предлагает план специально разработанной оборонной политики периода постмилитаризма. Применяя такую политику, население будет готово оказать сопротивление в случае внутренней узурпации власти или иностранной агрессии. Подобная готовность крайне важна для создания как сдерживающего, так и оборонного потенциала этой политики.

Захват территории или геноцид

В планировании общественной обороны решающим фактором является знание целей противника. Тот факт, что агрессор ставит перед собой определенные экстремальные цели, например, расширение собственной территории или геноцид, часто приводит к тому, что народ отказывается от общественной обороны, расценивая ее как наивную и бесполезную. Однако в подобных ситуациях тщательное изучение военно-оборонительных альтернатив может послужить серьезным основанием для сомнений в их преимуществах. И в самом деле, оборонительная война или сопротивление с применением насилия может спровоцировать массовые убийства и предоставить агрессорам «веские» оправдания, такие, как ссылка на «издержки военного времени» или утверждение, что их действия явились своего рода самообороной против «террористов». Нападающие могут даже заявить, что их агрессия и массовые убийства были всего лишь достойными сожаления, однако неизбежными «превентивными» мерами в целях *самосохранения* перед готовящейся атакой.

Ситуация военного времени способна создать условия, при которых наиболее вероятно повсеместное использование оружия массового уничтожения, например, отравляющих газов, химического, бактериологического или ядерного оружия. Это оружие может быть направлено и против участников ненасильственно-

го сопротивления, однако в таких случаях могут возникнуть определенные трудности для их использования, и нам неизвестны подобные прецеденты.

Примеры геноцида и территориальных притязаний убедительно показывают, что агрессоры не предусматривают продолжительную зависимость от населения оккупированной ими страны, игнорируя, таким образом, важный фактор оборонительных усилий. Однако имеются исторические свидетельства, убеждающие в том, что даже агрессорам, стремящимся к захвату чужих территорий или проведению геноцида, в определенные моменты необходимо подчинение, а нередко и сотрудничество со своими жертвами.

В этой связи заслуживают внимания прагматические изменения политического курса Германии на оккупированных территориях Советского Союза в период с 1941 по 1944 год. Нацисты расценивали славянское население Восточной Европы и Советского Союза как неполноценное, которое необходимо переместить или физически уничтожить с целью предоставления свободных территорий для немецкой колонизации, *Lebensraum* для немецкого Volk. Долгое время немецкие власти даже не пытались искать сотрудничества с *Untermenschen* (недочеловеками). Однако, несмотря на идеологическую позицию нацистов, некоторые высшие официальные лица фашистской Германии, в конце концов, пришли к выводу, что для поддержания контроля над «восточными территориями» необходимо сотрудничество с тем самым населением, которое подвергается уничтожению. В своем исследовании, посвященном фашистской оккупации, Александр Даллин приводит множество подобных примеров. Так, по сообщению Даллина, в 1942 году гауляйтер Белоруссии Вильгельм Кубе неохотно признавался, что «немецкие власти не сумели осуществить эффективный контроль без вербовки населения». Даллин цитирует заявление немецких военачальников о положении в Советском Союзе в декабре 1942 года: «Серьезность ситуации сделала явной необходимостью позитивное сотрудничество с населением. Россию можно разбить только с помощью русских». Генерал Хартенек писал в мае 1943

года: «Широкими российскими пространствами, которые мы завоевали, можно управлять только с помощью живущих там русских и украинцев и никогда против их воли».

Таким образом, хорошо подготовленная кампания ненасилия может усложнить проблемы управления населением на переходном этапе, еще до наступления геноцида, тем самым замедляя этот процесс. Участники сопротивления могут осуществлять эффективный контроль над свободными территориями, которые агрессор намеревается захватить. К тому же различные виды ненасильственных действий могут влиять на готовность тех, кому приказано проводить массовые экзекуции. Если информация о попытках или начале массового кровопролития станет общеизвестной, то для того, чтобы пресечь подобные акции, скорее всего, необходимо будет заручиться поддержкой со стороны населения страны-агрессора, других правительств и международных организаций. К сожалению, новые виды технологии массового уничтожения позволяют агрессорам ускорить процесс начавшегося геноцида.

Тем не менее, необходимо продолжать развитие и использование политики предотвращения и борьбы с подобными акциями, а позиция беспомощного фатализма должна быть исключена. Теоретики и аналитики должны обращать внимание на специфические проблемы, возникающие при использовании ненасильственной борьбы в таких ситуациях. В данной работе мы не можем уделить им должного внимания. Однако необходимо отметить, что различные типы ненасильственного сопротивления, использовавшиеся в борьбе против Холокоста, достаточно успешно применялись и в Германии, и в странах нацистского блока, и на оккупированных фашистами территориях. Впрочем, еще многое необходимо изучить в вопросах предотвращения и борьбы с геноцидом и другими массовыми убийствами.

Важно осознать, что такие цели, как территориальные притязания и геноцид, присущи явно не всем видам агрессии, против которых необходимо применять оборону. Большинство случаев внутренней узурпации власти и иностранной военной

агрессии преследуют совершенно другие задачи. Следовательно, применение общественной обороны не зависит от чье-либо мнения об экстремальных случаях. Независимо от выбора окончательных мер для использования в подобных ситуациях эффективная общественная оборона может быть разработана для предотвращения внутренней узурпации власти, иностранной агрессии и оккупации. Именно таким, более распространенным ситуациям, будет посвящена оставшаяся часть этой главы.

Анализ нападающими задач и успеха

И внутренняя узурпация власти, и иностранная агрессия направлены на достижение определенных целей. Внутренняя узурпация власти в результате государственного переворота или захвата исполнительных полномочий может быть направлена на усиление власти отдельной личности или группировки, или же преследовать далеко идущие политические, экономические и идеологические цели. Иностранная агрессия и оккупация в большинстве случаев совершаются для того, чтобы установить марионеточное или послушное захватчикам правительство; аннексировать территорию, не нанося ущерба населению; ввести экономическую эксплуатацию; завладеть природными ресурсами; насадить собственную идеологию или религию в оккупированной стране; устранить или предотвратить вероятную военную угрозу; транспортировать военное снаряжение или войска для нападения на третью страну.

Успех подобных внутренних и внешних нападений зависит от выполнения задач агрессоров. Следовательно, нападения являются скорее рационально спланированными акциями, а не спонтанными приступами гнева или бессмысленными актами массового уничтожения. Так, например, франко-бельгийское посягательство на Рур ставило целью обеспечение выплат оговоренных репараций и отделение Рейнских земель от Германии. Советский Союз в 1968 году намеревался восстановить жесткий коммунистический режим в Чехословакии. Внутренняя узурпация власти всегда нацелена на устранение предшествующего пра-

вительства и установление нового для управления государственным аппаратом и обществом, как это произошло во время путча Каппа и переворота французских генералов в Алжире. Если нападающие не добиваются своих целей, то они проигрывают. Значит, для достижения намеченных целей им необходим точный расчет.

Чтобы добиться всех или большинства поставленных целей, захватчики должны также получить управление над оккупированной страной. Политический контроль является необходимым, а возможно, и главным звеном, способствующим достижению остальных целей агрессии. Экономическая эксплуатация, перевозка материалов, идеологическая индоктринация, эвакуация жителей - все это требует активного сотрудничества и содействия населения и общественных институтов страны, подвергшейся нападению. Недостаточно просто контролировать территорию страны, захватчики должны также контролировать ее население и институты общества. Возможные издержки, связанные с установлением контроля над населением оккупированной страны, могут серьезно повлиять на решение потенциальных агрессоров о нападении.

Такие агрессоры обычно просчитывают все «за» и «против» намеченной агрессии, чтобы определить, пропорциональна ли выгода предполагаемым издержкам. Если шансы на успех малы, а плата за них высока, то, вероятнее всего, потенциальные агрессоры изменят свое решение о нападении. Агрессию удастся сдержать.

Сдерживание при помощи общественной обороны

Сдерживанию, таким образом, не свойственно быть связанным с военными действиями, а еще меньше - с ядерным потенциалом. Сдерживание может проявиться и в контексте применения ненасильственных действий.

Ответ на вопрос, способна ли общественная оборона сдерживать противника в определенной ситуации, и если да, то насколько, зависит от двух основных факторов: (1) - *реальная спо-*

способность общества препятствовать агрессорам в достижении их целей и навязать им чрезмерную плату (самостоятельно или в сотрудничестве с другими странами); (2) - *осознание* потенциальными нападающими этой способности общества к сопротивлению и нанесению ущерба.

Рассмотрим эти факторы более внимательно. В отличие от военных средств, сдерживание при помощи общественной обороны нельзя обеспечить путем угроз разрушения и массового физического уничтожения на территории агрессора. Скорее сдерживание может быть достигнуто, если нападающие осознают, что общество, на которое совершено нападение, способно или помешать им добиться своих целей, или навязать чрезмерную плату. Эта плата состоит из ущерба, который нанесен режиму агрессора в его внутренних делах (внутренние разногласия и раскол), в сфере международных отношений (дипломатические и экономические издержки) и из-за препятствий, возникающих на оккупированной территории (лишение нападающих возможности достижения целей, блокада их эффективного политического контроля и распространение недовольства в армии, среди должностных лиц и населения). Другими словами, *способность общественной обороны сдерживать противника основывается непосредственно на фактическом оборонном потенциале*. В этом состоит отличие общественной обороны от ядерного сдерживающего протенциала и от потенциала обычного оружия, которые в наше время могут нанести сильный *ответный удар*, но редко *защищают* от атаки (подразумевается защита населения, его социального устройства и институтов общества). Такое оружие является слишком разрушительным, чтобы обеспечить защиту обществу.

Для того, чтобы разработать методы сдерживания с помощью общественной обороны, помимо начального периода исследований, разработки методологии и изучения возможностей ее применения, понадобятся два других существенных элемента. Первый - интенсивная подготовка и обучение всего населения и институтов общества. Иногда эта подготовка может сопровождаться структурными и социальными изменениями (в основном направленными на усиление девальвации власти и на повыше-

ние ответственности со стороны отдельных членов общества, его группировок и институтов). Цель подобных изменений - повышение жизнестойкости, самоуважения и способности общества к сопротивлению. Сюда же можно отнести умение обороняющихся не допустить консолидации агрессорами политического контроля и лишить их возможности достижения любых других целей. Обороноспособность предполагает также умение существенно увеличивать издержки нападающих, а также их внутренние и международные проблемы.

Второе требование - создание такой программы, которая предоставила бы возможность потенциальным нападающим адекватно воспринимать мощный оборонный потенциал, который можно мобилизовать в условиях новой оборонной политики. Когда налицо действительно мощный и хорошо разработанный оборонный потенциал, его повсеместное рекламирование, а не просто открытое распространение сведений о нем, усилит эффект сдерживания, оказываемый как на внутренних узурпаторов власти, так и на иностранных агрессоров.

Как отмечалось в первой главе, сдерживание является решающим элементом более широкого процесса предотвращения нападения. Этот процесс может дополнительно включать воздействие таких элементов, как рациональные доводы, моральные призывы, отвлечение внимания и непровокационная политика. Если страна желает поставить агрессора в более невыгодное положение, то в дополнение к созданию механизма общественного сдерживания ей следует добиться уважения и симпатии к себе со стороны народов других стран. Этого можно достичь посредством распространения позитивной информации о настоящем или будущем общественном устройстве данной страны, или с помощью международных связей, которые она осуществляет. Сюда могут входить определенные виды помощи другим странам, поддержка в чрезвычайных обстоятельствах и другие позитивные международные меры. В результате всех этих действий страны, использующие общественную оборону, могут добиться меньшей враждебности и большей доброжелательности по отношению к себе. Такая политика может при некото-

рых обстоятельствах сократить шансы нападения, хотя это и не всегда является решающим фактором. Очевидно, впрочем, что одних этих действий недостаточно. Тем не менее, если на общество все же совершено нападение, то весьма существенным элементом является способность эффективно защитить его.

В некоторых ситуациях возможной дополнительной мерой предотвращения нападений извне является общественная *встречная стратегия*. Такую стратегию можно применять против тех видов нападения, которые ставят определенные конкретные цели, например, такие, как овладение ограниченными территориями (военно-морскими базами, аэропортами, залежами полезных ископаемых и т.п.), и использовать ее в тех случаях, когда эффективность обычной общественной стратегии сомнительна.

В таких случаях общественная оборона могла бы распространить техническое «ноу-хау» о методах, с помощью которых оппозиционные группировки в стране агрессора (или в других оккупированных государствах) могли бы проводить эффективное сопротивление и даже массовые гражданские выступления без применения насилия. В этом могут помочь радио, телевидение, телефонная связь, печатные издания, письма, магнитофонные и видеокассеты. Сопротивление и мятежи в собственной стране - не самые благоприятные факторы для отправки войск и специалистов за рубеж бороться против хорошо подготовленных и намеренных защищаться стран.

Никакое сдерживание - ни гражданское, ни военное - не может гарантировать успех. Именно поэтому весьма существенным является знание того, как вести себя в ситуации возможной неудачи. В противовес военным средствам сдерживающая сила общественной обороны основывается непосредственно на своей собственной способности *защищаться*. В отличие от ядерного сдерживания, неудача в подготовке общественной обороны в процессе сдерживания противника ведет не к полному уничтожению, а к применению впервые реального оборонного потенциала. Именно поэтому такое важное значение имеет изучение широкого спектра действий различных типов обороны.

Боеспособность общественной обороны

Как мы видели, способность такой политики защищать от нападения основывается на том, что она может помешать захватчикам осуществить их задачи и навязать непомерные издержки как внутри страны, так и в международном масштабе. Для того, чтобы применить методы общественной обороны, население должно обладать волей к сопротивлению, быть хорошо подготовленным и уметь сражаться невзирая на потери, как это происходит на войне. Потенциально все население, независимо от пола и возраста, и все институты общества являются участниками борьбы.

Во многих случаях внутренней и внешней агрессии существовал первоначальный период сомнений, часто сопровождавшийся ощущением бесполезности и потерянности. Именно такой была ситуация в Норвегии в апреле 1940 года в период фашистской оккупации. Лишь спустя несколько месяцев после окончания военного сопротивления население страны осознало, какими способами можно бороться и с фашистской партией Квислинга, и с немецкой военной оккупацией, поддерживаемой гестапо. Население, хорошо подготовленное и информированное в отношении общих направлений движения сопротивления (включая обязанности и роль различных слоев населения и институтов общества), смогло бы быстрее избавиться от чувства неопределенности и смятения и встретить новую кризисную ситуацию с твердостью, присутствием духа и уверенностью в своих силах.

Однако наличия общей оппозиции и желания защитить общество от нападения недостаточно. Они должны стать частью *главной стратегии*, включающей общие задачи обороны, проблемы, на которые будет направлена борьба, выбор общей методологии действий и другие широкие меры, направленные на достижение победы. Разработанная главная стратегия, в свою очередь, должна привести к возникновению различных отдельных *стратегий* борьбы за достижение конкретных целей в конкретных ситуациях. Каждая из этих стратегий наметит, как бу-

дет развиваться та или иная отдельная кампания и как будут связаны ее отдельные компоненты. Каждая будет обладать различными *тактиками* или более строгим планом действий для достижения ограниченных целей. Необходимо тщательно выбирать тактику и конкретные *методы* действия, чтобы они могли помочь достижению целей каждой отдельной стратегии.

Как уже отмечалось в третьей главе, «оружие» или методы, используемые для общественной обороны, являются ненасильственными - психологическими, социальными, экономическими и политическими. Методы импровизированной борьбы прошлого использовали символические протесты, паралич транспорта, общественные бойкоты, местные и всеобщие забастовки, гражданское неповиновение, остановку производства, политическое несотрудничество, принятие заведомо приносящих ущерб решений, экономические бойкоты, демонстрации, замедление темпов работы, публикацию запрещенных газет, намеренную неэффективность в выполнении приказов, содействие диссидентам, теле- и радиопрограммы, поддерживающие движение сопротивления, публичное неповиновение законодательных органов, формальную правительственную оппозицию, отрицание законности узурпаторов, несотрудничество гражданских служащих, промедление и отсрочки законодательных актов, декларации неповиновения, продолжение соблюдения старых политических курсов и законов, студенческое неповиновение, демонстрации детей, отказ от сотрудничества, индивидуальный и массовый выход в отставку, общее неповиновение и неповиновение отдельных лиц или группировок, поддержка автономии независимых организаций и институтов, подрывная деятельность в войсках узурпаторов и подстрекательство к мятежу.

Не существует, да и не может быть создано единой для всех ситуаций схемы сдерживания и обороноспособности с помощью методов общественной обороны. Это утверждение гораздо более справедливо по отношению к гражданским методам обороны, чем к военным столкновениям. И в обычных, и в ядерных конфликтах оружие приносит огромные разрушения и человеческие жертвы, по существу, независимо от причины конфлик-

та. С другой стороны, политика общественной обороны использует политическое, социальное, экономическое и психологическое «оружие», которое в каждом конкретном случае должно быть направлено на предмет конфликта. Как отмечалось в третьей главе, на выбор методов, следовательно, в первую очередь будет влиять специфика стратегии, направленной на то, чтобы агрессоры не достигли своих целей, и главные стратегические принципы ненасильственной борьбы.

Соблюдение законности и способность к самоуправлению

Основным правилом любой стратегии общественной обороны является соблюдение законности и способность к самоуправлению в обществе в ситуации, когда агрессоры пытаются навязать свое правление. Настроенные против агрессоров, защитники должны непрестанно отвергать законность их прав и препятствовать их эффективному управлению страной, независимо от того, стараются ли агрессоры использовать для этого уже существующий государственный аппарат или пытаются создать новый. Обороняющиеся должны противостоять и сражаться против любого из этих намерений и разбивать агрессивные планы противника.

Защита политической системы является решающим фактором, даже если основная задача агрессоров не заключается в ее перестройке по собственному образцу. Как уже отмечалось, для реализации почти всех целей, для осуществления которых требуется время, агрессорам понадобится растущее сотрудничество населения и институтов подвергнувшегося нападению общества. Они могут пытаться добиться этого путем предоставления помощи существующим государственным структурам или же создать для этих целей новые структуры. Важно поэтому, чтобы население всячески отвергало законность прав агрессоров, а существующее правительство не пошло на уступки и сотрудничество. При использовании общественной обороны важно, чтобы агрессоры не смогли употреблять символику обороняющегося государства, его административные органы, институты обще-

ственного и политического контроля, а также полицию и любые существующие вооруженные силы.

Когда агрессоры стремятся установить (или уже установили) свое собственное «правительство», жизненно необходимо, чтобы обороняющиеся, во-первых, изолировали это «правительство» с помощью различных методов несотрудничества и, во-вторых, поддерживали свои правительственные структуры, параллельные структурам агрессора. Параллельное правительство обороняющихся может сохранить старую правительственную структуру, если агрессоры не смогли захватить ее, или параллельное правительство может стать менее формально организованным. И в том, и в другом случае это параллельное правительство должно действовать наряду с подвергнутыми остракизму структурами нападающих.

Параллельное правительство рассматривалось в третьей главе, где в качестве основных примеров приводились революционные ситуации. Здесь же, напротив, основное внимание будет уделено поддержанию морального и правового авторитета законодательной системы, на которую совершено нападение. Необходимо также, чтобы функционирующие институты не попали под контроль внутренних узурпаторов или иностранных агрессоров. Окончательный анализ параллельных правительств и тщательное исследование их роли в общественной оборонительной борьбе еще не проведены. Однако анализ различных примеров наводит на мысль, что поддержание автономного законного правительства является крайне важным условием для предотвращения захвата политического контроля потенциальными внутренними узурпаторами или иностранными захватчиками.

И в Германии, и во Франции во время государственных переворотов, описанных в первой главе, законное правительство было целиком или частично сохранено. Хотя правительство Эберта сбежало из Берлина и столица была оккупирована, высшие официальные лица остались на своих постах, а в правительствах отдельных земель вообще не произошло изменений. Путчисты практически потеряли контроль над ситуацией, когда бюрократический аппарат и различные правительствен-

ные организации проявили лояльность по отношению к законному правительству. В случае с Францией правительство де Голля-Дебре в Париже по ряду причин не было смещено. Именно это оказалось решающим фактором в окончательном поражении переворота в Алжире. Даже там первоначальный захват мятежниками государственного аппарата вскоре потерпел крах. Тот факт, что правительство Веймарской республики продолжало существовать во время франко-бельгийской оккупации Рура, тоже был крайне важным в установлении и поддержке политики несотрудничества.

Во время Второй мировой войны некоторые правительства, находящиеся в эмиграции в Лондоне, играли важную роль параллельных правительств. Они были альтернативными законными институтами в отличие от коллаборационистских режимов, установленных немецкой оккупацией, и иногда способствовали движению сопротивления в своих странах. Например, правительство Норвегии в изгнании изыскивало средства для отправки денег в оккупированную Норвегию, чтобы поддержать семьи арестованных участников ненасильственного сопротивления, а правительство Нидерландов обратилось с воззванием к голландским железнодорожным рабочим с призывом начать забастовку в сентябре 1944 года (которая длилась до 1945 года) в поддержку вторжения союзников в Европу.

В Чехословакии в 1968-1969 годах правительство и Коммунистическая партия первоначально следовали политике полного несотрудничества с советскими оккупантами. Эта *первоначальная* реакция достойна подражания. В течение всего этого периода Советы не были способны установить даже подобие нового правительства. Надо сказать, что окончательный провал чехословацкой обороны начался с желания правительственных и партийных представителей пойти на компромисс с Советами на московских переговорах, узаконив в стране присутствие оккупационных войск стран-участниц Варшавского договора. За этим последовали постепенные уступки Советам в последующие месяцы, вплоть до полной капитуляции перед советским требованием сместить руководство Дубчека в апреле 1969 года. Коро-

че говоря, бескомпромиссное правительство дооккупационного периода просуществовало лишь около недели в самом начале сопротивления. Эффективная ненасильственная оборонительная борьба велась столько времени, сколько законное правительство выполняло свои обязанности, несмотря на присутствие советских вооруженных сил. Вызов, брошенный законной политической системой оккупационным войскам и потенциальным сталинистам, был жизненно важным фактором борьбы. Провал попытки Советов достичь своих политических целей с помощью военной силы вынудил их перейти к постепенному политическому нажиму, перед которым капитулировало чехословацкое руководство.

Выбор стратегии обороны

Кроме предотвращения захвата агрессорами контроля над политической системой, необходимо предпринять существенные усилия, чтобы лишить нападающих любых возможных дополнительных целей. Если цель - введение экономической эксплуатации, то лучше всего для защиты подойдут стратегия и тактика экономической борьбы. Они будут отличаться от методов обороны, подходящих для борьбы против политических, идеологических, территориальных целей захватчика и геноцида.

Например, во время вторжения в Рур Франция и Бельгия намеревались, кроме всего прочего, использовать его угольные разработки. Следовательно, значительная часть оборонных усилий Германии была сконцентрирована на том, чтобы не дать оккупантам завладеть большими угольными запасами. Основными методами сопротивления были забастовки шахтеров, отказ шахтеров покидать шахты, бойкоты транспортных рабочих и т.п.

С другой стороны, проблема может носить политическую окраску. Предмет разногласия в конкретной ситуации может быть достаточно ограничен этой ситуацией, как в ранее упоминавшемся случае в Норвегии, когда учителя отказались подчиниться фашистскому управлению школ. В этом случае преимущественными методами сопротивления были формы социального и по-

литического несотрудничества, а также формы более широкого символического протеста и неподчинения (включая проведение импровизированных школьных уроков в частных домах.)

Как обсуждалось ранее, первоначальная цель Советов в Чехословакии также носила политический характер, но только более крупного масштаба - заменить реформистское правительство Дубчека просталинской группировкой. Вследствие этого сопротивление изначально было направлено в основном на предотвращение образования коллаборационистского правительства сталинистов с помощью чрезвычайно сильного психологического, социального и политического давления.

Планируя общественную оборону, обороняющиеся могут определить потенциальные цели нападающих и их стратегию, что позволит им разработать ответные меры и варианты защиты *до начала* нападения. Планирование может также вести к разработке конкретных планов, которые позволят обороняющимся удерживать инициативу в общественной обороне. Серьезный анализ применения всех этих стратегий в мирное время чрезвычайно усиливает оборонный потенциал в условиях военного времени.

На выбор стратегии общественной обороны и на средства ее реализации также должны влиять следующие факторы (они перечислены не в порядке их значимости):

- сущность режима страны агрессора или группировки агрессоров;
- степень близости и отчужденности этих сторон, проявляемая в других общественных отношениях;
- сущность средств нападений агрессора и репрессивные меры, применяемые нападающими;
- степень влияния и давления агрессора на третью сторону;
- степень влияния третьей стороны на действия обороняющихся;
- внутренний потенциал и неправительственные организации общества, на которое совершено нападение;
- уязвимость режима и системы агрессора;
- уровень и сущность предварительной подготовки защищаемого общества;

- относительная важность наиболее существенных для обеих сторон проблем;
- экономическая уязвимость защищаемого общества в плане продовольственных, питьевых и энергетических ресурсов или же его экономическая независимость;
- готовность защищаемых нести потери как плату за оборону.

Как было сказано в третьей главе, обороняющееся гражданское население должно решить, какой механизм изменений наиболее подходит для достижения победы. Обороняющиеся могут навязать агрессору свою точку зрения, убеждающую последнего в неоправданности целей и самого нападения. Они могут выразить готовность «приспособиться», как это происходило во многих забастовках. Однако в большинстве случаев нежелательно идти на компромисс с агрессором. Напротив, участники обороны должны стараться принудить нападающих отказаться от своих первоначальных целей и от самого нападения.

В особых случаях принуждения будет недостаточно. Когда режим страны агрессора угнетает собственный народ и не устойчив, целью участников сопротивления может стать не только принуждение к выводу оккупационных войск с захваченных территорий, но и сотрудничество с участниками сопротивления в стране агрессора в целях ее дезинтеграции. В случае внутренней узурпации власти целью участников сопротивления должно стать полное расформирование враждебной группировки. Эта группировка не должна сохраниться как политическая единица, даже если она согласна на капитуляцию. Не должно остаться ни одной функциональной группировки, способной совершить подобную попытку в будущем.

На практике механизмы социальной конверсии, приспособления и ненасильственного принуждения, как уже упоминалось, могут действовать в комбинации друг с другом, а дезинтеграция противника может произойти в результате комбинированного воздействия социальной конверсии и ненасильственного принуждения. Предпочтение того или иного механизма будет, впрочем, сильно влиять на выбор общей страте-

гии обороны, а также на выбор конкретных методов.

Необходимо тщательно анализировать выбор альтернативных действий, которые можно использовать в ненасильственной борьбе при общественной обороне. Решение определяется не просто ответом на вопрос, является ли то или иное действие «насильственным» или «ненасильственным». Это только две конкретные категории среди широкого ряда других, ясно различимых видов действий, включая уничтожение собственности. Хотя проблема совместимости этих методов с методами общественной обороны очень важна, решение не всегда лежит на поверхности.

Судя по всему, действия, не попадающие ни в категорию военного сопротивления, ни в категорию ненасильственной борьбы, не составляют или почти не составляют такой проблемы. Эти действия могут включать изъятие важнейших деталей из станков и транспортных средств; сливание безопасными методами горючего для автотехники; уничтожение без риска для жизни записей, дел, компьютерной информации правительственных отделов и учреждений (таких, как полиция). Столь же совместимыми с общественной обороной являются повреждение или полное уничтожение своей же собственности в целях предотвращения ее захвата и использования агрессорами в будущем. Например, разрушение важнейших мостов или тоннелей в целях блокирования наступающей армии.

Однако явную опасность для эффективности ненасильственной борьбы представляет разрушение и повреждение оборудования, транспорта, зданий, мостов, установок и пр. там, где эти действия представляют угрозу для жизни или здоровья людей. Это суждение не столько этически, сколько прагматично. Хотя дальнейшая проверка подобных фактов заслуживает внимания, можно и без нее предсказать, что в лучшем случае они крайне рискованны, а в худшем - нецелесообразны применительно к задачам общественной обороны. Как показал опыт борьбы за Рур в 1923 году, этот вид саботажа может убивать не только солдат и коллаборационистов, но также и собственное население. К тому же такие действия могут способствовать усилению

репрессий, переводу направления борьбы с ненасильственного сопротивления на разрушение собственности, а также уменьшению симпатии и поддержки к участникам сопротивления. Во время борьбы за Рур такой вид саботажа содействовал подрыву прежде мощного ненасильственного сопротивления. Поэтому разрушения и подобные акты лучше полностью исключить из арсенала средств общественной обороны.

Не всякая борьба, использующая методы общественной обороны, будет одинаково успешна, и нет формулы, которая может гарантировать победу. Тем не менее, в целом можно отметить, что эффективность общественной обороны будет зависеть, по крайней мере, от семи факторов (они снова перечислены не в порядке их значимости):

- воля населения обороняться от нападения;
- внутренний потенциал подвергшегося нападению общества;
- способность населения и институтов общества сохранять контроль над источниками силы власти и не отдавать их агрессорам;
- стратегическая прозорливость участников обороны;
- способность участников обороны не позволить агрессорам достичь их целей;
- способность обороняющегося гражданского населения выполнить требования эффективной ненасильственной борьбы, включая поддержание ненасильственной дисциплины и сопротивления, несмотря на репрессии;
- способность защищающихся довести до крайности уязвимые стороны системы и режима агрессоров.

Сопротивление насилию агрессора

Людам необходима информация о том, как выдержать напряжение борьбы, им также нужны силы для упорного продолжения сопротивления вопреки репрессиям. Им необходимо знать, как трансформировать значительные достижения промежуточного этапа в полный и окончательный успех. Понимание, планирование и продуманные согласованные действия будут спо-

собствовать мобилизации населением его потенциальной силы и возрастанию обороноспособности.

Успех ненасильственных методов в большой степени зависит от постоянства их применения вопреки репрессиям и от ненасильственной дисциплины, невзирая на провокации. Переход к насилию может превратить асимметричный конфликт с использованием ненасилия против применения оружия (дающего огромные преимущества обороняющемуся гражданскому населению) в симметричный, в котором обе стороны используют оружие (обычно предоставляющий большие преимущества лучше оснащенному агрессору).

Репрессии против участников общественной обороны могут быть жестокими. Участники сопротивления, их родственники и друзья могут подвергаться арестам, пыткам, казням. Все население может быть лишено пищи, воды и горючего. Демонстранты, забастовщики и отказывающиеся выполнять свои обязанности гражданские служащие могут быть расстреляны; мэры, члены городского совета, учителя и духовенство - отправлены в концентрационные лагеря; заложники - казнены. Возможна даже кровавая расправа с участниками протеста. Нельзя недооценивать количество человеческих жертв, связанных с общественной обороной. Эти и другие потери необходимо, впрочем, сравнивать с гораздо большими издержками обычных и партизанских войн, не говоря уже о жертвах ядерной войны. В случае острого конфликта страдание и смерть всегда неизбежны. При этом ненасильственное сопротивление обладает тенденцией к минимизации потерь и разрушений. Как отмечалось в третьей главе, по имеющимся сведениям, число убитых и раненых в результате ненасильственного сопротивления составляет лишь малую долю потерь по сравнению с результатами обычных, и особенно партизанских войн.

Как в любом серьезном конфликте, включая войны, отступление или капитуляция перед насилием агрессоров недопустимы. Участники общественной обороны не должны быть застигнуты врасплох жестокими репрессиями и зверствами. Если такие меры все же будут применяться, защищающиеся не дол-

жны прекращать сопротивление. Зачастую репрессии - это реакция на осознание того факта, что сопротивление в самом деле представляет реальную угрозу для успеха агрессии. Какими бы жестокими ни были действия агрессора, любая попытка остановить их с помощью ослабления или прекращения сопротивления приведет к тому, что агрессоры в будущем будут повторять свои действия в еще более жестокой форме, так как эта попытка привела к повинению, а именно этого они и добивались.

Обороняющиеся не должны сдаваться перед фактом насилия, однако они могут обратиться к другим методам ненасильственных действий, в той или иной степени направленных против агрессора. Появление жертв в результате ненасильственной борьбы может привести в действие процесс «политического джиуджитсу», который во многих случаях является решающим для достижения успеха.

Две стратегии начальной стадии борьбы

Нельзя создать единой модели для каждого случая общественной обороны. Однако можно выделить некоторые из возможных основных компонентов и стратегий общественной обороны.

Когда не удастся предотвратить вторжение или внутреннюю узурпацию власти ни с помощью эффекта сдерживания в подготовке общественной обороны, ни разубеждающих действий внешней и внутренней политики, наступает время привести в действие оборонную политику. Необходимо сразу, на первой же стадии нападения, применить определенный вид оборонной стратегии. Очень важно, чтобы подвергшееся агрессии общество предприняло серьезные попытки захватить инициативу в борьбе, а не просто отвечало бы на действия нападающих.

Первоначальная оборонительная стратегия, скорее всего, примет одну из двух основных форм: первая предусматривает распространение информации о готовности защищающихся сопротивляться, а также предупреждение о возможности острой борьбы в будущем, тогда как другая, тоже связанная с распро-

странением информации, предполагает продемонстрировать в действии более серьезные виды сопротивления, которые, вероятно, будут использованы на более позднем этапе.

Не существует исторических прецедентов единой разработанной стратегии, хотя некоторые ее элементы уже встречались ранее. Так, в Чехословакии в 1968 году были использованы различные методы начальной стадии борьбы, которые в данной книге рассматриваются как элементы обеих стратегий, например, живая цепь, блокирующая мосты, по которым должны были проходить советские танки; распространение листовок среди советских солдат; проведение символических забастовок; выпуск Национальным Собранием декларации протеста; остановка участниками сопротивления продвижения советских танков по Праге. Комбинация таких методов как часть тщательно спланированной общественной обороны, скорее всего, прибавит им гораздо больше значимости, чем действия, которые обычно предпринимались в случаях импровизированного ненасильственного сопротивления в прошлом.

Стратегия оповещения и предостережения задумана не как сопротивление, а как средство информации. Эта стратегия адресована в основном агрессорам, но, кроме того, третьей стороне и даже собственному населению. Слова и символические акты информируют агрессора о том, что общество будет защищаться с помощью широкомасштабной, последовательной, хорошо подготовленной общественной обороны. Эта стратегия, возможно, более приемлема против внешнего вмешательства, чем против государственных переворотов или узурпации исполнительной власти, где с самого начала могут потребоваться стойкое несотрудничество и открытое неповиновение. Тем не менее, важные элементы этой стратегии можно сочетать с массовым несотрудничеством.

Первоначальные действия, использующие стратегию оповещения и предостережения, будут относительно мягкими по сравнению с дальнейшей стратегией несотрудничества и неповиновения, но это не означает, что такие действия не важны. Распространение информации о намерении и в будущем прово-

дить жесткое ненасильственное сопротивление можно сравнить с эффектом нацеленного и заряженного револьвера по сравнению с последующим выстрелом.

Стратегия «ненасильственного блицкрига» может в отличие от стратегии оповещения принимать форму наглядной демонстрации массового ненасильственного сопротивления и неповиновения, возможно, в комбинации с некоторыми методами стратегии оповещения. Стратегия «блицкрига» применима против внутренней узурпации власти, а иногда против иностранной агрессии или государственного переворота, поддерживаемого иностранными войсками.

Такой «ненасильственный блицкриг» может принимать формы широкомасштабного отрицания власти захватчиков, всеобщих забастовок, массового политического несотрудничества, повсеместного обращения к войскам нападающих и других подобных мер (более подробно они будут рассмотрены ниже.) Вероятность того, что солидарность защитников сможет заставить агрессора быстро ретироваться, обычно довольно мала, однако при определенных обстоятельствах их действия могут иметь успех. В любом случае стратегия «блицкрига» может информировать все заинтересованные стороны, что агрессия будет встречена твердым отпором.

Стратегия оповещения и предостережения

Пользуясь этой стратегией, участники общественной обороны стремятся словами и действиями передать информацию о том, что они будут вести решительную и массовую оборонительную борьбу того типа, с которым особенно трудно справиться.

Часть этой информации предназначена для оповещения лидеров агрессоров. В своих действиях они могут не принимать во внимание твердую готовность населения сопротивляться нападению. Агрессоры также могут недооценивать серьезность и силу общественной обороны, особенно если это был первый среди хорошо подготовленных случаев применения данной политики. В каждой из этих ситуаций всегда есть небольшой

шанс исправить неверные представления агрессоров и заставить их отложить нападение, позволяя им при этом сохранить достоинство.

В случае вторжения предупреждение и информация должны прямо или косвенно адресоваться населению страны агрессора. В случае государственного переворота предупреждение будет направлено на собственное общество. И в том, и в другом случае необходимо предоставить населению правдивую информацию об агрессоре. Так как члены правительства или военачальники могут сами участвовать в узурпации власти или «пригласить» иностранные войска (вначале Советы пытались использовать этот прием в Чехословакии), важно, чтобы население могло выявить и оказать сопротивление неконституционным и незаконным действиям собственных «лидеров». Вероятность этого более реальна, если защитники будут использовать не военные, а ненасильственные методы борьбы. В прошлом люди иногда пассивно подчинялись военным переворотам, в основном чтобы избежать гражданской войны.

Слова и действия, используемые для передачи информации о намерении обороняться и о средствах обороны, будут также направлены на соседние страны, на международное сообщество в целом, а при наличии международных договоров по проблемам общественной обороны - и на союзников. Передача информации обеспечит основу для: (а) - необходимой помощи стране, на которую совершено нападение; (б) - избежания действий, которые могут повредить обороне и (в) - международно-го, дипломатического, морального, экономического и политического давления на агрессоров.

Оповещение и предупреждение, адресованные агрессорам, будут также услышаны и собственным народом. Описание предлагаемых оборонительных действий будут, безусловно, важны для той части населения, которая не принимает активного участия или неправильно информирована об оборонной политике. В случае, когда общественная оборона подготовлена правильно, это не столь важно.

Радио, телевидение, газеты и листовки могут прямо использоваться лидерами страны и местным руководством для непосредственной связи с обороняющимся населением. Хотя и незапланированное заранее, использование радио, телевидения и газет все же было начато в Чехословакии с первых дней вторжения и оккупации. Радиовещанию, которое помогало ориентировать население в проблемах ненасильственного сопротивления, придавалось большое значение. Запланированное и подготовленное заранее использование средств массовой информации было бы еще более полезным.

Независимо от того, адресована ли информация агрессору или населению страны, подвергшейся нападению, народ получит гораздо больше сведений, чем только «новость» о нападении. Народ также узнает, что все общество вовлекается в жизненно важную оборонительную борьбу, в которой сам он играет значительную роль. Этот факт поможет осуществлению конкретной подготовки и действий населения в районах проживания, на рабочих местах, а также будет способствовать росту духа сопротивления у населения в целом.

В этот период необходимо остерегаться местных сторонников захватчиков (коллаборационистов), а также тех, кто оппортунистически стремится обогатиться за счет новой власти или занять выгодные посты. Словами и действиями им необходимо дать понять, что общество намерено упорно обороняться, а коллаборационисты, предавшие собственный народ, могут стать объектами постоянного противодействия. Хотя к ним необязательно будут применяться физические меры воздействия, им непременно будут препятствовать в получении какого бы то ни было вознаграждения от агрессоров.

Оккупационные войска и местные функционеры станут особенно важными мишенями на этой стадии борьбы. Они могут быть заранее дезинформированы по поводу ситуации в обороняющейся стране, о настроении населения или о режиме и характере страны, в которую они вторглись. Один из основных способов предотвращения переворота или оккупации - это

уменьшение или полное прекращение проявления лояльности, надежности и подчинения в рядах оккупационных войск и среди местных функционеров. Для того, чтобы освободить их от заблуждений и заставить понять свою роль и ответственность, необходимо предоставить им подлинную информацию. Участники общественной обороны должны будут донести до войск и оккупационных властей информацию о наиболее важных моментах конфликта, о сущности подвергшегося нападению общества, об истинных целях агрессора, а также дать понять, как важно для народов обеих противоборствующих сторон остановить нападение и прекратить оккупацию.

Участники обороны должны будут также довести до сведения агрессора, что, хотя сопротивление будет серьезным, последовательным и решительным, оно будет носить особый характер. Его целью станут отражение атаки и защита общества без непосредственной угрозы для жизни и личной безопасности агрессора. Такая информация и действия могут быть весьма полезны в целях дезинтеграции войск и должностных лиц противника.

Распространение подобной информации заложит фундамент для будущих воззваний. В них можно будет обращаться к солдатам и должностным лицам с просьбой сознательно избегать жестокостей в проведении репрессий, различными путями содействовать сопротивляющемуся населению, игнорировать приказы о применении карательных мер, поднимать мятежи или дезертировать, скрываясь в сельской местности или среди способного оказать содействие местного населения. Благодаря таким мерам при определенных обстоятельствах способность нападающих подавлять и управлять рано или поздно иссякнет.

Различные средства распространения информации будут использоваться для оповещения всех этих социальных групп. Информация может передаваться с помощью писем, листовок, газет, личных бесед, радио и телевидения, аудио- и видеокассет, лозунгов на стенах, плакатов и воззваний. Используются также графические изображения различных символов, вызывающие определенные цветовые ассоциации, развевающиеся на-

циональные флаги, приспущенные флаги, звон колоколов, проведение минуты молчания, сирены, подходящие к данному моменту песни и множество других вариантов подобных методов. Все они должны быть внимательно проработаны и использованы таким образом, чтобы произвести эффект, необходимый на данной стадии оборонительной борьбы.

При взаимодействии с силами агрессора могут также использоваться чисто символические акты и препятствия. Например, люди могут блокировать своими телами - стоя, сидя или лежа - мосты, магистрали и улицы, въезды в города, поселки и входы в здания. Все эти действия основываются прежде всего на их психологическом или моральном воздействии. С другой стороны, можно использовать и механические препятствия. Например, население может блокировать основные магистрали и аэропорты брошенными машинами или демонтировать технику, чтобы сделать морские порты, аэропорты и железные дороги непригодными для использования. Хотя некоторые механические препятствия и в самом деле способны приостановить продвижение войск или оккупацию определенных местностей и сооружений, все же они носят временный характер и поэтому в первую очередь обладают психологическим воздействием.

На начальной стадии сопротивления можно символически применять и другие методы. К ним относится временное применение таких методов несотрудничества, как всеобщая забастовка, остановка производства, массовый невыход из дома (в этом случае все города и поселки кажутся вымершими) или закрытие всех государственных учреждений. Это кратковременное использование тех самых методов, которые затем в большем масштабе применяются при «ненасильственном блицкриге» и в длительной оборонительной борьбе. 23 августа 1968 года, всего лишь полтора дня спустя после вторжения сил стран - участниц Варшавского договора, чехи провели одночасовую забастовку протеста, вызвавшую почти полную остановку производства. Подобные непродолжительные акции попросту демонстрируют потенциал борьбы. Они не только заявляют об оппозиции и о намерении народа сопротивляться, но также показывают неко-

торые более мощные и серьезные оборонительные средства, которые будут применены в случае продолжения атаки.

При разработке первоначальной стратегии оповещения и предостережения защищающиеся могут применять театрализованные формы воздействия. Они могут включать массовые нарушения комендантского часа, проведение коллективных уличных вечеринок (включая войска противника), упорное игнорирование нового руководства и массовые попытки скомпрометировать лояльность армии и бюрократического аппарата.

Для населения, подвергшегося атаке, подобные первоначальные действия могут послужить напоминанием о его намерении сопротивляться решительно и твердо, о методах сопротивления, о необходимости готовить себя к выполнению своих обязанностей в соответствии с предварительной подготовкой и текущими нуждами борьбы.

Трудно предсказать, какие меры предпримут нападающие в ответ на эти изначальные формы оповещения и предостережения. Даже в аналогичных ситуациях они могут варьироваться от очень мягких до крайне жестоких.

Стратегия «ненасильственного блицкрига»

Во втором первоначальном стратегическом варианте, представленном ниже, население и институты общества немедленно начинают большую кампанию открытого неповиновения и практически всеобщего несотрудничества. Эта стратегия, вероятно, будет применяться, когда нападающих считают относительно слабыми, нерешительными или же неединодушными в их первоначальном желании напасть, а также в том случае, когда защищающееся общество считает себя сильным, а свою оборонную способность расценивает как мощную и хорошо подготовленную. Цель такой стратегии - убедить нападающих быстро отозвать свои вооруженные силы в связи с массовым неповиновением населения. Подобная стратегия может принимать различные формы - всеобщей забастовки, остановки производства, эвакуации городов, отказ покинуть помещения, па-

ралича политической системы, игнорирования требований нападающих, демонстраций или же ухода с улиц, оставляя их безлюдными, массовых попыток «обратить» агрессора, публикаций в газетах материалов протеста, освещения информации о нападении и сопротивлении по радио и телевидению. Существует также множество других вариантов.

Такое массовое неповиновение может быть направлено и на то, чтобы довести до сведения руководства противника следующее: первое - что участники общественной обороны способны вести борьбу, которая может лишить нападающих плодов победы, и второе - что эффект длительных оборонительных действий защитников и их воздействие на моральные устои, лояльность и подчинение армии и бюрократического аппарата может оказать роковое влияние на надежность последних.

Даже если подобная стратегия не приводит к быстрой победе, эффективно проведенный «ненасильственный блицкриг», по крайней мере, открыто оповещает нападающих о намерении общества самозащитаться. Он демонстрирует в действии суть используемого метода обороны, а также предупреждает о последующих трудностях в случае, если нападающие не выведут войска. Когда стратегия с самого начала разработана с подобными целями, грани между первоначальной стратегией и последующей оборонительной борьбой стерты.

Участники общественной обороны не должны рассчитывать на то, что одна из двух первоначальных стратегий обороны обязательно принесет победу на этой стадии конфликта. Для быстрого успеха требуются не только крайне активные первоначальные действия участников общественной обороны, но и наличие несколько нетрадиционного командования вооруженными силами противника (или же замена прежнего командования на другое, менее преданное идее нападения). Руководство должно иметь смелость признать ошибку или найти возможность спасти свой авторитет при отступлении. Только такие маловероятные обстоятельства могут сделать возможным быстрое завершение борьбы.

Если за стратегией «ненасильственного блицкрига» и не следует быстрая победа, определенные результаты, тем не менее, будут достигнуты - защищающиеся проведут мобилизацию собственных сил и сообщат как о своих намерениях сопротивляться, так и об особом характере своей оборонительной борьбы. Это сходно с результатами применения стратегии оповещения и предостережения. В такой момент было бы целесообразно сменить стратегию на более подходящую для длительной борьбы и более сплоченную противостоять конкретным целям нападающих.

Что бы ни произошло на начальной стадии, защитники должны быть готовы вести оборону, предполагая, что борьба будет тяжелой и продолжительной. Независимо от того, применялась ли на начальной стадии стратегия оповещения и предупреждения, или стратегия «ненасильственного блицкрига», или и то, и другое (в комбинации или произвольной последовательности), в какой-то момент первоначальный период подойдет к завершению, и придет время переходить к более длительной и серьезной оборонительной борьбе.

Стратегия оборонительной борьбы

В военных конфликтах участники обороны тоже могут пытаться достичь быстрой, явной победы. Тем не менее, неудача в достижении этих целей совсем необязательно приводит к деморализации или ощущению поражения. Напротив, требуется изменить стратегию для последующей стадии борьбы. Это справедливо и по отношению к гражданской оборонительной войне. Начальную кампанию надо рассматривать просто как вводный этап ненасильственной борьбы, который подобно военным действиям может потребовать длительного времени и значительных усилий для достижения победы. Следовательно, переход к новой стратегии, более подходящей для следующего этапа борьбы, не является основанием для деморализации. Напротив, эта замена демонстрирует, что участники обороны овладели инициативой по проведению такой борьбы, которая в конце концов приведет к победе.

Используя преимущества планирования и подготовки, можно наметить общий план для определения вариантов и обстоятельств, при наличии которых население должно протестовать и воздерживаться от сотрудничества, независимо от специальных инструкций какой-либо оборонной организации. Тогда в кризисной ситуации можно будет начать такое сопротивление, даже если будут захвачены определенные руководящие группы или эффективно заблокированы каналы связи. При таком плане не возникнет необходимости в выпуске специальных директив. Мер, применяемых агрессором, будет достаточно, чтобы привести в действие силы обороны. Конкретные проблемы или обстоятельства, определенные в общем плане начала «всеобщего сопротивления», могут варьироваться в зависимости от общества. Скорее всего, они должны включать попытки нападающих установить марионеточное правительство или захватить руководство политическими институтами общества; попытки уничтожить автономию организаций и институтов общества; стремление контролировать систему образования, религию и политическое мировоззрение; попытки навязать цензуру или подавить свободу слова; пропаганду официальной идеологии и проведение жестоких репрессий и казней во всех слоях общества.

Наряду с предварительным определением этих пунктов и ознакомлением населения с широким диапазоном методов общественной обороны, население и институты общества могут по собственной инициативе начать подобное всеобщее сопротивление, с уверенностью в правильности своего стратегического решения. Спланированное всеобщее сопротивление открывает путь к использованию энергии спонтанного сопротивления, в то же время позволяя избежать ее потенциально вредного эффекта, возникающего в результате упрощенного анализа проблем или недисциплинированного, неадекватного поведения.

Предварительно разработанный общий план всеобщего сопротивления усложнит выпуск противником от имени лидеров обороны дезинформационных «инструкций по сопротивлению», использование которых привело бы к прекращению обороны и помогло бы агрессорам добиться своих целей. Подобные ин-

струкции, явно противоречащие стандартам, задолго до того описанным в учебниках по обороне, а также в специальных брошюрах и пособиях, легко могут быть распознаны и разоблачены как провокационные.

В противоположность всеобщему спонтанному сопротивлению, организованное сопротивление должно включать такие оборонительные действия, для проведения которых требуются специальные директивы организаций сопротивления, а также действия, подразумевающие предварительное планирование и коллективную подготовку. Организованное сопротивление можно вести до тех пор, пока руководство обороной будет иметь возможность действовать и будет сохраняться связь с широкими массами населения. Поскольку этот вид сопротивления обладает преимуществами тщательного стратегического анализа и планирования, то вероятность успеха конкретных операций может увеличиться.

Столкнувшись со стратегическими проблемами длительной обороны, ее участники могут применить одну из двух основных стратегий: массовую кампанию *тотального несотрудничества*, подобную «ненасильственному блицкригу», или любую форму *выборочного сопротивления*. Для достижения конкретных целей в оборонительной борьбе участники общественной обороны в зависимости от ситуации могут использовать одну из этих основных стратегий.

Тотальное несотрудничество

Эта стратегия называется также «тотальным сопротивлением». Она включает в себя отказ всего общества от *любого* сотрудничества - политического, экономического и социального - с режимом и политикой захватчиков. В принципе она может применяться на определенных стадиях оборонительной борьбы. Однако тотальное сопротивление необычайно трудно применять на практике, за исключением весьма ограниченных промежутков времени. Для длительного его применения требуется исключительно сильное, хорошо подготовленное и самодостаточное общество. Последствия тотального несотрудничества могут

быть серьезными из-за того, что остановка большого количества важных экономических объектов может привести к невосполнимым потерям. Эта цена высока, даже если нападающие не применяют жестоких репрессий. Защищающееся население должно быть в состоянии пережить оборонительную борьбу, которая может растянуться на месяцы и даже годы, как это происходит с большинством войн. Следовательно, необходимо провести соответствующую подготовку, включая обеспечение запасами пищи, воды и горючего. Из-за таких жестких требований тотальное несотрудничество вообще не может быть использовано в определенных ситуациях применения общественной обороны.

Если стратегия тотального несотрудничества используется на протяжении основного периода обороны, который следует за начальным периодом, то, скорее всего, ее следует применять временно, для того, чтобы решить конкретные задачи. Защищающимся нужно тщательно выбирать моменты эффективного использования этой стратегии, которая не должна применяться без соответствующей подготовки в течение продолжительного периода времени. Она также не должна быть просто эмоциональной реакцией на нападение само по себе или на особо жесткие действия противника. Впрочем, и в таких ситуациях можно использовать продуманно выбранную стратегию тотального несотрудничества.

Тотальное несотрудничество, вероятно, лучше всего применяется лишь в четко ограниченных ситуациях, чтобы в рамках общей стратегии достичь конкретных целей, используя в основном избирательное сопротивление. Проиллюстрируем это на нескольких примерах. Предположим, что участники общественной обороны в течение длительного периода проводили избирательное сопротивление против конкретной политики нападающих. Например, захватчики могли попытаться навязать церкви действенный политический контроль. В результате избирательного сопротивления их действия были значительно ослаблены или вообще блокированы, однако нападающие все же не оставили попыток навязать свою политику. В этом примере сопротивление церкви и других структур общества оказалось

слишком сильным для нападающих, и они временно отказались от попыток ликвидировать независимость церкви, хотя попытались возобновить атаку при первой же возможности. С целью принудить нападающих полностью отказаться от этой политики можно будет позже применить стратегию тотального несотрудничества. Полный отказ всех слоев общества иметь дело с захватчиками, их организациями и законами можно использовать для того, чтобы заставить нападающих, когда их позиции слабы, дать публичное обещание признавать и уважать автономию религиозных организаций.

Непродолжительное тотальное сопротивление может быть использовано в случае применения жестоких репрессий против демонстрантов или против населения в целом, чтобы продемонстрировать решимость бороться и явное неповиновение. Для достижения такой ограниченной цели обычно бывает достаточно одного дня. Подобная акция не должна затягиваться надолго, за исключением тех случаев, когда ясно, что позиции противника явно ослаблены (например, войска на грани мятежа), или же в результате других потенциально опасных ситуаций. Продолжительное использование стратегии тотального сопротивления должно быть ограничено ситуациями, когда способность нападающих поддерживать контроль уже существенно ослаблена, а позиции защищающихся при проведении тотального несотрудничества достаточно сильны, несмотря на вероятность жестоких репрессий.

Эту стратегию можно также применить и на заключительной фазе длительной борьбы, которая преимущественно состояла из различных кампаний избирательного сопротивления. Однако условия для тотального несотрудничества должны быть подготовлены. Цель тотального сопротивления на данном этапе - нанести нокаутирующий удар, который разрушит режим захватчика, лишит его способности продолжать рискованное мероприятие и восстановит независимость и свободу общества.

За исключением вышеперечисленных стратегий основной движущей силой общественного сопротивления должна стать стратегия избирательного сопротивления.

Избирательное сопротивление

При использовании данной стратегии оборонительная борьба концентрируется на определенных жизненно важных социальных, экономических или политических проблемах. Эти проблемы выбраны потому, что они играют ключевую роль в сохранении всей социальной и политической системы вне контроля нападающих. Эту стратегию можно назвать также ненасильственной позиционной войной или «сопротивлением по ключевым пунктам». В разные периоды этой борьбы различные группы населения будут преследовать свои конкретные цели. Эта стратегия может быть направлена попеременно на достижение различных целей, для того чтобы не допустить полного контроля агрессоров над обществом.

Стратегия избирательного сопротивления намеренно концентрирует свои действия на конкретных целях, особенно важных для оборонных усилий. Эта стратегия способствует фокусированию обороны вместо ее рассеивания. К тому же она менее изнурительна. В большинстве случаев основная нагрузка по ведению обороны будет перемещаться от одной группы населения к другой, по мере изменения конкретных задач и проблем сопротивления. При выборе направлений избирательного сопротивления необходимо обратить внимание на шесть основных проблем:

- Каковы основные цели захватчиков?
- Что может помешать агрессорам захватить или поддерживать контроль над государственным аппаратом обороняющегося общества или над его значительной частью?
- Что может помешать агрессорам ослабить или разрушить независимость институтов общества и способность к сопротивлению?
- Что может сконцентрировать оборонный потенциал на особенно уязвимых моментах системы, режима или политики агрессоров, которые в случае попадания в них создадут угрозу для достижения захватчиками их целей и для продолжения их рискованного мероприятия?

- Что может помочь обороняющимся использовать свои самые сильные качества, возможности и группы населения (избегая использования слабых) для совершенствования обороны?

- Какие конкретные случаи олицетворяют основные принципы и цели борьбы, помогающие поднять дух сопротивления защитников и представить цели и средства нападающих как крайне несправедливые и заслуживающие порицания?

Особенно важно направить избирательное сопротивление на те моменты, которые могут лишить нападающих их основных целей. Это важно еще и потому, что, как отмечалось во второй главе, власть всех правителей зависит от источников силы власти, которые могут быть сознательно ограничены или блокированы отказом защищающихся от сотрудничества, поддержки и повиновения.

Например, если агрессия являла собой государственный переворот или узурпацию исполнительной власти, то защитники конституционного правительства должны сделать невозможным для узурпаторов консолидацию контроля над государственным аппаратом и обществом в целом. Обороняющиеся могут достигнуть этого, настаивая на соблюдении конституционных принципов, отрицая полномочия захватчиков и препятствуя их контролю над государственным аппаратом и обществом в целом. Гражданские служащие, чиновники, государственные агентства, государственные и местные органы управления, полицейские ведомства и практически все институты общества, как и население в целом, могут на практике применять несотрудничество. Такие методы, как было отмечено в первой главе, широко использовались против путча Каппа. Влияние подобных мер может быть гораздо сильнее, если используются преимущества подготовки. Результатом может стать отрицание законности и предотвращение консолидации эффективного контроля.

Если лидеры иностранного государства совершили нападение в целях установления марионеточного правительства, то необходимо предотвратить сотрудничество с захватчиками на всех уровнях. Потенциальные коллаборационисты должны быть изолированы, необходимо предотвратить установление контроля над

различными ведомствами, административными структурами, полицейскими подразделениями, тюремной системой и армией. Защищающиеся должны также отрицать законность любого нового режима, коллективно и повсеместно отказываясь от повиновения и сотрудничества и настаивая на своей лояльности принципам и постулатам предыдущего режима.

Например, полиция может отказаться разыскивать и арестовывать участников патриотического сопротивления. Журналисты и редакторы откажутся подчиняться цензуре и будут продолжать выпуск газет в нарушение запретов, как это было в Польше во время военного положения в 80-х годах. Радиопередачи, поддерживающие сопротивление, будут транслироваться с помощью тайных передатчиков, как было в Чехословакии в 1968 году. Священники будут проповедовать отказ захватчикам в помощи, как это практиковалось и протестантским, и католическим духовенством во время оккупации Голландии фашистами.

Политические деятели, гражданские служащие и судьи, игнорируя или отрицая незаконные приказы врага, не допустят вмешательства агрессора в обычный ход работы государственного аппарата и судопроизводства. Юридическое несотрудничество может стать другим активным оружием. Судьи могут объявить «представителей власти» внутренних узурпаторов или иностранных захватчиков вне закона. Они могут продолжать действовать на основе законов и конституции, существовавших до вторжения, и отказываться от оказания моральной или юридической помощи захватчикам, даже перед фактом закрытия судов. Гражданские служащие и чиновники могут время от времени проводить забастовки или практиковать «работу без сотрудничества». То есть они могут настаивать на выполнении установленной законом политики, программ и служебных обязанностей, с безразличием относясь к приказам противника или открыто не подчиняясь им.

Если захватчики предприняли атаку для достижения экономических целей, то защищающиеся должны уделить особое внимание тому, чтобы не допустить осуществления этих целей. Этого можно достичь, если ученые, рабочие, инженеры, бю-

рократический аппарат и все государственные учреждения будут отказываться от сотрудничества и содействия. Отказ от сотрудничества может применяться во всех важных сферах жизни общества, как, например, на разработках полезных ископаемых, в исследованиях, планировании, транспортировке, производстве, снабжении энергией и запчастями, при контроле качества, упаковке и отгрузке. Так, например, рабочие и менеджеры могут затруднить разграбление страны с помощью избирательных забастовок и задержек, как это было в Руре в 1923 году.

Если цель нападения идеологическая, тогда важно сорвать попытки дискредитировать принципы защищающегося общества и навязать населению политические убеждения захватчиков. Это можно осуществить, применяя различные формы несотрудничества со стороны отдельных лиц и институтов, вовлеченных в систему образования, религии, средств массовой информации, издательской деятельности, молодежных движений и правительства. Так, учителя могут отказаться от проведения пропаганды в школах (см. в третьей главе пример с Норвегией). Попытки контролировать школы могут натолкнуться на отказ изменить школьную программу или использовать пропаганду захватчиков. При этом прежняя система образования сохраняется до тех пор, пока это возможно, ставя злободневные проблемы во главу угла. Если потребуются, школы могут самопроизвольно закрываться, и занятия будут проводиться на дому. Такая, не предусмотренная законом система образования действовала, к примеру, в оккупированной нацистами Польше. В дополнение к неприятию контроля над системой образования и школьной программой учителя могут проводить беседы с учащимися, растолковывая преимущества свободомыслия, необходимость демократии и ее практического применения.

Избирательное сопротивление может понадобиться для защиты независимых институтов общества, центров общественного влияния, о которых упоминалось во второй главе. Захватчики могут попытаться установить тотальный контроль над обществом, желая искоренить возможность действенного сопротивления их новому порядку, или перестроить все общество по тоталитарной

модели. Поэтому они будут стремиться уничтожить автономию всех существующих независимых институтов общества, оставить их только в выхолощенных подчиненных формах или разрушить совсем. Или же нападающие могут создавать новые централизованно управляемые институты, которые соответствовали бы их тоталитарной модели и были бы способны контролировать собственных сотрудников. Контролируемая фашистами организация норвежских учителей, с которой боролось движение сопротивления, была примером одной из таких организаций. Поражение этого и подобных ему начинаний в других сферах профессиональной деятельности предотвратило создание в Норвегии корпоративного государства. Такие попытки навязывания контроля над институтами общества становятся мишенями избирательного сопротивления. Планирование и подготовка обороны должны помочь населению осознать важность такого сопротивления и содействовать успеху борьбы.

Избирательное сопротивление должно также концентрироваться на особенно уязвимых моментах режима захватчиков, а также на лояльности и надежности их войск и бюрократического аппарата.

Естественно, не стоит предполагать, что нападающие будут приветствовать такие энергичные оборонительные усилия, хотя бы и ненасильственные. Надо ожидать, что они будут использовать любые средства, которые, по их мнению, смогут эффективно остановить, нейтрализовать или подавить сопротивление. Как уже обсуждалось в третьей и в данной главе, участники общественной обороны, продолжая оборонительные действия, должны быть готовы к любым репрессиям, а значит, они должны быть готовы ввести в действие процесс «политического джиу-джитсу». Упорное неповиновение и крепкая ненасильственная дисциплина могут превратить рискованное предприятие в слишком дорогостоящее для нападающих, заставить их пересмотреть свои позиции, остановить агрессию или даже уничтожить власть и режим захватчиков. По мере того, как нападающие ослабевают, а силы обороняющихся возрастают, различные

варианты кампаний избирательного сопротивления неуклонно приближают участников обороны к победе.

В то время как некоторые кампании общественной обороны могут быть относительно непродолжительными, конфликт может продолжаться довольно долго. В последнем случае становится очевидно, что борьба будет напряженной. Меры подавления нападающих могут быть крайне суровыми и сопровождаться большим риском и множеством потерь для участников обороны. В худшем варианте многие могут быть напуганы и деморализованы, как это произошло в последние месяцы кампании за Рур. Кроме того, люди устают и нуждаются в отдыхе.

Иногда могут помочь изменения в стратегии, в частности, перенос ответственности за гражданские выступления с одной группы населения на другую. Помогает также выбор такой тактики, при которой сопротивление концентрируется на более специфических и менее важных проблемах.

В тех случаях, когда участники сопротивления устали от продолжительной борьбы, нецелесообразен широкомасштабный переход к борьбе с применением насилия, ибо совершенно очевидно, что шансов на успех с помощью таких средств будет немного, а число жертв может заметно возрасти. Тем не менее, определенные небольшие группировки или отдельные личности могут предпринимать безнадежные попытки, типа террористических актов или покушений. Хотя такие акты могут принести удовлетворение как непосредственным исполнителям, так и их сторонникам, они, тем не менее, почти наверняка повлекут за собой усиление репрессий и политические уступки. И что гораздо важнее - такое насилие всячески подрывает эффективность ненасильственного сопротивления. Переход к насилию потребует большей конспирации и, следовательно, сократит число участников сопротивления до небольших тайных групп. Таким образом, поддержание ненасильственной дисциплины является весьма важным фактором.

Даже при самых неблагоприятных обстоятельствах необходимо в той или иной форме продолжать сопротивление. Иногда, в определенных экстремальных ситуациях, оно может ча-

стично принять формы «культурного сопротивления». Подобное сопротивление выражается в том, что люди продолжают поддерживать важные элементы своего образа жизни, языка, обычаев, убеждений и обрядов. В тех случаях, когда крупные организации и институты общества, на которых базировалось сопротивление, нейтрализуются, контролируются или уничтожаются, ненасильственные действия могут проводиться в одиночку или с помощью небольших, часто быстро распадающихся группировок. Подобное сопротивление получило название «микросопротивление». В такие трудные времена очень важно постоянно поддерживать дух народа, его стремление вновь обрести управление своим обществом и уверенность в конечной победе, какой бы нереальной она ни казалась. Для того, чтобы более эффективно действовать в подобных экстремальных ситуациях, необходимо проводить серьезные исследования по решению таких проблем и заниматься изучением и разработкой стратегий.

Иногда изменившиеся обстоятельства, неожиданные события, новые оборонные инициативы и обновленный дух и энергия могут привести к увеличению оборонной активности, и в борьбу вступает новое поколение с большими возможностями. В определенные моменты, на самой трудной стадии борьбы, значительные изменения, благоприятствующие ненасильственному сопротивлению, могут развиваться практически незаметно. Эти изменения включают появление или усиление сомнений, разногласий и недовольства в самом лагере захватчика.

Независимо от того, наступит или нет этот крайне тяжелый период, изменения в стратегии обороны все равно могут потребоваться по мере увеличения сил защитников. Так, например, вместо концентрации внимания в первую очередь на ограниченных кампаниях избирательного сопротивления могут появиться возможности для проведения все более широкомасштабного сопротивления. При благоприятных обстоятельствах возникает даже возможность перехода к тотальному несотрудничеству для нанесения нокаута. В других ситуациях могут потребоваться различные стратегии заключительных стадий борьбы. В любом варианте важно разработать конкретные меры, способные привести оборонительную борьбу к успешному завершению.

Международная поддержка общественной обороны

Страны, проводящие политику общественной обороны, могут принимать участие в самой разнообразной международной деятельности на двусторонней, многосторонней, региональной и всемирной основе. Такие страны не должны оказаться в изоляции по той простой причине, что они не обладают достаточной военной мощью (за исключением тех случаев, когда они сами выбирают этот путь). Значительная доля их международной активности мало связана с проблемами сдерживания и обороны. Некоторые их действия могут быть направлены на удовлетворение неотложных нужд, решение проблем, лежащих в основе конфликтов, снятие безосновательных подозрений и недоразумений, совершенствование взаимопонимания и дружбы. Такая деятельность может сократить количество и интенсивность будущих международных конфликтов.

Отчасти международное сотрудничество и взаимопомощь этих стран могут быть непосредственно направлены на подготовку и проведение общественной обороны. Сущность подобной оборонной политики отнюдь не предполагает такую степень секретности, которая необходима при принятии военных оборонных мер, что позволяет осуществлять широкий обмен знаниями и «ноу-хау» между странами, уже применяющими данную политику, и странами, изучающими ее. Эти страны могут взаимовыгодно обмениваться результатами исследований, политическим анализом, планами подготовки и обучения, а также сведениями о потенциальных противниках. Они получают возможность предоставлять друг другу информацию о стратегиях сопротивления в соответствии с видом нападения, о способах увеличения эффективности обороны, о методах поддержания сопротивления перед угрозой репрессий и способах удовлетворения материальных потребностей общества в случае нападения.

Основные исследования и планирование действий при различных вариантах обстановки в этих сферах, а также в подготовке и обучении на начальном этапе могут проводиться отдельной страной, частными организациями, несколькими странами или партнерами по совместному договору, региональ-

ными организациями или силами Организации объединенных наций. Эти же самые органы с помощью договоров или в ответ на отдельные кризисные ситуации могут предоставлять невоенную поддержку странам, придерживающимся общественной обороны, которым угрожает нападение.

Соответствующие случаю виды помощи включают:

- предоставление стране, на которую совершено нападение, доступа к издательским и радиовещательным службам;
- снабжение продуктами питания и медикаментами;
- повсеместное распространение информации относительно оборонительной борьбы и действий агрессора;
- усиление международных экономических и дипломатических санкций против агрессора;
- распространение среди войск, бюрократического аппарата и населения страны-агрессора информации о нападении (освещение наиболее острых проблем, характера сопротивления и проводимых репрессий, сведений о разногласиях среди сторонников захватчиков и о призывах покончить с агрессией и восстановить дружбу и сотрудничество между народами).

Любая международная поддержка чрезвычайно важна, однако основное бремя обороны ложится на население подвергшейся нападению страны. Ничто не может заменить чувство ответственности, тщательную подготовку и истинную мощь общественной обороны.

Успех или провал?

Нельзя недооценивать трудности, с которыми столкнутся нападающие, когда им будет противостоять хорошо подготовленная, продуманная общественная оборона. Способность ее участников мобилизовать волю к сопротивлению и прямому или косвенному подрыву источников силы власти нападающих может привести к значительным изменениям в соотношении сил. Обладая реальным внутренним потенциалом, стратегической и тактической мудростью, дисциплиной и упорством перед угрозой репрессий, а также

способностью наносить удары по уязвимым местам противника, участники общественной обороны будут способны расстроить планы противника и в конце концов разбить его.

При обсуждении политики ненасильственной обороны термин *успех* или *провал* следует употреблять в их точном значении. Это необходимо как для того, чтобы оценить эффективность любого применения общественной обороны, так и для сравнения этой политики с вооруженной обороной.

Успех в применении к общественной обороне измеряется ответом на вопрос: действительно ли защищающиеся достигли своих целей, то есть смогли ли они остановить нападение и восстановить способность независимо жить по собственным принципам и установкам.

Провал в применении к общественной обороне, напротив, означает, что нападающие добились своих целей.

Как и в случае вооруженной борьбы, не все попытки применения общественной обороны будут успешными. Данный вид борьбы, как и любой другой, может стать успешным только в результате выполнения требований для достижения его эффективности. Как уже отмечалось в третьей главе, военное поражение является результатом многочисленных материальных разрушений, человеческих жертв, деморализации населения и явной неспособности довести борьбу до успешного завершения. Подобные факторы могут (однако совсем не обязательно будут) сопровождать и провал действий общественной обороны.

Кроме того, случается, что одна из сторон на время набирает или теряет силу и добивается лишь некоторых из своих очередных целей. Участникам общественной обороны, вероятно, придется пережить трудное время больших страданий и многочисленных потерь. Но пока не иссякла их воля к сопротивлению, они будут пополнять ряды своих организаций и повышать свою способность вести ненасильственную борьбу. Участники обороны способны проявить смелость и упорство перед лицом репрессий и угроз и применить новые стратегии для создания более благоприятных для общего дела условий.

Даже явное поражение не является окончательным. Хотя защищающиеся могут и не добиться своих целей в настоящий момент, это может произойти в будущем. Если дух сопротивления и жизнеспособность независимых институтов общества будут до определенной степени сохранены, то борьба может возобновиться в любое другое время. Однако в промежуточный период могут понадобиться отдых, обновление сил и способностей общества отражать атаки, а также разработка новых стратегий и выбор новых, в первое время ограниченных и реалистических целей. Добившись этих целей, можно будет переходить к выбору стратегии, намечающей более смелые задачи. Иначе говоря, нельзя полностью разгромить общественную оборону, пока существуют народ и общество. Примером тому служит импровизированная ненасильственная борьба в Чехословакии. За вторжением сил стран-участниц Варшавского договора в 1968-1969 годах и последовавшим падением руководства Дубчека наступил трудный период правления Гусака. Правозащитники, такие, как участники Хартии-1977, были подвергнуты остракизму и тюремному заключению. Тем не менее, в конце 1989 года народное ненасильственное движение возродилось, на этот раз приведя к падению коммунистического правления и восстановлению политических свобод в Чехословакии.

В процессе ведения ненасильственной борьбы возможно существование важных периодов, когда участники обороны добиваются частичного успеха, испытывая в то же время определенные трудности. В такое время очень важно, чтобы участники обороны полностью осознавали свои достижения и свою силу. В прошлом бывали случаи, когда участники ненасильственного сопротивления самоотверженно сражались и достигали значительных результатов, но из-за «частичного» выполнения намеченных задач расценивали их как поражение. Вследствие этого они теряли присутствие духа и снижали эффективность сопротивления. Фактически они капитулировали, нанося поражение самим себе, чего необходимо избегать в общественной обороне.

В разгар процесса борьбы участники общественной обороны могут оценить степень сопутствующего им успеха, попытавшись ответить на следующие вопросы:

- Насколько *участники* общественной обороны сохранили, ослабили или усилили свою волю к сопротивлению?

- Насколько отдельные личности или группы *нападающих* сохранили, ослабили или усилили свое желание продолжать агрессию и преследовать свои первоначальные цели?

- В какой степени *независимые институты* (центры общественного влияния) обороняющегося общества сохранили, потеряли или увеличили свою способность бороться и лишили нападающих необходимых источников силы власти?

- Насколько *обороняющиеся и нападающие* соответствен-но продемонстрировали правильный или ошибочный стратеги-ческий расчет и в какой мере они ухудшили или улучшили его?

- Насколько *участники* общественной обороны повысили свою способность проводить политику несотрудничества и неповиновения, поддерживать ненасильственную дисциплину и выполнять требования по эффективности ненасильственной борьбы?

- В какой мере *население страны-агрессора, исполнители репрессий и бюрократический аппарат* сохраняли высокий моральный дух, содействовали агрессии и оказывали ей поддержку или, напротив, проявляли слабый моральный дух, разногла-сия, ненадежность и оппозицию к нападению?

- В какой мере *дружественные к той или другой стороне страны и экономические партнеры по необходимости* продолжали придерживаться своих обычных отношений, поддерживали или осуждали действия своих партнеров или отказывались от сотрудничества?

- В какой мере *участники обороны* сохранили свою авто-номию и способность удовлетворять собственные экономичес-кие потребности?

- Насколько успешны или неэффективны были *меры на-падающих по управлению и подавлению обороны*? Разбили ли они оборону и достигли своих целей или же усилили сопротив-ление, вызвали оппозицию в собственном лагере и спровоци-ровали международные акции?

- В какой мере *участники обороны* продолжили, прекрати-ли или даже усилили свою борьбу, столкнувшись с репрессиами и жестокостью?

- В какой мере были достигнуты *первоначальные цели нападающих* (экономические, политические, идеологические и другие)?

- Какая *сторона* обладает инициативой в конфликте?

Если ответы на эти вопросы покажут, что обороняющиеся добились определенных успехов, но вместе с тем понесли некоторые потери, настанет время предпринять корректировку действий в целях повышения шансов на успех. Участникам обороны потребуется предпринять следующие меры: усилить индивидуальный потенциал, а также поддержать и расширить потенциал общества; определить и претворить в жизнь наиболее подходящие и эффективные меры борьбы с агрессором; усовершенствовать свой стратегический выбор; направить усилия сопротивления на уязвимые стороны противника; действовать продуманно, смело и настойчиво.

Критерии оценки конечных результатов общественной обороны шире, чем только определение, были ли нападающие физически уничтожены или они капитулировали перед превосходящими военными силами.

Успех общественной обороны будет определяться ответами на следующие вопросы:

- Продолжали ли *обороняющиеся* отрицать законность режима агрессора, сохранять веру в собственные принципы и право выбирать собственную общественную систему и политику?

- Сохранили ли *обороняющиеся* автономию своего общества и способность удовлетворять его потребности, несмотря на оккупацию или узурпаторский режим?

- Достигли или лишились *нападающие* своих целей (экономических, политических, идеологических или других), и в какой мере?

- Приобрели или потеряли *нападающие* важную для них международную поддержку?

- Сохранилось или уменьшилось желание *нападающих* продолжать агрессию?

- Блокированы ли *участниками обороны* установление и консолидация марионеточного правительства любого типа?

- Были ли выведены или распущены войска *нападающих*?
- Есть ли вероятность того, что *нападающие* повторят подобные авантюры в будущем?
- Сохранился или смещен режим *агрессора*?

Не все случаи общественной оборонительной борьбы заканчиваются явным успехом или провалом, подходящими под эти стандарты. Как показано в третьей главе, градации успеха или провала могут варьироваться.

Наиболее важным единичным фактором для достижения успеха общественной обороны является способность общества, на которое совершено нападение, защитить свое право на самоопределение и автономию даже в случае жестоких лжеправителей, поддерживаемых армией. Эта способность зависит от силы и решительности населения, общественных групп и институтов (центров общественного влияния), рассмотренных во второй и третьей главах.

Нейтрализации целей захватчиков можно добиться различными способами. Следующие примеры демонстрируют некоторые из них: блокируются попытки агрессоров подтвердить законность нового режима и население сохраняет верность конституционной системе, существовавшей до нападения; попытки навязать новое правительство терпят крах, так как невозможно использовать существующий бюрократический аппарат и органы принуждения; правительственные органы продолжают следовать законному политическому курсу, отказываясь выполнять постановления нападающих; общество в целом изолирует и игнорирует любой новый бюрократический аппарат и органы, созданные захватчиками; несмотря на цензуру и меры запрета, продолжает действовать фактически свободная пресса; радио и телевидение, поддерживающие сопротивление, осуществляют трансляцию из тайных убежищ или с территории дружественных соседних стран; попытки установления контроля над религиозными организациями встречают массовое неповиновение религиозных органов и верующих; попытки запретить любую политическую оппозицию сталкиваются с растущей политической заинтересованностью и активностью населения, а также

с ростом количества активных политических группировок; попытки сменить независимые профсоюзы и организации приводят к повышению их активности, усиливая их роль в движении сопротивления; другие общественные организации, начиная с садоводческих обществ и кончая спортивными клубами, становятся политически значимыми центрами обмена информацией и деятельности, верной принципам конституционного общества; попытки использовать экономику для нужд новых хозяев приводят к противоположным результатам, так как забастовки, бойкоты, умышленная непродуктивность труда и снижение темпов работы сокращают количество и качество продукции, наряду с этим значительно повышая издержки, превышающие ожидаемые доходы. Подобные примеры можно приводить до бесконечности.

Другими словами, участники общественной обороны оказываются в состоянии блокировать установление контроля над обществом, предотвратить образование эффективно действующего коллаборационистского или марионеточного правительства, противостоят достижению политических, экономических, идеологических или других целей нападающих, навязывая агрессорам непомерно высокие политические и экономические издержки.

В некоторых случаях, правда, не всегда, захватчики могут обнаружить, что их собственные войска и бюрократический аппарат все больше и больше разочаровываются в столь рискованном мероприятии и своей роли в нем. Коллаборационисты, помогавшие захватчикам в прошлом, могут прекратить свою поддержку или даже присоединиться к участникам сопротивления, так как в связи с изменившейся ситуацией они станут мишенью для особой “деколлаборационистской” деятельности сопротивления. Даже население страны-агрессора постепенно может перейти в оппозицию и начать проявлять недовольство. Члены международного сообщества могут все сильнее осуждать нападение, а затем перейти от слов к действиям, возможно, включающим международные экономические, политические и экономические санкции.

Если применять определенную комбинацию всех этих методов, то нападение будет отражено, а независимость подверг-

шегося нападению общества и избранный им образ жизни будут восстановлены.

Примечания

Данная глава в основном базируется на материалах статьи: Gene Sharp, "Civilian-based Defense: A New Deterrence and Defense Policy", которая первоначально предназначалась для ЮНЕСКО, а позднее была помещена в сборнике под редакцией Yoshikazu Sakamoto, *Strategic Doctrines and their Alternatives* (New York: Gordon and Breach, 1987), стр. 227-262. По поводу обсуждения стратегических принципов ненасилия в контексте Западной Европы см.: Gene Sharp, *Making Europe Unconquerable* (London: Taylor & Francis, 1985 и Cambridge, Massachusetts: Ballinger, 1985; а также второе американское издание с предисловием George Kennan, Cambridge, Massachusetts: Ballinger, 1986).

По поводу дискуссии о проблеме "встречной стратегии" см.: Gene Sharp, *Making Europe Unconquerable* (второе американское издание, стр. 60-61).

Для дальнейшего обсуждения проблем применения саботажа в ходе ненасильственного сопротивления см.: Gene Sharp, *The Politics of Nonviolent Action* (Boston: Porter Sargent, 1973), стр. 608-611.

О роли радио в движениях сопротивления см.: Н. Gordon Skilling, *Czechoslovakia's Interrupted Revolution* (Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1976), стр. 777-778. А также в книге Joseph Wechsberg, *The Voices* (Garden City, New York: Doubleday, 1969).

Выдержки об изменениях в политике нацистов, проводимой против населения оккупированных территорий Советского Союза, цитировались по книге: Alexander Dallin, *German Rule in Russia, 1941-1945; A Study of Occupation Policies* (New York: St. Martin's Press, 1957, и London: Macmillan, 1957), стр. 218, 497 и 550.

В этой работе обсуждаются также позиция и намерения нацистов по отношению к жителям Восточной Европы.

Для ознакомления с проблемами Холокоста см.: Gene Sharp, "The Lesson of Eichmann. A Review-Essay on Hannah Arendt's 'Eichmann in Jerusalem'" в сборнике *Social Power and Political Freedom* (Boston: Porter Sargent, 1980). По поводу исследований проблем геноцида см. среди прочего: Gerald Reitlinger, *The Final Solution: The Attempt to Exterminate the Jews of Europe 1939-1945* (New York: A. S. Barnes, 1961); Raul Hilberg, *The Destruction of the European Jews* (Chicago: Quadrangle Books, и London: W. H. Allen, 1961, и исправленное издание, New York: Holmes and Meier, 1985); Nora Levin, *The Holocaust: The Destruction of European Jewry 1933-1945* (New York: Schocken Books, 1973); Helen Fein, *Accounting for Genocide* (New York: Free Press, и London: Macmillan, 1979).

Термин "ненасильственный блицкриг" был введен Теодором Эбертом.

Обсуждение различия между выражениями "всеобщее сопротивление" и "организованное сопротивление" было стимулировано Ларсом Поршолтом. См.: Lars Porsholt, "On the Conduct of Civilian Defense" в сборнике *Civilian Defense: An Introduction* под редакцией Т. К. Mahadevan, Adam Roberts и Gene Sharp (New Delhi: Gandhi Peace Foundation, и Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1967), стр. 145-149.

Термин "микросопротивление" был введен профессором Арне Нэссом. См.: Arne Naess, "Non-military Defense and Foreign Policy", в сборнике *Civilian Defense* под редакцией Adam Roberts, Jerome Frank, Arne Naess и Gene Sharp (London: Peace News, 1964), стр. 42.

Глава пятая НАВСТРЕЧУ ПЕРЕВООРУЖЕНИЮ

Импровизированная ненасильственная борьба и общественная оборона

ПОЛИТИКА ОБЩЕСТВЕННОЙ ОБОРОНЫ разрабатывается для исследования, рассмотрения и принятия в целях *предупреждения* кризисов обороны. Для применения этой политики необходимы подготовка и обучение населения. Кризисные ситуации, однако, весьма вероятны в странах, где еще не принята политика общественной обороны. По всей видимости, когда капитуляция и подчинение агрессии неприемлемы и совершенно ясно, что военный отпор бесплоден или самоубийственен, *импровизированная* ненасильственная борьба против переворотов и вторжений, тем не менее, может продолжаться.

Несмотря на недостаток подготовки, будущая борьба, несомненно, будет более сложной, чем в случаях, рассмотренных в первой главе. Причины этого двояки - быстрое распространение общих знаний о ненасильственных действиях и растущее число стран, уже имеющих непосредственный опыт использования ненасильственной борьбы в различных целях.

Однако импровизированная ненасильственная борьба в целях обороны не является общественной обороной. В большинстве случаев из-за недостатка подготовки и планирования импровизированное ненасильственное сопротивление значительно слабее, чем хорошо подготовленная общественная оборона. Так, например, без подготовки нельзя добиться сдерживающего эффекта, который может в первую очередь предотвратить атаку. Импровизированной борьбе также будет не хватать навыков,

знаний, стратегического опыта и ресурсов, которые можно приобрести за годы планирования и подготовки.

Планирование и подготовка, следовательно, делают ненасильственную оборонительную борьбу намного более эффективной (что верно и для военной обороны). Результаты подготовки, очевидно, будут состоять в следующем: развертывание сдерживания и эффект отговаривания; стратегическая оценка и планирование; подготовка общественного мнения (для предотвращения неуверенности, страха и неопределенности); обучение с помощью общественных институтов государственных служащих, полиции, армии и правительственных органов проведению политики несотрудничества и неповиновения в случае нападения; планирование действий при различных вариантах обстановки; создание резервов оборудования, продуктов питания, воды, источников энергии и других ресурсов; создание профессиональных организаций, разрабатывающих стратегию общественной обороны.

В сочетании с планированием и подготовкой распространение как общих изданий (включая такие альтернативные средства массовой информации, как видео- и аудиокассеты), так и более узких - брошюр и руководств (влияющих на транспорт, средства массовой информации, школу, религиозные организации, рабочих, промышленные предприятия, деловые круги и т.д.), будет способствовать распространению знаний о том, как наиболее эффективно претворить в жизнь общественную оборону. Все это даст возможность продолжать борьбу, следуя принципам ненасилия и разработанной стратегии неповиновения, даже в том случае, если кто-то из прежнего руководства арестован или убит.

В странах, которые могут столкнуться с кризисом обороны, преимущества предварительной подготовки служат веским доводом для принятия общественной обороны либо в качестве компонента преимущественно военной политики, либо в качестве основной сдерживающей и оборонной политики.

Мотивы проведения общественной обороны

В большинстве случаев мотивы для проведения общественной обороны будут подобны тем, по которым люди прежде во-

евали, а теперь продолжают придерживаться военной оборонительной политики. Народ сражается за свою страну, потому что любит ее, дорожит своей независимостью и хочет сохранить свой строй (хотя иногда может руководствоваться желанием усовершенствовать собственное общество). Прежде всего, люди сражаются, так как считают это своим моральным, патриотическим или религиозным долгом. Даже если они не всегда согласны друг с другом и охотно спорят между собой о политическом курсе, социальной политике и даже об основных принципах общества, они, безусловно, придут к единому мнению, что никакому иностранному правительству или внутренней клике так называемых диктаторов не будет позволено править ими.

Все вышеперечисленные факторы являются убедительными мотивами для участия в общественной обороне. Как и в вооруженных столкновениях, социальные и политические мотивы здесь часто сочетаются с личными, индивидуальными. Они могут содержать желание внести изменения в образ жизни, приобрести важность, помочь защитить семью и друзей, испытать свою смелость, проявить инициативу и желание принести себя в жертву ради других. Кроме того, небольшая часть населения, которая из личных, этических или религиозных побуждений не поддерживает или не протестует против насильственных методов, вероятнее всего, сможет в полной мере включиться в общественную оборону. К тому же в общественной обороне в различных аспектах ненасильственной борьбы могут быть задействованы как мужчины, так и женщины всех возрастных групп. Их мотивы и желание участвовать в сопротивлении могут быть в полной мере осуществимы, потому что характер такой обороны позволяет всем им играть в ней значительную роль.

Однако основной причиной поддержки такой оборонной политики и участия в ней для каждого члена общества станет осознание способности и силы общественной обороны бороться и победить иностранную агрессию и внутренних узурпаторов власти. Подобное осознание будет воодушевлять все население на мужественную, решительную и настойчивую оборонительную борьбу.

Являются ли фундаментальные изменения необходимыми предпосылками общественной обороны?

Некоторые интеллектуалы иногда утверждали, что массовая ненасильственная борьба невозможна из-за целого ряда серьезных причин. Такие причины включали: генетику, практику воспитания детей, культуру, побочные разрушительные эффекты социальной системы, тип системы образования, модель семьи и роль пола, принятые религиозные доктрины или господствующую политическую систему.

Все эти «причины», согласно которым массовая ненасильственная борьба, а следовательно, и политика общественной обороны - невозможны, не стоит принимать в расчет как не имеющие отношения к нашей дискуссии: массовая ненасильственная борьба существует, а потому она возможна. Некоторые вышеупомянутые «причины» связаны с планами усовершенствования человеческого общества в целом и каждого члена общества в отдельности. Достоинства таких планов необходимо рассматривать самостоятельно, не смешивая их с требованиями ненасильственной борьбы и политики общественной обороны.

Впрочем, некоторые интеллектуалы все же продолжают доказывать, что до того, как политика общественной обороны станет реальностью, потребуются фундаментальные изменения человеческой природы или мира. Время от времени, хотя и гораздо реже, чем раньше, дилетанты в вопросах общественной обороны заявляют: «Разумеется, все это прекрасно в идеальном мире, и если так случится, я буду поддерживать такую оборонительную политику.»

Подобные, дружески настроенные комментаторы считают, что прежде чем общественная оборона станет реальностью, должно произойти одно из трех фундаментальных изменений: (1) - «природа человека» изменится настолько, что люди станут лучше относиться друг к другу; (2) - международная ситуация изменится настолько, что исчезнут военные системы; (3) - социальная система подвергнется глобальной трансформации, обеспечивая большую социальную справедливость и равенство

(исключив, надо полагать, «причины» военных конфликтов). В то время как весьма желательно добиться таких перемен (непохоже, впрочем, что это возможно), ни одна из них не является предпосылкой для внедрения общественной обороны. Напротив, нам прекрасно известно, что на протяжении столетий, если не тысячелетий, ненасильственная борьба уже проводилась в «реальном мире». Мы знаем также, что эта методика, хотя и в ее импровизированной форме, уже использовалась для обороны от вражеских нападений. Впрочем, давайте более подробно рассмотрим эти три довода, согласно которым для претворения общественной обороны в жизнь потребуются фундаментальные изменения человека и общества.

Требуется ли изменение «природы человека»?

Социологи, антропологи, психологи, философы и теологи - так же, как и все остальное человечество - расходятся в определении, что же такое «природа человека» и какой мы предпочли бы ее видеть. Впрочем, все эти увлекательные (или скучные) дискуссии не имеют отношения к данному исследованию. Для того чтобы массы использовали ненасильственную борьбу, не требуется никаких изменений в природе человека.

Дело в том, что в противовес распространенному заблуждению, ненасильственная борьба очень широко применялась на протяжении человеческой истории и использовалась людьми, по меньшей мере, столь же далекими от совершенства, как и мы сегодня. Способность сопротивляться без насилия *не* обязательно коренится в альтруизме, всепрощении, вере в любовь, желании «подставить другую щеку» или «пожертвовать собой» во избежание зла.

Напротив, ненасильственная борьба коренится в человеческой склонности, замеченной также у многих домашних животных (не только у мулов, но и у кошек и собак), проявлять упрямство и настойчивость, делая то, что запрещено, и отказываться выполнять приказания. Эти черты упрямства явно заметны в наши дни у детей. (Необходимо помнить, что во времена нашей молодости мы сами совершали множество подобных

проступков, а возможно, совершаем и сейчас!) К счастью, мы все же способны работать сообща и даже проявлять альтруизм, однако человеческое упрямство - черта весьма распространенная и часто является немаловажным компонентом нашего характера. Это самая фундаментальная психологическая основа ненасильственного сопротивления. Таким образом, ненасильственная борьба являет собой коллективное использование такого свойства человеческого характера как упрямство для достижения экономических, социальных и политических целей.

Изменения в международной системе?

Переход от военной обороны к общественной не требует никакой предварительной трансформации международной системы, исчезновения военной угрозы или всеобщего принятия политики ненасилия. Похоже, что в обозримом будущем внешняя угроза безопасности многих народов все еще будет существовать. Вряд ли с международной арены исчезнут конфликты из-за природных ресурсов, регионального политического влияния, идеологии, географии, социально-экономических моделей развития и т.п. Этот факт является одной из причин развития и применения политики общественной обороны. В мире, полном конфликтов, любое общество должно уметь сдерживать и побеждать нападение методами, которые не угрожают народу ни годами вооруженного конфликта, ни быстрым массовым уничтожением.

Общественная оборона стремится приспособиться к этой реальности - она намерена *укрепить* реальную сдерживающую и оборонную мощь общества. Следовательно, оснований ждать, пока потенциальные враги примут ее, имеется не больше, чем было у правительств, собиравшихся внедрить новое, более мощное оружие, оснований ждать, пока это сделает противник. Основной переход от «военной системы» к арсеналу общественной обороны произойдет только тогда, когда новое ненасильственное оружие будет считаться по крайней мере таким же действенным, как и старое.

Перемены в социальной системе?

Некоторые сторонники и критики общественной обороны утверждают, что принятие и эффективное применение этой политики потребует *предварительной* трансформации социальной системы в сторону значительно большей демократии, равенства и децентрализации власти. Обычно они исходят из определенных этических принципов или идеологических перспектив (таких, как социалистические, анархические или пацифистские), доказывая, что только «справедливое общество» или «ненасильственное общество» можно защищать ненасильственными методами. Характерно, что почти никогда подобные критики не приводят исторических свидетельств для поддержки своих аргументов.

Как показывают примеры из первой главы, в реальной жизни ненасильственную борьбу с переменным успехом уже применяли для защиты «несовершенных» обществ от внешних и внутренних нападений. Таким обществам иногда были присущи социальная несправедливость, диктатура одного класса, этническая или языковая разнородность и даже резкие внутренние конфликты. В 1920-х годах это продемонстрировала Германия. Трудно назвать Веймарскую республику социально гармоничным обществом, тем не менее она официально использовала импровизированное несотрудничество и ненасильственное неповиновение против путча Каппа в 1920 году и против франко-бельгийского вторжения и оккупации в 1923 году. Неоднократное применение методов ненасильственной борьбы в разных частях мира в крайне неблагоприятных условиях и иногда против иностранной агрессии, военных клик и внутренних диктатур свидетельствует о том, что целенаправленное использование этого типа обороны возможно и в будущем.

Успеху политики общественной обороны, конечно, способствовала бы социальная гармония, справедливость и демократия, но эти условия не являются ее предпосылками. Общественная оборона не нуждается в идеальных социальных условиях для адаптации и применения.

Некоторые радикалы допускают, что общественная оборона возможна, но считают, что защита существующего порядка любыми средствами - нежелательна. Эти люди и группировки могут быть настолько не удовлетворены существующим обществом, нарушением важных принципов, несправедливостью и различными видами угнетения, что они сочтут неприемлемой идею защиты правительства и системы, которые они прежде отвергали. Их цель - не сохранить систему, а трансформировать или заменить ее таким образом, чтобы добиться большей политической свободы, более ощутимой демократии или более справедливой социальной и экономической системы.

Но и у этих радикальных критиков есть достаточно оснований, чтобы поддержать политику общественной обороны.

Когда на общество совершено нападение и ему пытаются навязать внутреннюю или внешнюю диктатуру, даже наиболее радикальные сторонники общественных изменений должны взять на себя ответственность и сплотиться для защиты своего несовершенного общества. *Непременным условием улучшения социальных условий общества является недопущение их ухудшения.*

После успешного применения общественной обороны сторонники реформ получают возможность обрести поддержку своих идей. После того, как народ поверит в собственные силы, он сможет укрепить свои позиции для мирного урегулирования социальных реформ. Радикальные группы, помимо всего прочего, могут добиться большего доверия, приняв активное участие в общественной обороне вместо того, чтобы пытаться использовать ситуацию только для удовлетворения своих узкопартийных интересов, как это делали в прошлом некоторые политические группировки.

Хотя с помощью импровизированной ненасильственной борьбы защищались далеко не совершенные общества, это не означает, что социальные и политические условия не влияют на ее эффективность. Существуют две причины, определяющие связь между характером общества, которое нуждается в защите, и способностью общественной обороны выполнить эту задачу. Первая - на желание народа защищать общество и на количе-

ство потенциальных коллаборационистов сильно влияет степень удовлетворенности населения существующим общественным порядком. Второе - распределение власти среди институтов общества (центров общественного влияния) повышает жизнестойкость и оборонную мощь общества. Поэтому существенный элемент длительного периода подготовки к общественной обороне - это совершенствование демократии и законности общества.

Некоторые военные специалисты (такие, как покойный профессор военной истории Оксфордского университета Норман Гиббс и покойный Элестер Бушен, основавший Институт стратегических исследований в Лондоне) разделяли мнение, что подготовка к общественной обороне может потребовать от общества определенных шагов в области децентрализации власти в мирное время. Они считали такие меры оправданными, однако утверждали, что необходимо принимать во внимание подобные социальные и политические последствия применения такой политики.

Эффективная ненасильственная борьба все же возможна, даже если не предприняты шаги по устранению несправедливости и рассредоточению власти в обществе. Это может произойти, если население в порыве массового патриотизма вдруг осознает, что агрессоры должны быть разбиты, а внутренние проблемы можно будет разрешить позже. Действительно, общественная оборонительная борьба может помочь населению приобрести уверенность в собственных силах и независимость, необходимую для дальнейшего процесса демократизации общества после кризиса обороны.

Это не означает, однако, что *любую* политическую систему можно успешно защитить с помощью ненасильственной борьбы. Жестокая диктатура является наиболее ярким негативным примером. Это такие режимы, жестокость которых уже вызвала сильную ненависть у населения и которые резко сократили или уничтожили независимые институты общества, способные послужить центрами общественного влияния для организации и проведения общественной обороны. Вряд ли подобные режимы вызовут у населения желание и способность их защищать.

Тем не менее, даже народ, живущий при крайне репрессивном режиме, может вести импровизированную ненасильственную борьбу против иностранных захватчиков. Если население испытывает ненависть к агрессору, народ может мобилизоваться для защиты своего права на самоопределение. Вторжение в страну с авторитарной системой управления может, таким образом, вызвать сильную и эффективную ненасильственную борьбу со стороны народа, независимо от действий правительства. В процессе борьбы могут быть созданы новые независимые институты, которые одновременно будут органами защиты и преобразования существующей политической системы. Мобилизация населения в дальнейшем приведет к его активному участию в политической жизни, к созданию дополнительных автономных институтов и к значительным изменениям или замене ранее существующей системы.

С другой стороны, должностные лица крайне централизованного общества могут сознательно перейти на путь децентрализации и демократии (как показали события в Испании при преемниках Франко). Такой реформистский режим, если он действительно направлен на коренные перемены, может даже предполагать введение элементов политики общественной обороны. Такое правительство может затем использовать собственную инициативу, возможно, под влиянием или при поддержке недовольной части общества, для того, чтобы разрешить народное недовольство, децентрализовать институты общества, повысить политическую активность населения при принятии решений и развить желание и способность народа защитить общество и его растущие свободы с помощью общественной борьбы. Это особенно важно для предотвращения возможного государственного переворота, который могут предпринять сторонники твердой линии правящей партии, политическая полиция и армия.

За исключением конкретно оговоренных случаев, в последних главах настоящей книги предполагается обсудить значение общественной обороны внутри политической системы, имеющей достаточно веские причины называться демократической.

Внепартийный подход к анализу политики общественной обороны

Если сущность возможной политики общественной обороны представлена на основе ее потенциальной полезности - без идеологической нагрузки, - такая политика может добиться широкой поддержки среди политических слоев демократического общества. Для беспристрастного рассмотрения этой политики и ее возможных преимуществ крайне важно, чтобы оценка задач общественной обороны была сделана с «внепартийных» позиций. Эта политика не должна быть связана с какой-либо одной политической группой или идеологией. Отдельные страны и различные политические группировки могут обоснованно утверждать, что политика общественной обороны полностью соответствует и предписывается их собственными идеалами и идеологией, однако они не должны объявлять это своей прерогативой. В целом общественная оборона может быть лучше всего представлена таким образом, чтобы она была близка и понятна группам и индивидам, придерживающимся самых разных политических взглядов и занимающим разные позиции по отношению к прошлым войнам и военным средствам.

Очень важно, чтобы ни одна мирная, пацифистская или радикальная политическая организация не считала себя главным сторонником общественной обороны. Не следует также представлять новую политику таким образом, чтобы она могла оттолкнуть консерваторов и членов существующего оборонного истеблишмента или независимые общественные группировки и институты, которые будут нести ответственность за претворение в жизнь будущей политики.

Все слои общества должны участвовать не только в изучении и оценке общественной обороны, но и в ее подготовке и проведении. Действительно необходимо, чтобы самые разные слои общества приняли участие в осуществлении этой политики. Общественная оборона должна опираться на широкую всенародную поддержку, так как она должна применяться населением и институтами общества, а не только отдельными

группировками. Такая народная поддержка и солидарность не могут быть построены на исключительно партийном подходе. Строгие критики существующей оборонной политики должны присоединиться к горячим ее сторонникам для того, чтобы начать тщательное изучение и обсуждение новых предложений по использованию методов общественной обороны.

Внепартийный подход не уничтожит и не оставит без внимания важные политические различия в обществе. Скорее он предназначен для того, чтобы объединить людей с различными взглядами для поддержки, развития и применения общественной обороны. Предположим, например, что первоочередная политическая задача - интегрировать один небольшой компонент общественной обороны в существующую, преимущественно военную, оборонную систему. Группы, выступающие за полное внедрение политики общественной обороны, должны непременно поддержать эти действия на том основании, что доверие к общественной обороне возрастет по мере ее изучения. Это, в свою очередь, в какой-то момент может привести к широкому использованию политики общественной обороны как серьезной политической альтернативы. С другой стороны, сторонники современной военной политики могут искренне поддержать использование компонента общественной обороны, так как это придаст дополнительную силу для сдерживания и обороны существующей военной позиции. Некоторые из них могут также надеяться и ожидать, что включение одного такого небольшого компонента положит конец этим проблемам.

Последующее решение о дальнейшем расширении одного небольшого компонента общественной обороны или о полном ее принятии может исходить, в частности, из достоинств *существующего* компонента и из последующего исследования и политической оценки его возможностей. Расширение компонента общественной обороны станет понятнее большинству населения - так прежде нереальный способ обороны становится очевидным и реальным выбором.

Окончательное решение об отказе, сохранении или полном принятии этой политики будет определяться тем, насколько

общественная оборона способна защитить от внутренних переворотов и внешней агрессии. *Настоящая книга основана на предположении, что ни одна страна не откажется навсегда от своего военного выбора до тех пор, пока у нее не появится заслуженного доверия к действенной и развитой политике общественной обороны.*

В большинстве случаев без участия существующего в обществе оборонного истеблишмента трудно достичь принятия новой оборонной стратегии. Предварительные результаты опыта введения компонентов ненасильственного сопротивления в оборонную политику Швеции, Австрии, Швейцарии и Югославии со всей очевидностью показывают, что участие Министерств обороны в рассмотрении и разработке общественной обороны и возможно, и конструктивно. Военные институты и их персонал также участвовали в серьезной проверке этой политики в Норвегии, Финляндии и некоторых других странах.

Бывают исключения в привлечении военных к разработке и принятию политики общественной обороны: например, страна, недавно завоевавшая независимость, может испытывать недостаток в военной силе; страна могла быть навсегда демилитаризована в результате международного соглашения; геополитическое положение и военная ситуация могут препятствовать созданию эффективной военной мощи. Другие исключения могут проявляться в обстоятельствах, когда армия была в основном инструментом применения диктатуры в отношении населения. В некоторых революционных ситуациях такие военные организации могут быть побеждены и расформированы. Практически во всех остальных случаях, однако, требуется «внепартийный» подход. При этом подходе надо преодолеть традиционные политические барьеры и политические трения. Необходимо также вовлечь в этот процесс различные политические партии общества, традиционные военные силы обороны и неправительственные организации - словом, все государственные и негосударственные институты общества и основную массу населения.

Процесс перевооружения

Процесс перехода от военной обороны к общественной обороне называется перевооружением. Это *не* «разоружение», если понимать под этим термином сокращение или отказ от оборонного потенциала. Напротив, перевооружение - это процесс смены самого типа «вооружения»: с того, который опирается на армию и оружие, на тот, который зависит от всего населения, использующего психологические, социальные, экономические и политические методы, описанные в третьей главе.

Предполагается, что перевооружение будет происходить в соответствии с демократически принятым решением, согласно которому главную роль в выборе общественной обороны и в ее подготовке будет играть правительство. Однако это не должно быть универсальной моделью, а правительственные планы, разработанные без поддержки и участия общества, могут оказаться нежизнеспособными и выполняться неэффективно.

В некоторых случаях, особенно в ситуациях ограниченной демократии, социальные группы и институты могут приступить к подготовке общественной обороны раньше или параллельно с правительственной оценкой или принятием решения. Рекомендации негосударственных институтов, включающих должностные или профессиональные группы, необходимо рассмотреть и установить, можно ли включить их в единый план, который послужит основой политики, принятой правительством. Однако в большинстве случаев правительственные инициативы скорее всего будут предшествовать оценкам государственных институтов и предоставлять единый план для разработки более конкретных действий.

Очевидно, что процесс перевооружения, его причины, степень и продолжительность в различных ситуациях будут отличаться друг от друга. Они в значительной степени будут зависеть от обстоятельств и возможностей существующих законов. Однако самое главное - это уровень понимания политики общественной обороны и оценка ее способности сдерживать потенциальное нападение и защитить от него общество.

В большинстве случаев общественная оборона не может быстро и полностью заменить военную оборону. Учитывая сложность трансформации всей системы национальной обороны и тот факт, что сущность политики общественной обороны недостаточно проверена, быстрая замена военных систем фактически невозможна. Некоторые аргументы относительно того, что возможен быстрый отказ от военных систем, были выведены из ложных предпосылок. Такие предпосылки включают представление о том, что подобный отказ может быть достигнут с помощью массового перехода к пацифизму, или что он является «естественным» результатом использования методов ненасильственного сопротивления в других целях, или что социальная революция уничтожит необходимость в военной силе. Однако не существует исторических свидетельств в пользу того, что переход к ненасильственной оборонительной борьбе может произойти на основании массового обращения населения к ненасилию. Переход к общественной обороне не станет также естественным следствием использования ненасильственного сопротивления в борьбе за освобождение от иностранного правления или от внутренней диктатуры, как показал опыт Индии, Ирана и других стран. Политика общественной обороны не может появиться и просто в результате революции, ставящей своей целью утвердить новый общественный порядок без классового угнетения и эксплуатации (предполагаемых причин возникновения военных систем), как показывают примеры России, Китая, Кубы, Вьетнама и Никарагуа.

В большинстве случаев стремительные изменения нежелательны, так как быстрый переход к общественной обороне не может быть хорошо подготовлен, что может привести к фатальным последствиям. Без соответствующей сознательной и компетентной подготовки политика общественной обороны на практике окажется, вероятно, ненамного эффективнее, чем импровизированное ненасильственное сопротивление. Результатом плохой подготовки будут неудачи и возможное поражение. Неподготовленное, некомпетентное и неэффективное сопротивление, проводимое под видом «общественной обороны», может сильно дискредитировать эту политику в целом.

Общественная оборона, вероятно, выбирается по тем же причинам, по которым принимаются нововведения в военной политике. Новые концепции и системы вооружений должны рассматриваться как усовершенствование прежних оборонных планов и вооружения. Большинство заинтересованных в новой политике стран примет метод постепенного подхода, медленно, с небольшими приращениями вводящий и испытывающий компоненты общественной обороны в своей преимущественно военной оборонной политике. Эти компоненты могут использоваться в особых случаях или обеспечивать дополнительный оборонный потенциал для выполнения задач, которые нельзя разрешить другим путем.

При таком подходе к перевооружению подготовка и обучение новой политике будут проходить постепенно, при одновременном наличии военной политики. Компоненты общественной обороны могут распространяться поэтапно. Сначала военный потенциал не будет сокращен или уничтожен. На это существует две причины. Первая - население не захочет сократить свои военные приготовления до тех пор, пока взамен не приобретет надежный вариант общественной обороны. Вторая - даже при наличии желания перемен переход от военной политики к общественной обороне потребует, как уже отмечалось, значительного времени. Нужно разработать и провести обучение населения и другие подготовительные мероприятия (в некоторых случаях включая конверсию экономики).

Основное внимание в перевооружении уделяется прежде всего *наращиванию эффективного оборонного потенциала* посредством разработки новой политики общественной обороны, а не сокращению или уничтожению вооружения. Этот процесс последует за возникновением заслуженного доверия к новой ненасильственной политике сдерживания и обороны. Постепенно, по мере возникновения такого доверия, существующие вооруженные силы станут все менее и менее необходимы. Особенно это проявится на последних этапах процесса перевооружения. Тогда можно будет постепенно начать сокращение и уничтожение боевой техники, как в свое время уничтожили луки и стрелы.

Все страны, которым не угрожает непосредственная опасность нападения, имеют достаточно времени для разумной оценки и решения вопроса - менять ли оборонную политику. Концепция данной главы исходит из предположения, что у таких стран есть время для того, чтобы рассмотреть политику общественной обороны, изучить ее потенциал, динамику, требования и стратегические принципы.

Этапы постепенного принятия общественной обороны будут различаться по содержанию и продолжительности. Не существует одинаковых планов и временных границ для всех стран и ситуаций. Для каждой необходим свой продуманный и специфический план. Однако в целом процесс состоит из следующих элементов:

- исследование;
- общественное образование и воспитание;
- изучение стратегий и возможностей этой политики;
- оценка политики общественными и частными организациями, официальными институтами, ведомствами и министерствами обороны и законодательными органами;
- введение некоторых компонентов общественной обороны (вероятно, для конкретных целей);
- подготовка и обучение населения;
- рассмотрение альтернативных вариантов использования общественной обороны;
- обсуждение желательности и возможности сосуществования компонентов военной и общественной обороны или дальнейшего полного перехода в будущем к общественной обороне;
- юридические и административные меры относительно данных решений;
- увеличение мощи общественной обороны;
- унификация оборонной политики.

Особое внимание следует уделить сравнительному анализу достоинств и недостатков, а также сильным и слабым сторонам военной и общественной обороны в их способности обеспечить безопасность сегодня и в обозримом будущем. Это справедливо и для начальной стадии, когда общество решает начать подго-

товку к общественной обороне, и для более поздней стадии, когда общество определяет, в состоянии ли новая политика обеспечить безопасность. Для оценки соответствия общественной обороны потребностям безопасности конкретной страны определяющими становятся следующие факторы:

- характер и конкретные особенности внешнеполитической обстановки и угроза безопасности;
- характер и конкретные особенности внутреннего положения страны и угроза внутренней узурпации власти;
- осознание возможностей страны относительно применения политики сдерживания и обороны;
- оценка и признание способности общественной обороны обеспечить оборонные нужды страны.

Модели выбора политики перевооружения

Нельзя создать единую модель выбора политики частичного или полного перевооружения, которая бы подходила ко всем странам и ситуациям. Однако возможно выделить несколько основных моделей, по которым общественная оборона может стать центральным элементом оборонной политики страны или значительным компонентом внутри более распространенной, преимущественно военной политики. Существуют, по меньшей мере, четыре основные модели:

1. Полное, относительно быстрое принятие общественной обороны в качестве оборонной политики небольшими государствами, у которых по тем или иным особым причинам нет жизнеспособной военной или союзнической альтернативы.

2. Добавление компонента общественной обороны к преимущественно военной оборонной политике для решения одной или нескольких конкретных задач, без намерения более широко использовать этот компонент во всеобщей политике.

3. Поэтапное введение и постепенное расширение использования элементов общественной обороны с целью проведения полного перевооружения.

4. Согласованное, поэтапное, многостороннее перевооружение нескольких соседствующих стран, одновременно вводящих компоненты общественной обороны, за которыми, возможно, последует поэтапное сокращение вооружения.

Остановимся коротко на этих возможных моделях.

Полное быстрое принятие общественной обороны

Быстрое полное перевооружение наиболее вероятно в таких странах, которые испытывают недостаток в военных средствах, или в тех, которым использование военных средств принесет только ущерб. Принятие этой политики возможно для небольших стран, не имеющих армии, таких, как Коста-Рика или Исландия. В настоящее время эти страны опираются на хорошо организованную внутреннюю полицию страны и иностранную поддержку (Коста-Рика) или на принадлежность к международному военному союзу (Исландия). И то и другое имеет свои недостатки, если основной целью является реальная независимость.

Быстрое принятие этой политики общественной обороны также возможно для недавно освободившихся или освобождающихся стран (таких, как Эстония, Латвия, Литва, Армения, Палестина или Тибет). Может быть, эти страны будут продолжать испытывать угрозу со стороны своих более сильных в военном отношении соседей (то есть своих бывших правителей). Однако у них не будет возможности создать надежный и сильный военный оборонный потенциал. Если малая страна заключит военный союз с иностранной державой, ее прежние правители могут почувствовать опасность и расценить этот факт как угрозу и даже как провокацию. Для стран, находящихся в подобном положении, тщательное изучение возможностей и серьезное обсуждение могут привести к тому, что общественная оборона будет расценена как реальная и более полная альтернатива военной политике. Больше не придется выбирать между насильственными, но бесполезными действиями и пассивным подчинением агрессии или узурпации.

Пути принятия общественной обороны во вновь освобожденных странах могут быть более гибкими, чем в давно установившихся государственных структурах. В некоторых случаях решениям негосударственных институтов могут предшествовать правительственные инициативы по использованию общественной обороны. Эти инициативы могут предоставить общую схему для развития более конкретных планов. Население и институты общества смогут оценить предложенную оборонную политику и подготовиться к ее применению.

В других случаях инициатива принятия общественной обороны может исходить от населения и независимых институтов общества. Эта инициатива и даже начальные приготовления, основанные, возможно, на опыте освободительной борьбы, могут происходить до или параллельно с правительственной оценкой и принятием решений. В таких случаях рекомендации независимых институтов и профессиональных групп могут быть включены в общенациональный план для применения принятой правительством политики общественной обороны.

Поскольку общественная оборона - это политика, создающая оборонный потенциал на основе подготовки и обучения вне исторического опыта (как это происходит с внедрением многих видов современного оружия), не существует примеров принятия общественной обороны точно в соответствии с данной моделью. Впрочем, с этим можно сравнить ситуацию в Германии после Первой мировой войны. Германия все еще имела армию, однако по условиям Версальского договора слишком малочисленную, чтобы играть значительную международную роль. Немецкая армия по ряду причин даже не хотела выступать против боевых отрядов *Freikorps*, которые пытались захватить Веймарскую республику во время путча Каппа в 1920 году. В 1923 году вооруженные силы Германии были слишком слабы даже для борьбы с бельгийскими и французскими войсками, которые вторглись в Рур. В обоих случаях правительство и политические лидеры начали импровизированную ненасильственную оборонительную борьбу, расценивая ее как единственный реальный шанс.

Страны, недавно завоевавшие независимость, по ряду причин будут иметь в будущем значительные преимущества по сравнению с ситуацией в Германии в 20-е годы. Для подобного утверждения существует несколько оснований: в настоящее время накоплен значительный исторический опыт, гораздо лучше изучена природа ненасильственной борьбы и общественной обороны, и есть время для подготовки населения к ведению таких оборонительных действий.

Введение компонентов общественной обороны для выполнения конкретных задач

Теоретики общественной обороны предлагают обычно общую модель полного перевооружения, внедрение которой займет несколько лет. Такие теоретики предпочитают идею полного перевооружения, а не постоянного комбинирования военной и общественной обороны, исходя из их эффективности. Очевидно, однако, что интерес к общественной обороне не ограничивается теми несколькими странами, которые с самого начала предполагают провести полный переход к этой политике. Гораздо больший интерес представляет введение компонентов общественной обороны в преимущественно военную политику.

Когда компонент общественной обороны добавляется к преимущественно военной политике, у общества или правительства нет постоянного обязательства поддерживать этот компонент на первоначальном уровне или использовать его только для разрешения конкретной задачи. Позже влияние этого компонента можно усилить, сократить или исключить, в зависимости от будущей оценки его сдерживающего и оборонного потенциала. Страны, избравшие военную политику обороны и имеющие достаточно серьезные шансы отразить нападение, не понеся при этом непомерных потерь и разрушений, скорее всего, будут в течение долгого времени полагаться на военные средства в случае нападения. Они могут, однако, на определенном этапе ввести в свою преимущественно военную оборонную политику постоянно действующий компонент общественной обо-

роны, как это уже сделали Швеция, Швейцария, Югославия и Австрия. В таких случаях могут существовать другие невоенные и военизированные компоненты.

Например, в апреле 1982 года министр обороны Австрии Отто Рюш писал: «Военная часть плана национальной обороны рассматривает гражданское сопротивление, а с ним и формы общественной обороны, как необходимое дополнение к военной национальной обороне. В таком контексте эти элементы систематически включаются в идеологическую, гражданскую и экономическую часть *Umfassende Landesverteidigung* (Общественная национальная обороны) и занимают в ней постоянное место». Австрийский *Landesverteidigungsplan* (План национальной обороны), опубликованный в 1985 году, вновь подтвердил, что «гражданское сопротивление является необходимым компонентом национальной военной обороны». В нем также говорилось, что при временной оккупации части австрийской территории «организованное гражданское сопротивление», в полном соответствии с международным военным правом, может также быть «эффективным» для поддержки австрийской армии в соответствующих регионах.

В апреле 1986 года в Швеции в результате тайного парламентского голосования к политике «тотальной обороны» был добавлен компонент общественной обороны. Это последовало после почти двадцати лет обсуждения и изучения, в которые были вовлечены парламент, Министерство обороны, а также политические партии, академические круги, религиозные и другие организации. С 1981 по 1983 год в Министерстве обороны работала комиссия, утвержденная решением кабинета, чтобы подготовить план для использования «гражданского сопротивления» в качестве части оборонной политики страны. Эта комиссия рекомендовала расширить план «тотальной обороны» и включить в него «невоенное сопротивление» территорий, которые могут быть оккупированы в случае войны. Она рекомендовала также создать постоянную комиссию, которая начала бы постепенное планирование, начиная с одной из шести «Высших региональ-

ных команд», к тому времени уже координирующих другие общественные компоненты политики тотальной обороны. Рекомендовались также исследования и разработки основных и прикладных вопросов, связанных с отношениями между военной и невоенной обороной. 1 июня 1987 года была официально утверждена Комиссия по невоенному сопротивлению, в задачи которой входит: (1) - способствовать созданию условий для невоенного сопротивления с помощью рекомендаций и советов властям и населению; (2) - решать проблемы международного права, а также психологические и другие аспекты невоенного сопротивления; (3) - способствовать исследованиям в этой области. Бывший глава Комиссии Гуннал Густафссон отметил, что подготовка в мирное время к гражданскому сопротивлению «создаст значительную психологическую готовность», которая должна будет заставить потенциального агрессора «обдумать все еще раз и, возможно, отказаться от своего первоначального плана».

Эти и другие случаи, приводимые ниже, показывают, что ненасильственная борьба за национальную оборону в некоторых странах принята в качестве важного компонента планов общенациональной обороны.

Компоненты общественной обороны должны быть предназначены для решения специальных задач или для применения их в особых случаях, тогда как военные средства остаются для использования в других ситуациях. Предполагается, что такая комбинация военной и общественной обороны постоянна, а не рассматривается как переходный шаг к полному перевооружению. Скорее всего, эти комбинированные действия изменятся только при условии, что общество приобретет уверенность в гораздо большем потенциале защиты и сдерживания общественной обороны, чем считалось ранее.

Поскольку военные действия и ненасильственная борьба имеют разную динамику и условия для достижения успеха, необходимо ясно представлять роль ограниченного компонента общественной обороны внутри преимущественно военной оборонной политики. Основным фактором в принятии компонента обществен-

ной обороны является выявление трех конкретных ситуаций:

1. первый прием обороны в ситуации, когда военное сопротивление захватчикам явно бесполезно и самоубийственно;
2. резервный прием обороны в ситуации, когда военное сопротивление уже применялось и потерпело поражение;
3. действия, применяемые в качестве основной обороны против внутренних узурпаций власти, таких, как государственные перевороты.

Ситуация, когда военное сопротивление бесполезно и самоубийственно. Некоторые страны в своем решении о частичном принятии общественной обороны могут исходить из оценки военной силы потенциальных нападающих. Если противник сравнительно слаб, тогда можно применить вооруженное сопротивление. Однако, если военная мощь нападающих значительно превосходит силы защищающихся, усилия военной обороны будут явно бесполезными и самоубийственными. В этом случае компонент общественной обороны можно использовать в качестве первого приема обороны.

Такой была ситуация в двух случаях импровизированного ненасильственного сопротивления, описанных в первой главе. Рурское сопротивление против французских и бельгийских захватчиков в 1923 году и чехословацкое сопротивление вторжению сил стран-участниц Варшавского договора в 1968 году. Благодаря увеличивающимся знаниям, вероятностному прогнозированию, уделению времени на подготовку и обучение, эффективность общественной обороны должна значительно возрасти. Поэтому компонент общественной обороны можно ввести в оборонную политику, в частности, для применения в таких особых обстоятельствах.

Ситуация, когда военное сопротивление потерпело поражение. Компонент общественной обороны можно также использовать, когда военные силы страны попытались разбить захватчика, но потерпели поражение. Так было в Норвегии в период немецкой оккупации 1940-1945 годов. Другой важный пример - сопротивление нацистам в Голландии.

Исследование, проводившееся в 1967 году по инициативе

правительства Норвегии и подготовленное норвежским Институтом оборонных исследований, включало обсуждение вопросов об использовании подготовленного ненасильственного сопротивления в случае провала военной обороны. «Ненасильственную оборону можно считать эшелонированным типом обороны в случае, если защита (военными средствами) территориальной целостности потерпела провал». В докладе говорилось: «Если допустить, что ненасильственную оборону можно использовать в качестве дополнения к (преимущественно военной) тотальной обороне, то имеется убедительное основание полагать, что это усилит потенциал сопротивления Норвегии и сдержит вражеское нападение».

1 марта 1989 года Норвежский Атлантический комитет выступил спонсором конференции на тему «Дополнительные формы обороны». С вводной лекцией по проблемам, связанным с введением гражданского сопротивления в норвежскую политику «тотальной обороны», выступил Йохан Йорген Хольст, который в то время был министром обороны Норвегии и являлся соавтором доклада 1967 года.

Какое-то время компонент общественной обороны был частью оборонной политики Швейцарии. Согласно швейцарской политике «всеобщей обороны», в случае неудавшейся попытки остановить захватчика военными средствами на оккупированных территориях страны может вводиться как «вооруженное сопротивление» (партизанская и военизированная борьба), так и «пассивное сопротивление».

Однако основная масса населения все же не должна участвовать в насильственном сопротивлении. Вместо этого жителям рекомендуется отказываться от всяческого сотрудничества, что не противоречит законам международного права. Эта часть населения, хоть и не оказывает насильственного сопротивления и не способствует применению насилия, «тем не менее не делает ни малейших уступок оккупационным властям и отвергает любую попытку сближения». Отказ от коллаборационизма, использование метода «холодного приема» оккупантов, отказ от сотрудничества при попытках захватчиков навязать населению

свою идеологию - являются важными обязанностями гражданского населения в подобной ситуации, как отмечено в «Книге по гражданской обороне», выпущенной в 1969 году и предназначенной для каждой семьи.

Финляндия не входит в число стран, которые уже включили компонент ненасильственного сопротивления в свою общую оборонную политику. Тем не менее, в 1971 году подчиняющаяся президенту финская Комиссия по психологической подготовке к обороне выпустила первый официальный труд по общественной обороне. Эта комиссия отвергла любую полную замену военной обороны новой оборонной политикой. Однако она признала полезным дополнить преимущественно военную оборонную политику страны компонентом ненасильственного сопротивления.

В докладе говорилось: «В определенных кризисных ситуациях можно применять методы невооруженного сопротивления как дополнение к вооруженному сопротивлению; они могут понадобиться на территории, находящейся под контролем захватчиков. Опыт различных стран показывает, что такие методы в сочетании с вооруженным сопротивлением могут быть полезны во время оккупации для защиты свободной деятельности общественных институтов и окончательного освобождения от оккупации». После проверки возможностей успешного применения общественной обороны Комиссия 1971 года предложила Финляндии вместе с военной подготовкой выработать план подготовки к ненасильственному сопротивлению в ситуациях, где оно кажется разумной альтернативой. Было решено, что такую работу надо начать как можно скорее, однако это не было сделано.

Бывшая Социалистическая Федеративная Республика Югославия включила невоенный компонент в свою политику тотальной национальной обороны. Генерал Никола Любичич писал, что в то время, как военная сила является существенной в рациональной стратегической системе, «для того, чтобы победить в общенародной оборонительной войне, необходимо гармонично и функционально скомбинировать все типы сопротивления, оставив вооруженную борьбу в качестве опоры». Югославская

политика явно позволяла использование ненасильственного сопротивления на оккупированных территориях страны. «Естественно, что иногда части действующей армии и территориальной обороны могут оказаться в положении вынужденного временного прекращения сопротивления, начав эвакуацию того или иного населенного пункта. Однако они должны оставить вместо себя военно-политическую организацию, способную продолжить борьбу политическими, диверсионными или другими методами».

Как отмечал Адам Робертс, эти альтернативные формы югославского сопротивления включали: (1) - моральное, политическое и психологическое сопротивление - непризнание капитуляции и оккупации, поддержка местных правительственных структур, ведение агитации и пропаганды и т.п.; (2) - экономическое сопротивление - материальная поддержка и обеспечение сил сопротивления, защита собственности, отказ от выполнения работы, выгодной нападающим, и т.д.; (3) - сопротивление в области культуры и образования; (4) - пассивное сопротивление - общественные бойкоты, отказ от сотрудничества и общая позиция непримиримости и враждебности. Югославская система обороны призывала к «тотальному вовлечению политических, экономических и общественных организаций не только для исполнения, но и для разработки планов».

После того как Хорватия, а также Босния и Герцеговина объявили независимость и вышли из состава бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии (соответственно в 1991 и 1992 годах), страшная война была развязана на территории этих республик. Эта война является наглядным подтверждением того, что в бывшей политике Общей национальной обороны крайне мало внимания уделялось методам невоенного сопротивления. Скорее наоборот - ставка на тактику ведения партизанской войны как на основной компонент обороны (основанная на опыте Второй мировой войны), завоевывает все большую популярность. Трагедия Югославии должна научить нас многому. Один из таких уроков заключается в понимании того, что страны, пережившие за историю своего существова-

ния этнические и аналогичные конфликты, должны остерегаться обучения населения методам ведения партизанской войны как одной из форм национальной обороны.

Когда в преимущественно военную оборонную политику страны включен компонент общественной обороны, могут возникнуть определенные проблемы. Отдельным лицам и группам, выполняющим важные оборонные обязанности, связанные с обороной, нужно будет оценить это сочетание военных и ненасильственных компонентов в действии. Например, участники сопротивления могут использовать ненасильственный характер оборонительной борьбы для того, чтобы подорвать мораль, надежность и повиновение войск противника (как это произошло в Чехословакии в 1968 году). Однако такие попытки могут оказаться крайне трудными или невозможными, если те же войска уже принимали участие в военных действиях, если их соратники были убиты или ранены или если им и в настоящее время угрожает опасность.

Проблемы сочетания насильственных и ненасильственных методов особенно важны, если предполагается одновременно использовать партизанскую войну и ненасильственную борьбу в рамках одной оборонной стратегии. Несколько недавних моделей «оборонительной обороны» или «ненаступательной обороны», как упоминалось в первой главе, содержат эту проблему. Если в одной географической области одновременно проводится ненасильственное сопротивление и партизанская война, могут возникнуть исключительно серьезные проблемы, ведущие не только к очень большим потерям, но и подрывающие эффективность ненасильственной борьбы в целом. По этим причинам введение компонента общественной обороны в военную оборонную политику не должно сопровождаться гражданской войной или введением некоторых военных компонентов «оборонительной обороны».

Комбинируемая оборонная политика, имеющая как военные, так и гражданские компоненты, представляет собой явный шаг вперед по сравнению с исключительно военной политикой. Однако необходимо уделять постоянное внимание

противоречиям, которые могут возникнуть по мере развития политики в целом, и их последствиям. Если изучение политики общественной обороны, опыт ее применения и практика продемонстрируют усиление оборонной мощи по сравнению с первоначальной, то многие проблемы в принципе можно будет решить, двигаясь по пути полного перевооружения. В противном случае надо приложить немалые усилия, чтобы предотвратить негативное влияние военного компонента на преимущества, предоставляемые обороне ненасильственным компонентом. В целом проблемы станут менее острыми, если появится возможность разделить или изолировать деятельность военной и общественной оборонительных систем.

Действия, направленные против внутренней узурпации власти. Другая возможная модель частичного перевооружения - добавление компонента общественной обороны непосредственно для того, чтобы предотвратить и устранить государственный переворот, узурпацию исполнительной власти или другие неконституционные попытки захватить управление государственным аппаратом. Захват власти внутри страны представляет серьезную проблему для обороны. В течение последних десятилетий многие страны явились свидетелями того, как их конституционные демократические и другие правительства были свергнуты, политические лидеры убиты, и новое диктаторское правление было навязано с помощью армии.

В некоторых странах, таких, как Таиланд, в течение нескольких десятилетий попытки добиться большей демократии и социальной справедливости постоянно прерывались военными или политическими переворотами. В последние годы в некоторых латиноамериканских странах, таких, как Аргентина, Перу, Чили, Гватемала и Бразилия, перевороты привели к серьезным проблемам. В африканских странах, где военные организации имеют большее влияние, лучше организованы, чем большинство общественных институтов, государственные перевороты явились основным фактором в формировании политических режимов на этом континенте с момента завоевания ими

независимости. В последние десятилетия в Европе тоже происходили перевороты. Таким образом, разные страны могут стремиться ввести политику общественной обороны в борьбу против внутренних узурпаций, оставляя военные средства для отражения внешней угрозы.

Большинство военных переворотов представляют собой преимущественно или даже исключительно военные операции. Другие виды переворотов направлены на захват государственной власти диктаторскими политическими партиями или органами политической «разведки»; иногда перевороты проводятся или поддерживаются как гражданскими, так и военными группировками.

Объявление этих захватов власти нелегальными или неконституционными не является решением проблемы: заговорщики вполне готовы нарушать конституционные и юридические запреты. Немногие захотят развязать гражданскую войну, чтобы пресечь подобные попытки переворота. Кроме того, когда переворот совершается или поддерживается армией, шансы военной победы сторонников конституции исключительно малы. В такой ситуации не существует военного решения, так же, как нет и конституционного пути, кроме тех случаев, когда пучисты представляют собой небольшую группу без сильной поддержки, а армия по-прежнему послушна конституционному правительству.

Общественная оборона потенциально является единственной политикой, способной не допустить установления диктатуры, не рискуя развязать гражданскую войну. Два случая, описанных в первой главе (Германия в 1920-м и Франция в 1961-м году), закончились успехом. Таким образом, предполагается, что основное решение проблемы пресечения внутренней узурпации власти может исходить из четкой, разработанной политики, построенной на ключевых характеристиках этих ситуаций.

Основная модель общественной обороны, направленной против таких попыток узурпации власти, похожа на действия, описанные в четвертой главе - отрицание законности нападающих; стремление не допустить учреждения их правительства и эффективного правления; сохранение контроля над граждан-

скими служащими, полицией и армией; мобилизация населения и гражданских институтов общества на отказ признать правительство узурпаторов; стремление достичь максимальной международной ненасильственной поддержки для восстановления конституционного правления.

Подготовка общества, государственного аппарата и населения может проводиться для того, чтобы увеличить возможность побеждать такие атаки с помощью средств несотрудничества и неповиновения. Те страны, которые в прошлом уже испытали подобную узурпацию, должны уделять особое внимание этим фактам. Это не означает, что страны, не имеющие подобного опыта, должны оставаться индифферентными. В Соединенных Штатах в 1987 году при расследовании дела «Ирангейт» было обнаружено существование небольшой группы, включавшей директора Центрального разведывательного управления, которая намеревалась установить самостоятельное, влиятельное «тайное руководство», преследующее собственные цели, не учитывая конституционные нормы и интересы правительственных учреждений США. Дело «Ирангейт» послужило серьезным предостережением о том, что очень немногие правительства застрахованы от попыток свержения и внутренних переворотов.

В большинстве случаев режимы и общества, которые чувствуют себя уязвимыми перед фактом подобных атак, могут начать расследования, публичные обсуждения, политическое изучение и принятие решений, подобных тем, которые использовались для принятия общественной обороны в иных целях. Конкретные законы и воспитание населения должны установить моральную и юридическую ответственность, предписывающую каждому гражданину отказывать в поддержке и повиновении любой группировке, стремящейся упразднить конституционную систему и навязать себя в качестве нового правительства.

Однако в определенных политических ситуациях, когда действия правительств и подготовка обороны против внутренней узурпации власти проходят по обычной схеме, существуют другие модели. Антиузурпаторская политика может публично об-

суждаться, используя, например, широко разветвленную программу воспитания населения, газеты, журналы, книги, радио и телевидение, а также общественные институты (центры общественного влияния). Эти организации не будут ограничиваться лишь образовательными, социальными, культурными, религиозными, профессиональными, деловыми и прочими элементами общества. Они должны также включать правительственных служащих, гражданских служащих, полицию, солдат, членов политических партий и другие группы. Это поможет создать ситуацию, когда сущность общественной обороны станет хорошо известна всему обществу и будут правильно поняты основные обязанности и конкретные ответные меры. При таких условиях станет возможным предотвращение неконституционного захвата власти.

Введение общественной обороны только в целях поддержания конституционного правительства в борьбе против внутренней узурпации власти может играть исключительно важную роль. Этот аспект новой политики представляет интерес для большинства правительств в мире. Независимо от способов, в результате которых многие из них пришли к власти, они часто сознают, что для сохранения власти им необходимы законность и народное признание, и не желают потерять власть в результате государственного переворота.

Планирование полного поэтапного перевооружения

Существует ряд стран, военная мощь которых по сравнению с потенциальным противником настолько незначительна, что они не способны к серьезной военной обороне. В некоторых странах армия может играть символическую роль или выполнять репрессивные функции во время острых внутренних конфликтов. Ограниченность военной мощи может иметь разные причины, включая недостаточные внутренние ресурсы, экономические проблемы, малочисленность населения и т.д. В некоторых странах, таких, как Австрия, внутренние обстоятельства могут осложняться ограничениями, связанными с условиями международных договоров.

С другой стороны, Польша способна содержать более крупную армию, которая может принимать участие в решении эко-

номических проблем, но польская армия никогда не станет адекватной силам России или НАТО. (Действительно, в 1980-х годах самые значительные действия польской армии были связаны с репрессиями.) Независимые страны Восточной Европы, такие, как Чешская республика, Словакия и Болгария, оказались в подобной ситуации.

Опыт стран, подобных вышеупомянутым, может стать предметом серьезного обсуждения, ведущего к долговременному полному перевооружению. Такое перевооружение на ранних этапах может быть принято полностью или, по крайней мере, в широком масштабе, однако переход скорее всего будет сознательно разбит на временные фазы (например, периоды в 10-15 лет).

Реальное перевооружение этих стран начнется, видимо, с введения ограниченных компонентов общественной обороны в исключительно или преимущественно военную политику. Это также предполагает введение подготовки, обучения и мобилизации обороноспособности во всех институтах общества. Начав с ограниченных компонентов общественной обороны, общество и правительство приобретут опыт по подготовке, обучению и ведению такого типа обороны. Начальные компоненты можно постепенно расширить и добавить к ним новые, при условии, что подготовка и опыт выявят достаточную жизнеспособность этой политики. По мере того, как ее влияние и доверие к ней будет возрастать, можно будет постепенно снижать зависимость от военных компонентов, до тех пор, пока не будет достигнуто полное перевооружение.

Полное перевооружение для таких стран будет иметь несколько преимуществ. Первое - они не будут представлять военную угрозу для своих соседей. Второе - они повысят свой сдерживающий и оборонный потенциал. Третье - они фактически исключат возможность внутренних государственных переворотов или захвата исполнительной власти военными средствами, при этом мобилизовав силу для разгрома любой такой попытки. Необходимость обороны и внутренняя ситуация некоторых стран достаточно серьезны, а развитие ненасильственной борьбы в целях обороны и освобождения дает основания

предположить, что важные политические меры, предпринятые в этом направлении, не явятся неожиданностью.

Многостороннее перевооружение

Общественная оборона всегда рассматривалась как политика, которая может быть принята путем одностороннего решения, приблизительно так же, как правительства вводили новые виды вооружения или совершали переход к новой военной системе в целом. Так считалось, что, поскольку новое оружие *усиливает* боевую мощь вооруженных сил, нет нужды или выгоды достигать соглашения с соседними режимами или враждебными государствами, чтобы они также внедрились новое оружие. Именно так происходило каждый раз, когда переходили на новый вид вооружения. С одной стороны, было много попыток *сократить* количество или тип вооружения посредством договоров и соглашений. В конце концов, они не приводили к заметным успехам.

Если общественная оборона действительно является мощной политикой сдерживания и защиты от нападений, то для любой страны нет причин медлить с перевооружением (частичным или полным), ожидая, пока их соседи или потенциальные противники тоже захотят это сделать. Однако в определенных ситуациях некоторые типы многостороннего поэтапного частичного или полного перевооружения могут оказаться реальным выбором. Такой выбор можно осуществить без формальных переговоров и соглашений, в то время как в других случаях эти действия явились бы важной составной частью изменений в обороне и военной мощи.

Многостороннее введение и прогрессирующую экспансию компонентов общественной обороны можно произвести в определенных регионах, например, в Скандинавских странах, в Центральной Америке или Центральной Европе. Уже заложена основа для серьезных исследований и изучения потенциала компонентов общественной обороны в оборонной политике четырех из пяти Скандинавских стран: Швеции, Норвегии, Дании и Фин-

ляндии. Почти ничего не было, однако, сделано в Исландии.

В Центральной Америке правительственный интерес к общественной обороне был весьма незначительным. Это регион, в котором армия поддержала или создала военные и политические диктатуры и где соседствующие правительства время от времени угрожали друг другу.

Один из способов сокращения международной напряженности и вероятности возникновения внутренних диктатур в этих странах состоит в поэтапном введении компонентов общественной обороны, с последующим вероятным сокращением различных типов вооружения и армии. Усиление гражданских институтов общества станет жизненно важным элементом введения новой оборонной политики в этом регионе.

Перевооружение посредством международных переговоров может быть достигнуто в Центральной Европе, особенно в свете больших изменений, которые произошли в Восточной Европе, и благодаря пересмотру западноевропейскими странами своей политики безопасности и обороны. Общественная оборона может стать недостающим звеном, которое, по меньшей мере, сможет привести к крупному сокращению вооружения, а то и полной демилитаризации широкого коридора между Северной и Южной Европой. Элементы общественной обороны могут вводиться поэтапно по согласованному графику и сопровождаться сокращением видов и количества вооружения. Если в принятом процессе демилитаризации все же сохраняются средства обороны, исчезают некоторые преграды, препятствующие достигнутому в переговорах сокращению вооружения и полному разоружению.

Общественная оборона и сверхдержавы

Намного меньше внимания было уделено применению общественной обороны в существующих и потенциальных сверхдержавках, чем проблемам обороны в малых и средних по размеру странах. Известно, что сверхдержавками сегодня являются Соединенные Штаты и Россия. Статус сверхдержавы основывается прежде всего не на обладании ядерным оружием, а на об-

ширности их территорий, численности населения и размере их государственных структур. В этом контексте Китай и Индия тоже относятся к этой категории. Объединенная Европа также могла бы быть сверхдержавой, хотя и весьма отличной от других. Кроме размера территорий и численности населения, дополнительными важными критериями являются степень централизованного контроля и уровень военной мощи.

Применение общественной обороны сверхдержавами в значительной степени зависит от сущности этих режимов и их целей. Многие не без основания считают некоторые из этих крупных стран агрессивными и репрессивными, стремящимися подавить своих соседей, установить жесткое централизованное правление собственным народом или управлять политикой, экономикой и военными средствами территориально отдаленных стран. В таком случае сверхдержава должна рассматриваться как вероятный агрессор, против которого необходимо применять общественную оборону и другие методы ненасильственной борьбы.

С другой стороны, если агрессивную внешнюю деятельность и внутренние репрессии сверхдержавы рассматривать как защитную реакцию на ощутимую международную опасность, то общественная оборона может стать позитивным вкладом в развитие этих обществ и в сокращение наиболее агрессивных характеристик сверхдержавы. По мнению Иосифа Сталина, в ситуации иностранной угрозы идеал рабочей демократии «невозможен». Сталин использовал аргументы национальной безопасности против призывов к свободе дискуссий внутри компартии. Он также утверждал, что «для того, чтобы освободить государство от бюрократических элементов, требуется полная безопасность и мирная обстановка во всем мире, тогда нам не понадобятся мощные военные кадры..., которые оказывают влияние на остальные правительственные институты».

Общественная оборона может быть полезна для сверхдержав по ряду причин. Предполагается, что, поскольку эти государства полностью зависят от своих огромных военных ресурсов, в настоящее время они не в состоянии проводить политику полного перевооружения ни на сиюминутной, ни на перспек-

тивной основе. Поэтому изначальная практическая реализация сверхдержавами новой политики начнется с введения дополнительных компонентов общественной обороны в рамках преимущественно военной политики для пресечения государственных переворотов и в качестве политики, проводимой относительно ранее зависимых от них союзников.

Остановимся кратко на потенциале общественной обороны сверхдержав - Соединенных Штатов и России. Их положение имеет как сходство, так и значительные различия.

Если союзники Соединенных Штатов, зависящие от них на данном этапе (особенно западноевропейские страны и Япония), благодаря этой политике способны принять на себя полную или хотя бы основную ответственность за свою собственную оборону, военные расходы Соединенных Штатов значительно сократятся, возможно, даже наполовину. Для этой цели Соединенные Штаты могут побудить своих союзников изучать политику общественной обороны и поделиться с ними результатами и перспективами исследований и другими сведениями об этой политике. Перевооружение Европы и Японии очень упростило бы проблему безопасности Соединенных Штатов. Окончание холодной войны предоставляет уникальную возможность для уделения серьезного внимания методам общественной обороны.

Когда отпадет необходимость защиты союзников, теоретически Соединенным Штатам могут угрожать три вида опасности: ядерная война, иностранная агрессия и внутренняя узурпация власти. Техническое и материальное обеспечение военного вторжения и оккупации континентальных Соединенных Штатов потребуют таких колоссальных затрат, что эта опасность исключается. Даже минимальная подготовка к общественной обороне против иностранной оккупации существенно увеличит проблемы захватчиков и устраним угрозу нападения. Подготовка к общественной обороне будет необходима, как уже отмечалось, для сдерживания и защиты против внутренних узурпаторов, государственных переворотов, захватов исполнительной власти или создания «тайных правительств». Остается только

достаточно серьезная долгосрочная проблема потенциального нападения с применением ядерного и другого оружия массового уничтожения. В целях сокращения этой угрозы уже предприняты значительные шаги: многосторонние соглашения и односторонние действия. При этом важно устранить причины, ведущие к таким нападениям. Хотя общественная оборона не решит всех проблем безопасности Соединенных Штатов, она может значительно упростить их и эффективно разрешить самые серьезные проблемы.

Что касается потенциальной агрессии против России, сложности успешного военного вторжения и оккупации сами по себе настолько велики, что хорошо подготовленная политика общественной обороны может создать мощное сдерживание и эффективную защиту против таких нападений.

Подобная политика будет соответствовать прогрессу внутренней демократизации и децентрализации и переводу экономических и человеческих ресурсов на осуществление важных, необходимых улучшений материального положения народа.

Россия, как и большинство государств, уязвима со стороны внутренней узурпации, в особенности из-за высокой степени централизации существующей системы. Такой вид нападения может быть развязан неосталинистами и направлен на восстановление сильной власти центра, а также военными и политическими группировками, желающими вновь навязать видоизмененную авторитарную систему.

В случае государственного переворота общественная оборона может оказаться единственной эффективной силой сдерживания и защиты, которой будет обладать новая демократическая Россия. Ярким примером проявления такой силы явились события в СССР в августе 1991 года, когда «силами народа» была сорвана попытка правого государственного переворота в Москве и других районах страны. Использование исключительно военных средств для подавления попытки государственного переворота могло привести к тяжелым для России последствиям: (1) - если большинство командного состава армии поддерживает переворот, единственные средства защиты оказываются бездейственными; (2) - если переворот поддерживается только частью офи-

церского состава армии, ввод в действие лояльной части армии может привести к открытому и кровавому расколу в армии, нанеся значительный ущерб военному потенциалу обороны страны; (3) - если армия является единственной оборонительной силой против государственного переворота и успешно выполняет свою миссию во время подобных кризисов, то, вероятно, армия будет играть более значительную роль в будущей политике России. Именно так и произошло в октябре 1993 года, когда с помощью противотанковых заграждений и десантных операций армия разгромила антиельцинскую коалицию, захватившую здание российского парламента.

Полезным для России может оказаться и тот факт, что народы разных национальностей бывшего Советского Союза делают все большую ставку на собственные силы в деле обороны или путем полного перевооружения, или, что более вероятно, вводя в свою политику элементы общественного оборонительного сопротивления. Возросший оборонный потенциал этих республик в сочетании с усилением использования методов ненасильственной борьбы в разрешении внутренних конфликтов мог бы способствовать ослаблению роли российской армии в конфликтах за пределами Российской Федерации. Этот факт, в свою очередь, помог бы сократить колоссальные военные расходы России.

Ситуации в других сверхдержавах и крупных странах, таких как Китай, Индия, Объединенная Европа и т.п. весьма отличаются друг от друга. Таким образом, первоочередной задачей становится изучение соответствия общественной обороны нуждам безопасности этих стран.

Потенциальные преимущества политики общественной обороны

В перспективе общественная оборона имеет потенциал - приобретение различных преимуществ, которые невозможны при военной оборонной политике. Ниже мы рассмотрим эти преимущества.

1. Используя в качестве решающего фактора социальные силы, а не армию, общественная оборона может увеличить возможность даже малых и средних по размерам стран рассчитывать на собственные силы в вопросах обороны и безопасности. Этим странам больше не потребуется зависимость в вооружении, поставках и союзничестве с более сильными в военном отношении государствами. Таким образом, исчезнут финансовые и политические издержки подобной зависимости.

Еще более важно, что самооборона, если она возможна, всегда более надежна, чем зависимость от союзников, которые в кризисной ситуации могут подвести. Свидетельство тому - Чехословакия, которую в 1939 году предали, а в 1968 году оккупировали собственные союзники. Общественная оборона предоставляет возможность наиболее полного использования собственных сил в деле сдерживания и обороны, в то же время сокращая военную угрозу.

2. В результате своего невоенного характера общественная оборона предоставляет возможности для сдерживания и обороны, не используя наступательные военные силы иностранных держав, тем самым сокращая международную напряженность и угрозу войны.

В международном масштабе основная часть оружия, производство которого было оправдано целями сдерживания и борьбы с агрессией, может использоваться и для нападения на другие страны. Этот факт, часто оправданно или нет, усиливал международную напряженность, ужесточал гонку вооружений и повышал угрозу войны. Общественная оборона, напротив, способна предоставить сдерживание и защиту, не обладая силой для начала военного нападения на другие страны.

3. Скорее всего, когда общественная оборона будет более широко принята, успешна и признана действенной, количество случаев международной военной агрессии сократится. Потенциальные захватчики, вероятно, перестанут совершать нападения на другие страны.

Перспектива того, что придется иметь дело с государствами, обладающими потенциалом политической самообороны,

способными лишить нападающих их целей и посеять недовольство среди сил нападения, похоже, заставит агрессоров лишний раз подумать и исключить, по крайней мере, некоторые случаи агрессии. Это воздействие, скорее всего, будет возрастать по мере увеличения количества стран, принимающих политику общественной обороны, и реальных фактов, свидетельствующих о том, что хорошо подготовленные страны, использующие общественную оборону, трудно или невозможно победить.

4. Использование общественной обороны может сократить распространение ядерного оружия, обеспечивая альтернативу для достижения самостоятельности в политике безопасности, когда обычное вооружение кажется неадекватным или неприемлемым.

Одна из причин того, что некоторые государства заинтересованы в развитии ядерного оружия, заключается в том, что они считают свое обычное вооружение недостаточным и хотят избежать зависимости от оружия и политики военных сверхдержав. Общественная оборона предлагает альтернативный путь - без ядерного оружия достигнуть независимости в сдерживании и обороне. Если это станет ясно, все расширяющееся применение такой политики сможет сократить распространение ядерного оружия.

5. Общественная оборона, скорее всего, уменьшит масштаб узурпации и военных репрессий внутри страны. Одним из величайших парадоксов для сторонников демократии явился тот факт, что во многих государствах и в самых различных ситуациях армия, созданная для *обороны* общества и его правительства, направляла свое оружие против него. Во многих странах армии свергали конституционное правительство, устанавливая военную диктатуру, или вооруженные оборонительные силы использовались для поддержки диктатур и подавления внутренних движений за свободу и социальную справедливость или даже для кровавых расправ (вспомним англичан в Амритсаре в 1919 году и китайцев на площади Тяньаньмынь в 1989 году).

Подобные ситуации невозможны в случае принятия общественной обороны. Во-первых, в отличие от военных систем, общественная оборона не создает внутреннего насильственного

потенциала для совершения государственных переворотов против законного конституционного правительства. Во-вторых, согласно политике общественной обороны, при подготовке к несотрудничеству и неповиновению против внутренней узурпации действительно применяется фактор сдерживания и конституционный оборонный потенциал. Более того, благодаря своему ненасильственному характеру, “оружие” общественной обороны вообще не может использоваться в целях подавления. Если ненасильственная борьба применяется для разрешения внутренних конфликтов, она может оказаться разрушительной, однако результаты в целом сопоставимы с миром и порядком в стране и удасть избежать последствий внутренних репрессий.

Из обсуждения в первой и четвертой главах становится ясно, что методы общественной обороны разработаны для защиты как от внутренних нападений, так и от иностранной агрессии, чего обычно нельзя добиться военными средствами, не рискуя развязать гражданскую войну, кроме тех случаев, когда путчисты составляют слабое, не пользующееся доверием, меньшинство. К сожалению, в большинстве случаев армия, полиция и бюрократический аппарат содействуют или, по крайней мере, не выступают против переворота. Это происходит по разным причинам - из-за того, что они действительно его поддерживают, из-за желания избежать гражданской войны или из-за незнания своих альтернативных возможностей. Общественная оборона предоставляет мощные средства борьбы с внутренней узурпацией власти в стране, не провоцируя широкого применения внутренних репрессий.

6. При определенных условиях, выбор и подготовка к общественной обороне могут, как минимум, способствовать сокращению внутренних репрессий, проводимых недовольными группировками, и косвенно побудить их выразить свои претензии с помощью ненасильственных действий.

Применение насилия в стране может исходить из коренных идеологических различий и чувства безысходности, вызванного страданиями, несправедливостью, угнетением и нищетой. Такое насилие может принимать формы бунтов, покушений,

террористических акций или партизанских войн. Сторонники насилия могут оправдывать свои действия остротой проблем, доказывая, что насилие является наиболее мощным доступным средством разрешения конфликта. Этот последний аргумент бывает оправдан решением общества обратиться к военным действиям при урегулировании острых международных и внутренних кризисов. Таким образом, оценка и оправдание насилия “положительными целями”, например, защиты нации, могут оказывать непредсказуемое и неосознанное воздействие на способы разрешения внутренних конфликтов. Недовольное население может счесть применение насилия оправданным, тогда как другие меры покажутся ему несостоятельными, и само общество санкционирует использование организованного насилия для разрешения наиболее острых конфликтных ситуаций.

В результате процесса перевооружения общество перестанет применять насилие как наиболее эффективный тип действий. Вместо этого самым эффективным методом действий явится ненасильственная борьба. Законность, приписываемая насилию во имя положительных идеалов, перестанет приниматься в расчет, вместо этого узаконится ненасильственная борьба.

7. Вероятнее всего, именно общественная оборона, а не ее вооруженный “двойник” будет акцентировать внимание на первоначальных причинах конфликта, а не на ущербе, наносимом врагу.

Одна из наиболее трагических сторон военных действий заключается в том, что эти действия предназначены для нанесения наибольшего ущерба армии, населению и ресурсам противника. Породившая конфликт проблема обычно отходит на задний план, заслоненная методами ведения войны. Часто случается так, что, когда военная победа одержана, изначальные цели конфликта оказываются забытыми.

Совершенно другая динамика присуща ненасильственной борьбе. Акты ненасильственного протеста и сопротивления обычно наиболее эффективны, если они являются отражением наиболее острых проблем. Например, борьбу с цензурой лучше всего проводить при помощи свободной прессы и выступлений протеста,

а не посредством покушений на членов парламента, узаконивших подобную цензуру.

8. Общественная оборона как метод ненасильственной борьбы в целом стремится обойтись меньшим количеством жертв и разрушений, чем равнозначные военные конфликты. Это имеет множество преимуществ.

Несмотря на то, что мы не располагаем подробными статистическими отчетами, все доступные данные свидетельствуют о том, что число убитых и раненых, не говоря уже об огромном материальном ущербе, в ходе обычных, и особенно партизанских, войн гораздо больше, чем при сопоставимых случаях ненасильственной борьбы. Рассматривая эту сторону проблемы, следует также иметь в виду серьезность вызвавших конфликт проблем, численность населения и другие факторы.

9. Странам, придерживающимся политики общественной обороны и освободившимся от обычных военных или ядерных средств нападения, гораздо меньше угрожает опасность нападения с применением оружия массового уничтожения.

Интересно отметить, что существующие средства ядерного устрашения, предназначенные для сдерживания нападений, обладают эффектом обратного действия: другие ядерные державы держат под контролем страны, обладающие подобным оружием. А в кризисных ситуациях такие страны могут быть подвергнуты упреждающему удару именно потому, что их расценивают как потенциальных захватчиков.

10. Вероятность иностранного нападения можно также снизить с помощью разработки более “позитивной” внешней политики, которая способна укрепить общественную оборону, уменьшив международную напряженность и завоевав доброжелательность по отношению к стране с невоенной политикой.

Таким переменам, вероятнее всего, будет способствовать не военная политика, а политика общественной обороны, переход к которой предоставит больше экономических ресурсов для экономики страны и для оказания международной помощи. Финансовые, материальные и человеческие ресурсы больше не будут связаны с удовлетворением военных потребностей, и посе-

му будут более доступны для удовлетворения нужд населения как в своей стране, так и за рубежом. В таком случае можно будет высвободить больше ресурсов для содействия решению насущных международных проблем до вступления их в стадию военного конфликта.

В то время как подобное содействие должно быть предпринято в собственных интересах, странам, проводящим политику общественной обороны, выгодно завоевать такими средствами усиление международного авторитета. Такой авторитет в случае агрессии может сократить вероятность нападения и вызвать международную поддержку. Подобная политика взаимной поддержки, сопровождающая перевооружение, скорее всего поможет усилить собственную национальную безопасность и поднять жизненный уровень в международном масштабе.

11. Политика общественной обороны может также сократить численность правительства и расходы на сдерживание и оборону. Поскольку войны и военные структуры были решающим фактором роста государств, поворот к невоенной системе обороны поможет пересмотреть тенденцию к увеличению размера и стоимости государственного аппарата и оборонного истеблишмента.

Хотя политика общественной обороны потребует значительных экономических затрат, она обойдется гораздо дешевле, чем военная, в основном за счет того, что для общественной обороны не потребуются наличие боевой техники. К тому же ответственность за оборону страны перейдет от крупных военных профессиональных структур к населению страны и независимым институтам общества. Это не исключает существования профессиональных исследовательских центров по изучению проблем общественной обороны, групп стратегического планирования, центров по подготовке и обучению населения, однако они будут существенно меньше обычных военных организаций. Кроме того, появится сильная тенденция к осуществлению общественной обороны в основном с помощью независимых организаций и институтов общества, а не с помощью многочисленных специалистов.

12. Общественная оборона сумеет избежать централизованного влияния, присущего военным системам, и вместо этого введет децентрализацию, связанную с ненасильственными действиями. Это особенно справедливо по отношению ко всевозрастающей самостоятельности. Расчет на собственные силы поможет создать менее централизованную и более плюралистичную социальную и политическую структуру с привлечением широких масс населения, тем самым способствуя распределению власти и ответственности внутри общества. Все это, без сомнения, соответствует идеалам демократического общества.

13. Следующим преимуществом политики общественной обороны является тот факт, что у населения появляется стимул для оценки принципов, провозглашаемых обществом, и оно будет действовать в соответствии с этими принципами. Возлагая ответственность за оборону на собственный народ, подобная политика побуждает его осознать качества общества, достойные защиты, и подумать о способах усовершенствования своего общества.

14. Осуществляя сдерживание и оборону посредством гражданских форм борьбы, новая политика предоставляет способ, с помощью которого можно постепенно заменить войну менее опасным выбором. Если подобный выбор будет расцениваться как адекватный, некоторые страны смогут целиком отказаться от военных средств как устаревших и ненужных. По мере того, как новая политика продемонстрирует свою способность стать реальной оборонной силой, обращение к военным средствам постепенно сократится. Отдельные страны или группы стран смогут предпринять значительные шаги, чтобы отказаться от идеи войны, совершенствуя и все более заменяя ее политическим эквивалентом.

Дальнейший анализ данного выбора

Необходимо более широко изучить и обсудить потенциал политики общественной обороны с населением и институтами общества стран, испытывающих затруднения в своей внутрен-

ней и внешней оборонной политике. Реально это охватывает практически все страны. Иногда инициатива может исходить от правительства и даже от военных, впрочем, более вероятно, что обсуждение начнется среди населения, в независимых институтах общества, а также в академических и политических кругах.

Могут быть предприняты различные меры по распространению в обществе информации о характере и потенциале ненасильственного выбора и для широкой пропаганды официальной и неправительственной оценки этой политики. Целью таких действий должно явиться широкое распространение знаний, стимуляция идей и перспективная оценка практического потенциала этой политики. Подобные усилия, однако, не должны быть направлены на привлечение *новообращенных* или *“верующих”*.

Первый основной шаг - индивидуальное или групповое самообразование в целях получения или распространения знаний об общественной обороне и правильной оценке потребности в дальнейшем использовании и совершенствовании этой политики. Население может улучшить собственные навыки, к примеру, устных и письменных публичных выступлений, повысить эффективность воспитательных и образовательных мер или продолжить свое образование для подготовки к исследованиям и разработкам в данной сфере знаний.

Ненасильственная борьба и общественная оборона должны стать частью программы многих общих курсов в системе нашего образования, необходимо также ввести и расширить специальные курсы по этим наукам. Их целью должно стать распространение знаний и побуждение студентов к самостоятельному мышлению, а не навязывание им определенной точки зрения.

Для поддержки исследований, общественно-политических разработок, воспитательной работы, формирования общественного мнения о характере и потенциале ненасильственной борьбы в целом и общественной обороны в частности срочно необходимы финансовые ресурсы. В целях выработки рекомендаций относительно того, заслуживает ли подобная политика внимания или содействия со стороны вышестоящих органов, местные,

областные, региональные, национальные и международные организации могут создать специальные комиссии по ознакомлению с политикой общественной обороны.

В ключевые моменты, когда необходимая общественная подготовительная работа проведена, частные и общественные исследования этой политики могут выполняться законодательными органами, парламентами, национальными ассамблеями и другими подобными органами. Аналогичные исследования могут и должны проводиться министерствами, оборонными ведомствами и другими военными организациями.

В настоящее время серьезную опасность представляют международная агрессия и внутренняя узурпация власти - с одной стороны, и ответный военный удар по ним - с другой. Как уже отмечалось в этой книге, существуют значительные доказательства того, что общественная оборона обладает мощным потенциалом. Основное утверждение данной работы заключается в том, что общественная оборона может успешно сдерживать и защищать от нападений, не усиливая угрозу международных конфликтов или гражданских войн.

Данная альтернативная политика существует, однако на начальной стадии требуется большее знание и лучшее понимание ее проблем и потенциала. Следовательно, необходимо тщательное изучение этой политики. Исследованию подлежат возможности отдельных стран и угроза со стороны их противников, так как потребности обороны, ее потенциал и проблемы в разных странах варьируются.

Очевидно, что обсуждение и поэтапное принятие компонентов общественной обороны будут возрастать отчасти благодаря неэффективности реального военного выбора во многих странах. Внимание к общественной обороне, вероятно, может быть также привлечено в связи с участвующим применением методов ненасильственного сопротивления.

Пришло время ускорить и значительно расширить применение этой политики. В худшем случае выяснится, что эта идея нежизнеспособна и на нее не стоит тратить время и ресурсы в будущем. Незначительные результаты подобных усилий продемонстрируют, что, хотя и неспособная в настоящее время эф-

фективно разрешить те или иные проблемы, именно общественная оборона, а не военные действия, сможет внести значительный вклад в политику сдерживания и обороны. В лучшем случае исследования покажут, что общественная оборона обладает гораздо большим потенциалом, чем принято считать, и что она может сыграть важную роль в будущей оборонной политике. Сила народа может в конце концов доказать, что она является самой действенной и надежной системой обороны в эпоху постмилитаризма.

Примечания

По поводу обсуждения проблемы разоружения см.: Gene Sharp, *Making Europe Unconquerable* (London: Taylor & Francis, 1985, и Cambridge, Massachusetts: Ballinger Publishers, 1985; второе американское издание с предисловием George Kennan, Cambridge, Massachusetts: Ballinger Publishers, 1986), глава 3.

Высказывание министра обороны Австрии Отто Рюша взято из письма, которое он послал Андреасу Майслингеру 30 апреля 1982 года. Приношу свою благодарность д-ру Майслингеру за предоставленную информацию.

Информацию о роли общественного сопротивления в оборонной политике Австрии можно найти в: *Landesverteidigungspan* (National Defense Plan), (Vienna: Federal Chancellery, March 1985), стр. 49 и 55. Приношу свою благодарность д-ру Хайнцу Ветшере за предоставленную обширную документацию об австрийской оборонной политике и обсуждении компонента общественной обороны.

Задачи шведской Комиссии по невоенному сопротивлению изложены в указе правительства Швеции "sfs 1987: 199 Forordning med instruktion for delegationen for icke-militart motsland", 23 апреля 1987 года. Хочу выразить благодарность Леннарту Бегфельдту за переданную мне информацию по невоенному сопротивлению в Швеции. Я также благодарен министру обороны Швеции и военному атташе в Вашингтоне за предоставление обширной документации.

Цитата Гуннара Густафссона взята из его предисловия к книге: Nakan Wall's *Motstand utan vald* («Спротивление без применения насилия»), (Stockholm : Sveriges Udbildningsradio AB (Swedish Educational Broadcasting Company), 1988), стр.2-3.

Дополнительную информацию о норвежском сопротивлении нацистской оккупации см. в брошюре: Gene Sharp, *Tyranny Could Not Quell Them* (London: Peace News, 1958, и более поздние издания. О датском сопротивлении немцам см.: Werner Warmbrunn, *The Dutch Under German Occupation 1940-1945*, (Palo Alto, California: Stanford University Press и London: Oxford University Press, 1963.)

Об отчете Норвегии в 1967 году см.: Johan Jorden Holst, Eystein Fjælili, и Harald Ronning, "Ikke-Militaert Forsvar og Norsk Sikkerhetspolitikk" (Невоенная оборона и политика безопасности Норвегии), (Kjeller, Norway: Forsvarets Forskningsinstitutt (Defense Research Institute), 1967, стр. 44 и 46.

Цитаты о действиях граждан Швейцарии в случае оккупации взяты из: Albert Bachmann и Georges Grosjean, *Zivilverteidigung* (Civilian Defense) (Miles-Verlag, Aarau: Eidg. Justiz- und Polizeidepartement im Auftrag des Bundesrates (Confederal Justice and Police Departments by order of the Federal Council, 1969) стр.273-300.

Информация о событиях в Финляндии взята из: "Aseeton Vastarinta" («Спротивление без оружия») (Helsinki: Henkisen maanpuolustuksen suunnittelukunta, 1971), mimeография, стр. 27-28. В 1975 году вышел второй финский доклад, признавший важность «сопротивления без оружия» в качестве дополнения к вооруженному сопротивлению. См.: "Aseeton Vastarinta ja sen toteuttamisedellytykset Suomessa" (Helsinki: Henkisen maanpuolustuksen suunnittelukunta, 1975), mimeография, стр. 29. Я глубоко признателен Стивену Хаксли за поиск и перевод приведенных в данной книге финских документов.

Цитата генерала Николы Любичича взята из его книги: *Total National Defense - Strategy of Peace* (Belgrade: Socialist Thought and Practice, 1977), стр. 151.

Высказывание о продолжении сопротивления после окончания военной обороны при оккупации части Югославии взято

из: Lt.-Col. Milojica Pantelic, "Territorial Defense", в сборнике: Vukotic и другие, *The Yugoslav Concept of General People's Defense*, (Belgrade : Medunarodna Politika, 1970), стр. 280, цитируется также по: Adam Roberts, *Nations in Arms*, второе издание (New York: St. Martin's Press, 1986), стр. 210.

Обзор ненасильственных форм сопротивления в Югославии взят из статьи: "Forms of Resistance in Nationwide Defense", *Svenarodna Odbarna* (Zagreb) (август-сентябрь 1972), как цитируется в книге: Roberts, *Nations in Arms*, стр. 210-211.

О роли политических, социальных и экономических организаций в планировании и проведении обороны Югославии см.: Roberts, *Nations in Arms*, стр. 179.

О расследовании дела «Ирангейт» и разоблачении «тайного руководства» см.: *Report of the Congressional Committees Investigating the Iran-Contra Affair*, сокращенное издание (New York: Random House, 1988).

О взглядах Сталина относительно влияния военной угрозы на внутреннюю диктатуру см.: Isaac Deutscher, *Stalin: A Political Biography* (London: Oxford University Press, 1959), стр. 226, 258, 263, 285.

О потенциале общественной обороны в укреплении самодостаточности европейских стран-членов НАТО и в уменьшении военной роли Соединенных Штатов Америки см.: Gene Sharp, *Making Europe Unconquerable*.

Об авторе

Доктор философии (Оксфорд) Джин Шарп работает старшим научным сотрудником в институте имени Альберта Эйнштейна - общественной организации, занимающейся исследованиями, изучением политики и обучением в области ненасильственной борьбы. Ранее Джин Шарп занимал должность директора Программы по применению ненасильственных санкций в конфликтах и обороне в Центре международных отношений при Гарвардском университете, а сейчас является заслуженным профессором политологии Массачусетского университета в Дартмуте.

Степень доктора философии в политических науках была присвоена Джину Шарпу в Оксфордском университете, степень магистра искусств в социологии - в Государственном университете штата Огайо, степень бакалавра искусств в общественных науках - в Государственном университете штата Огайо. До 1965 года, когда он получил приглашение в Гарвардский университет, Джин Шарп в течение десяти лет жил в Англии и Норвегии. Профессор Шарп является лектором-международником, а его труды переведены более чем на двадцать языков мира.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ	9

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБОРОНА БЕЗ ВОЙНЫ?

Потребность в обороне	16
Общественная оборона	21
Исторические прототипы	23
Примеры импровизированной борьбы против государственных переворотов	27
Примеры импровизированной борьбы против иностраных вторжений	33
Основы систематической разработки нового типа обороны	39
Примечания	40

ГЛАВА ВТОРАЯ

БОРЬБА ЗА ИСТОЧНИКИ СИЛЫ ВЛАСТИ

Непредвиденные возможности	43
Зависимость правителей	45
Источники силы власти	47
Зависимость от населения	49
Неэффективность репрессий	51
Возможность коллективного сопротивления	54
Необходимые условия ненасильственной борьбы	56
Структурная основа народного контроля	57
Структурная основа свободы	59
Социальные корни общественной обороны	60
Примечания	63

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ВЛАСТЬ

Система ненасильственного вооружения	64
Методы ненасильственных действий	68
Обладание властью	80
Важность стратегии	85
Важность центров общественного влияния	86
Проблемы противника	88
Репрессии	89
Боевая ненасильственная дисциплина	92
“Политическое джиу-джитсу”	95
Четыре механизма изменения существующей ситуации	98
Факторы, влияющие на механизмы принуждения и дезинтеграции	105
Провал или успех?	113
Изменения в группе, ведущей ненасильственную борьбу	119
Даже против диктатуры	120
Примечания	122

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОБОРОНА

Разработка новой оборонной политики	128
Захват территории или геноцид	129
Анализ нападающими задач и успеха	132
Сдерживание при помощи общественной обороны	133
Боеспособность общественной обороны	137
Соблюдение законности и способность к самоуправлению	139
Выбор стратегии обороны	142
Спротивление насилию агрессора	146
Две стратегии начальной стадии борьбы	148
Стратегия оборонительной борьбы	157
Международная поддержка общественной обороны	169
Успех или провал?	170
Примечания	177

ГЛАВА ПЯТАЯ

НАВСТРЕЧУ ПЕРЕВООРУЖЕНИЮ

Импровизированная ненасильственная борьба и общественная оборона	179
Мотивы проведения общественной обороны	180
Являются ли фундаментальные изменения необходимыми предпосылками общественной обороны?	182
Внепартийный подход к анализу политики общественной обороны	189
Процесс перевооружения	192
Модели выбора политики перевооружения	196
Общественная оборона и сверхдержавы	213
Потенциальные преимущества политики общественной обороны	217
Дальнейший анализ данного выбора	224
Примечания	227